

Удивительный мир диких животных

Обезьяны

Гориллы · Шимпанзе · Орангутаны
Гиббоны · Павианы · Макаки · Лангуры
Обезьяны Нового Света

Источники иллюстраций

All photographs in this book are by Nina Leen except those listed below:

Cover photograph — Co. Rentmeester, T—L P.A. 1 — George Holton from Photo Researchers, Inc. 5 — Larry Burrows, T—L P.A. 8 — (bottom, left) Co. Rentmeester, T—L P.A. 8—9 — (top) Ralph Morse, T—L P.A., (bottom) Stephen Zoloth. 9 — (top, right) Stanley Washburn, T—L P.A., (bottom, right) Helmut Albrecht from Bruce Coleman, Inc. 17 — Bruce Coleman, Inc. 18 — Ph. Grossa from Jacana. 19 — Tom McHugh from Photo Researchers, Inc. 20 — (top, left) Ph. Grossa from Jacana, (bottom, right) Lee Lyon from Bruce Coleman Ltd. 20—21 (top) Lee Lyon from Bruce Coleman Ltd. 21 — (right) Lee Lyon from Bruce Coleman, Inc. 22—23 — Dian Fossey from Bruce Coleman, Inc. 23 — Lee Lyon from Bruce Coleman, Inc. 29 — Wolfgang Bayer. 30 — (left) Jacques Langoux from Photo Researchers, Inc. 30—31 — Karen Minkowski. 32 — Helmut Albrecht from Bruce Coleman Ltd. 33 — (top) Helmut Albrecht from Bruce Coleman Ltd., (bottom) Wolfgang Bayer. 38 — Helmut Albrecht from Bruce Coleman Ltd. 40—41 — Helmut Albrecht from Bruce Coleman Ltd. 46 — (top, left) Co. Rentmeester, T—L P.A., (bottom, left) Co. Rentmeester, T—L P.A., (bottom, right) Wolfgang Bayer. 47 — (top, left) Michael Rougier, T—L P.A., (bottom, left) Co. Rentmeester, T—L P.A. 48 — (top) Co. Rentmeester, T—L P.A., (bottom) Wolfgang Bayer. 49 — (top, left) Wolfgang Bayer, (top, right) Wolfgang Bayer, (bottom, left) Co. Rentmeester, T—L P.A. 52 — (top) Michael Rougier, T—L P.A., (bottom) Co. Rentmeester, T—L P.A. 52—53 — Co. Rentmeester, T—L P.A. 53 — Co. Rentmeester, T—L P.A. 60 — George Silk, T—L P.A. 61 — (bottom) E.H. Rao from Natural History Photographic Agency. 64 — (bottom) E.H. Rao from Natural History Photographic Agency. 65 — (top and bottom) Alfred Eisenstaedt, T—L P.A. 66 — Carlo Bagnoli, T—L P.A. 67 — Bill Ray, T—L P.A. 68 — Larry Burrows, T—L P.A. 69 — Co. Rentmeester, T—L P.A. 72 — (right) Bruce Coleman, Inc. 74 — R.L. Fleming from Bruce Coleman, Inc. 75 — (top) Brian Hawkes from Natural History Photographic Agency, (bottom) Andrew Anderson from Natural History Photographic Agency. 77 — Bill Ray, T—L P.A. 78 — Bill Ray, T—L P.A. 79 — (top) George Holton from Photo Researchers, Inc., (bottom) Bill Ray, T—L P.A. 82 — (top) Nadine Zuber from Rapho/Photo

Researchers, Inc., (bottom) R.D. Estes from Photo Researchers, Inc. 83 — (top, left) Christina Loke from Photo Researchers, Inc., (right) Alfred Twoomey from Photo Researchers, Inc. 84 — (top) Stanley Washburn, T—L P.A., (bottom, left and right) Irven DeVore, T—L P.A. 85 — (top) Brian Hawkes from Natural History Photographic Agency, (bottom, left and right) Irven DeVore, T—L P.A. 86 — Toni Angermayer from Photo Researchers, Inc. 87 — (top, right) Toni Angermayer from Photo Researchers, Inc. 89 — Co. Rentmeester, T—L P.A. 90—91 — Steven Green. 91 — Steven Green. 92—93 — Stephen Zoloth. 94—95 — Stephen Zoloth. 95 — (top, right) Karen Minkowski. 96—97 — Alfred Eisenstaedt, T—L P.A. 98 — (top) Karen Minkowski, (bottom) E.H. Rao from Natural History Photographic Agency. 99 — (left) Co. Rentmeester, T—L P.A., (right) Wolfgang Bayer. 100—101 — Co. Rentmeester, T—L P.A. 101 — Co. Rentmeester, T—L P.A. 102 — Co. Rentmeester T—L P.A. 103 — Co. Rentmeester, T—L P.A. 104—105 — Lysa Leland. 105 — Bruce Coleman, Inc. 106 — (top) R.J. Johns from Bruce Coleman, Inc., (bottom) M.N. Boulton from Bruce Coleman, Inc. 107 — Ivan Polunin from Natural History Photographic Agency. 109 — Bruce Coleman, Inc. 110 — (bottom, left) E.H. Rao from Natural History Photographic Agency. 112 — (bottom, right) Bruce Coleman, Inc. 116 — (left) Milwaukee from Jacana.

Photographs on endpapers are used courtesy of Time-Life Picture Agency and Russ Kline and Stephen Dalton of Photo Researchers, Inc.

FILM SEQUENCES and individual frames are from "The Monkeys of Koshima", "Green Ceilings of Borneo", "Man's Closest Kin" and "Links to Man's Past", programs in the Time-Life Television series *Wild, Wild World of Animals*.

MAPS on pages 16, 28, 44, 54, 62, 70, 76, 88, 108 and 122 are by Enid Kotschnig.

ILLUSTRATIONS on pages 11, 14 and 124 are by Lorraine J. Meeker and Chester S. Tarka. Evolution chart on pages 12—13 is by Peter Barrett.

Other illustrations on pages 24—25, 27 and 31 are by André Durencau. Illustrations on pages 34—37, 42—43, 50—51, 80—81, 114—115, 121 and 127 are by Jennifer Perrott. Illustration on page 59 is by Tony Chen.

A TIME-LIFE TELEVISION BOOK

Produced in Association with Vineyard Books, Inc.

Editor: Eleanor Graves

Senior Consultant: Lucille Ogle

Text Editor: Richard Outahan

Associate Text Editors: Bonnie Johnson, Jack Murphy, Milton Orshofsky

Advisory Editor: Bertel Bruun

Authors: Prue and John Napier

Assistant Editor: Regina Grant Hersey

Research: Ellen Schachter, Elsie Washington

Copy Editor: Robert J. Myer

Picture Editor: Richard O. Pollard

Picture Research: Judith Greene, Barbara Crosby

Permissions: Jo-Anne Cienski

Book Designer and Art Director: Jos. Trautwein

Creative Consultant: Philip H. Wootton Jr.

Production Coordinator: Jane Quinson

Удивительный мир диких животных

Обезьяны

Wild, Wild World of Animals

Monkeys &
Apes

Based on the television series
Wild, Wild World of Animals

Published by
TIME-LIFE FILMS

Удивительный мир диких животных

П. Нейнье
Дж. Нейнье

Обезьяны

Перевод с английского канд. биол. наук Е. Годиной
Предисловие д-ра биол. наук Э. П. Фридмана

Москва • Мир • 1984

Нейпье П., Нейпье Дж.

Н46 Обезьяны: Пер. с англ. / Предисл. Э. П. Фридмана. — М.: Мир, 1984. — 128 с., с ил.

Очередная книга зарубежной серии «Удивительный мир диких животных», принадлежащая перу английских приматологов Пру и Джона Нейпье. Рассказывает о низших и высших обезьянах: их происхождении, систематике, образе жизни.

Текст дополнен отрывками из произведений известных натуралистов и мастеров прозы.

Для любителей живой природы.

2005000000—251

ББК 28.693.36
596.5

Н — 144—84, ч. 1
041(01)—84

*Редакция научно-популярной и
научно-фантастической литературы*

© 1976 Time-Life Films, Inc.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984

АВТОРЫ

ПРУ НЕЙПЬЕ — эксперт Британского музея по низшим и высшим обезьянам. Прежде работала в Смитсоновском институте в Вашингтоне (США), где помогала мужу, профессору Джою Нейпье, в создании Программы по изучению биологии приматов. Вместе с Дж. Нейпье написала «Справочник по современным приматам», а также несколько других книг о высших и низших обезьянах.

Профессор ДЖОН НЕЙПЬЕ — анатом и антрополог, ведущий приматолог Великобритании. Во время второй мировой войны служил в армии в качестве хирурга-ортопеда. После войны, оставив медицинскую практику, занялся изучением приматов и эволюции человека. По его инициативе в Великобритании был впервые введен курс биологии приматов. В настоящее время приглашен читать лекции в Беркбек-Колледже Лондонского университета.

КОНСУЛЬТАНТЫ

УИЛЬЯМ КОНВЕЙ, генеральный директор Нью-Йоркского зоологического общества, — известный зоолог, проявляющий особый интерес к вопросам охраны дикой природы. Член совета многих научных обществ и организаций по охране окружающей среды, в том числе американского отделения Всемирного фонда охраны дикой природы и Орнитологической лаборатории при Корнеллском университете. Бывший президент Американской ассоциации зоопарков и аквариумов.

Д-р ДЖЕЙМС УОДДИК, куратор отдела по распространению научных знаний Нью-Йоркского зоологического общества, — герпетолог, специализирующийся по земноводным. Печатается во многих научных журналах, был участником экспедиций в Мексику, Центральную Америку и Эквадор. Член Американского общества ихтиологов и герпетологов, действительный член Американской ассоциации зоопарков и аквариумов, член комитета этой ассоциации по распространению научных знаний.

ДЖЕЙМС ДОЭРТИ, куратор отдела млекопитающих Нью-Йоркского зоологического общества, — в его ведении находится коллекция млекопитающих, которая содержится в принадлежащем Обществу зоопарке в Бронксе (Нью-Йорк) и насчитывает около тысячи видов. Автор многих статей по естественной истории, размножению млекопитающих в неволе и уходу за ними. Член Американской ассоциации териологов, действительный член Американской ассоциации зоопарков и аквариумов.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	6
ВСТУПЛЕНИЕ	9
ГОРИЛЛЫ	16
Отрывок из книги Алана Мурхеда	
«Ковчег переполнен»	24
Отрывок из книги Джорджа Б. Шаллера	
«Год под знаком гориллы»	26
ШИМПАНЗЕ	28
Отрывок из книги Эдгара Райса	
Берроуза «Тарзан — приемный обезьян»	34
Отрывок из книги Джейн ван Лавик-	
Гудолл «В тени человека»	42
ОРАНГУТАНЫ	44
Отрывок из рассказа Эдгара Аллана	
По «Убийства на улице Морг»	50
ГИББОНЫ	54
Отрывок из книги Р. Х. ван Гулика	
«Гиббон в Китае»	58
ЛАНГУРЫ И ГВЕРЕЦЫ	62
МАРТЫШКИ	70
ПАВИАНЫ	76
Отрывок из книги Айвана Т. Сэндерсона	
«Сокровищница животных»	80
МАКАКИ И МАНГОБЕИ	88
ОБЕЗЬЯНЫ НОВОГО СВЕТА	108
Отрывок из книги Роберта Ардри	
«Территориальный императив»	114
Отрывок из книги Джеральда	
Даррелла «По всему свету»	121
МАРМОЗЕТКИ И ТАМАРИНЫ	122
Отрывок из книги Джеральда	
Даррелла «По всему свету»	127
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	128

Предисловие к русскому изданию

Манящий — как привет из детства — удивительный мир животных! Книга, которую вы держите в руках, — из тех, что не залеживается на прилавках магазинов. Тяга к литературе подобного рода в наши дни неудержимо растёт. Создается впечатление, что чем усерднее человек уничтожает живую природу, тем с большей страстью стремится он запастись ее рукотворной копией на своей полке. Будто хочет если уж не отвратить, то хотя бы ослабить вполне возможную ностальгию...

Все животные прекрасны и удивительны. И тем не менее между всеми «обычными» животными и обезьянами есть разница. Обезьяны не только отличаются самым различным ростом — от 10 сантиметров до двух метров! — не только окрашены во все мыслимые и немыслимые цвета, не только причудливы, загадочны, не только привлекают наше внимание необычной мимикой, ужимками, взглядом, они еще и наши ближайшие сородичи, представители того самого отряда приматов, членом которого является и человек. Даже карликовая игрушка, которая легко умещается на нашей ладони, имеет родственные человеку группы крови и объемное цветовое зрение.

За последние 20 лет накопилась огромная информация о родстве человека с остальными приматами. Это и новые палеонтологические данные, и результаты изучения вещества наследственности (ДНК), аминокислотной последовательности белков, иммунологического сходства сыворотки и, конечно, строения хромосом. Если сходство тканей и жидкостей организма птиц и человека составляет в среднем 10—11%, грызунов — 19—20%, домашних млекопитающих — 30—40%, то у низших обезьян оно достигает 60—70%, а у шимпанзе — 96—99% (по строению же фибринопептида, трансферрина, гемоглобина и некоторых других белков это сходство доходит до полной идентичности — до 100%).

Получается, что чем больше и чем более тонкими методами мы изучаем обезьян, тем более «человекообразными» они выглядят. И тем более «приматологичными» становятся учебные курсы физиологии, биологии, эндокринологии, потому что, сколько бы мы ни изучали мышей и лягушек, нашей конечной целью всегда остается человек. Если мы хотим полноценно изучать, скажем, кардиологию, то в эксперименте эффективнее исходить из данных сердечно-сосудистой системы обезьян, нежели крыс.

Предлагаемая читателю книга создана крупными учеными и оживлена отрывками из произведений самых разных авторов. Великолепные, подчас

совершенно уникальные иллюстрации сопровождают поясняющий текст, который изложен научно достоверно и в то же время общедоступно, я бы даже сказал, неожиданно общедоступно для авторов, хорошо известных своими строго академическими трудами.

Перед нами проходят великаны гориллы с уникальным Снежком-альбиносом, на редкость смысленные шимпанзе, загадочные орангутаны, страшные павианы, причудливые носачи, хлопотуньи игрунки... Но зачем их перечислять? Через несколько страниц вы увидите их сами, а это как раз тот случай, когда действительно «лучше один раз увидеть...» Тем более что некоторых из этих обезьян вы никогда не встретите в зоопарке, они — редкость даже на фотографии.

Однако книга иллюстрирована не одними фотографиями. Как уже говорилось, описание почти каждой группы обезьян сопровождается отрывками из научно-популярных произведений или беллетристических книг, которые существенно расширяют сведения об обезьянах, особенно когда принадлежат перу таких замечательных натуралистов, наблюдавших за жизнью приматов в местах их естественного обитания, как Джейн Гудолл, Джордж Шаллер, Алан Мурхед, такого знатока и защитника животных, к тому же талантливого литератора, как Джеральд Даррелл, или такого собирателя китайских литературных источников по гиббону, как Р. ван Гулик. Что же касается беллетристики, где тот или иной вид обезьян несет свою, специфическую сюжетную, а то и «социологическую» нагрузку, то тут, вероятно, есть о чем поговорить подробнее. Потому что понятие широко распространенную «злодейскую» роль обезьяны в художественной литературе можно только исходя из фактов истории приматологии.

Многие народы издавна обожествляли обезьян, особенно в странах их естественного обитания; так, гамадрил был священным животным Древнего Египта — он посвящался и богу солнца Ра, и богу мудрости, письма и луны Тоту. Из древнего мира до нас дошли сотни изображений священных обезьян. Но с наступлением эпохи монотеистических религий бывший языческий бог стал «исчадием ада».

В первом христианском своде сведений о животных — «Физиологусе», оказывавшем многие века огромное влияние на духовную жизнь европейских народов, обезьяна толковалась не иначе, как «лицо дьявола». В раннем средневековье изображения обезьян (а возможно, и описания) беспощадно уничтожались. За «связь» с этим живым «дьяволом» (следовательно, и за его изучение) можно было угодить на костер инквизиции. Есть даже сведения, что при сожжении еретиков вешали обезьян — для вящей остротки.

В Новое время общеизвестны нападки клерикалов на Линнея, Бюффона, Ламарка, Дарвина, Гек-

ли, Геккеля, труды которых задевали догматы Библии и имели непосредственное отношение к становлению приматологии как науки (которое, заметим, состоялось много позже других наук — только в середине XX века). Законодательные запреты дарвинизма существуют кое-где на Западе и в наши дни.

Давление церкви — одна из причин замедленного развития науки о ближайших родственниках человека. Разве не удивительно, что в современной систематике свыше трех десятков латинских наименований приматов несут следы негативной в отношении обезьян религиозной терминологии, при этом «мельзевул» (глава дьяволов) и «молох» встречаются дважды, а «сатана» трижды? Недавняя обстоятельная статья об укари названа, возможно не без иронии, «Бесенята влажного леса». Собственно, и слово «обезьяна» означает презрительное: «отец блуда» (по-арабски «абу-сина»), попав к нам из страны, где два тысячелетия назад обезьяна была священным животным.

Если обратиться к искусству, то мы увидим, что популярнейший персонаж живописных произведений античного периода, особенно в сценах с Орфеем, обезьяна полностью исчезает из сюжетов ранних христиан. Тщетно вы будете искать это животное в картинах византийских мастеров, наследовавших античности. И только с наступлением эпохи Возрождения на полотнах живописцев появляются обезьяны. Но как правило, они символизируют мерзкую противоположность силам добра и света. Этой традиции отдали дань и такие художники, как Мозер, Тициан, Микельанджело, Дюрер, Гойя. Подобная традиция укоренилась и в художественной литературе. Почти всегда обезьяна здесь — злобный, коварный, похотливый, кровожадный, непристойный персонаж.

Прошу читателей извинить меня за столь длинное отступление, но без учета отрицательного влияния клерикальной идеологии на изучение приматов в прошлом и связанной с ней системы политических, философских, художественных и нравственных взглядов, которые несомненно вошли в эстетику европейской культуры, будет непонятна не только история развития приматологии, но и леденящие душу кровавые сцены с участием обезьян, которые мы встречаем в произведениях Эдгара По, Эдгара Берроуза, Редьярда Киплинга и многих других авторов. Неслучайно и сегодня в странах Латинской Америки (в католических странах!) узурпаторов-генералов зовут «гориллами», хотя последние в отличие от первых весьма миролюбивы.

Надо отдать должное супругам Нейпье — они стремятся из любой литературы извлечь какую-нибудь биологическую информацию. Так, в отрывке из книги Э. Берроуза «Тарзан — приемыш обезьян» поведение самки Кала сопоставлено с уникальным описанием поведения шимпанзе Олли из книги

биолога Дж. Гудолл, а книгу Р. Ардри «Территориальный императив», с ее старой и нелепой идеей генетически обусловленной агрессивности человека, доставшейся ему якобы от обезьян, авторы и вовсе называют спорной. Замечу, что отрывок из книги Ардри весьма сомнителен с точки зрения биологии. Из всех животных нашей планеты только у обезьян существует овариально-менструальный цикл, подобный человеческому. Поэтому у большинства из них нет брачного периода, после которого «оставшаяся часть года» самки индифферентны. Обезьяны способны размножаться круглый год. Правда, максимум рождений приходится на определенные периоды в зависимости от конкретных условий обитания. Все это наглядно выражено у павианов и других низших обезьян, не говоря уже о высших. Не известны исключения и для калицевусов.

Хотелось бы уточнить и отдельные положения самих авторов, касающиеся, например, того, что подсемейство колобиновых является «процветающей» группой — увы, 13 видов и подвидов колобусов (гверец), лангуров, носачей и других тонкотелых внесены в перечень (на 1981 год) нуждающихся в охране животных. Спорно утверждение, что груминг, который авторы связывают с особым развитием большого пальца руки, характерен только для обезьян Старого Света — обыскивание хорошо известно и у приматов Нового Света. Едва ли целесообразно называть действительно родственные формы, но составляющие разные роды, одним и тем же собирательным термином: красных гусаров (патасов) мартышками, мандрилов и гелад павианами, а всех азиатских колобин (носачей, ринопитеков, тонкотелов) лангурами, поскольку существуют самостоятельные роды мартышек, павианов и лангуров.

Бесспорно, однако, что перед нами живой, интересный и высококвалифицированный рассказ о ярчайших представителях животного мира Земли — наших подлинно кровных родственниках, обезьянах.

Э. П. Фридман

Вступление

Приматы, в число которых входит и человек, названы так потому, что благодаря своему сложному и высокоразвитому мозгу занимают в царстве животных ведущее положение. Приматы занимают ведущее положение и в другом отношении — они раньше других отделились от предкового ствола млекопитающих.

Когда 65 миллионов лет назад близилась к концу эпоха гигантских рептилий, млекопитающие были еще очень небольшими, довольно невыразительными существами, которые питались насекомыми и обитали во влажных лесах, ныне совсем не сохранившихся. Основными растениями того времени были папоротники и хвойные; цветковые же растения, возвещавшие о скором наступлении эры великих лесов будущего, попадались лишь изредка то здесь, то там, добавляя яркие мазки к однообразной коричнево-зеленой гамме. Зато повсюду была вода — озера, болота, моря.

Приматы были в числе первых появившихся млекопитающих. Это случилось в то время, когда мир находился в процессе коренных геологических преобразований; Ларамийская складчатость продолжалась несколько миллионов лет и оставила след на земной поверхности, на климате и растительном покрове. Равновесие в мире живых организмов было неотвратно нарушено. Динозавры навсегда исчезли; млекопитающие, птицы и насекомые стали преобладающими формами животной жизни. Леса с лиственными цветущими деревьями привлекали насекомых, а те в свою очередь — птиц и млекопитающих. До этих геологических изменений млекопитающие вели наземный образ жизни, сооружая гнезда в ямах, в упавших и гниющих стволах, среди корней деревьев.

В эпоху палеоцена, около 60 миллионов лет назад, все млекопитающие были очень похожи друг на друга. Морфологически насекомоядные (землеройки, ежи и т. д.), приматы или хищники мало чем различались. Все они имели удлиненное тело, короткие конечности, небольшие глаза и очень вытянутую и подвижную мордочку. Все они питались насекомыми, личинками и небольшими ящерицами и вели сходный образ жизни. Но вот появились настоящие леса, и ранние млекопитающие начали эволюционировать, обособляясь в отдельные, различные одна от другой группы. Нижний ярус леса остался прибежищем насекомоядных и других мелких млекопитающих, в то время как кроны деревьев успешно заселили приматы. В связи с изменением условий обитания приматам пришлось приспосабливаться и к новым видам пищи. Вместо диеты, состоящей из одних только насекомых, они стали включать в свое меню и дары леса — листья, плоды, почки, цветки. По мере увеличения размеров тела в процессе эволюции приматы постепенно перешли к обильной растительной пище. Ныне лишь самые мелкие из них — южноамериканские игрунки — по-прежнему питаются преимущественно насекомыми.

Жизнь на деревьях быстро изменила внешний облик приматов, и спустя еще 10 миллионов лет в подвижных животных эпохи эоцена, карабкающихся по стволам, прыгающих и раскачивающихся на ветках, можно было без труда узнать будущих обезьян.

В настоящее время существуют две основные группы приматов — полуобезьяны и обезьяны, называемые соответственно низшими и высшими приматами. Полуобезьяны (*Prosimii*) — в дословном переводе праобезьяны, или примитивные обезьяны, — представляют собой переходную стадию между насекомоядными млекопитающими и собственно обезьянами. Обитающие в Африке, на Мадагаскаре и в Юго-Восточной Азии низшие приматы, или полуобезьяны, образуют шесть семейств: туайеобразные (которые, как полагают, схожи с примитивными насекомоядными — предками приматов), лемуриды, индризиды, руконожковые, лоризиды и долгопяты. В этой книге мы

рассмотрим лишь высших приматов, то есть обезьян. Они делятся на пять семейств, представители которых заметно отличаются друг от друга по географическому распространению, размерам, социальной организации, поведению и, конечно же, умственным способностям. Два из пяти семейств встречаются в Южной Америке, три — в Африке и Азии. Соответственно южноамериканских обезьян часто именуют «обезьянами Нового Света» в противоположность обезьянам остальной части земного шара, которые известны под названием «обезьяны Старого Света». У представителей этих двух групп имеются существенные различия, которые касаются размеров тела, строения зубов, носа, больших пальцев, хвоста, а также наличия седалишных мозолей.

Низшие обезьяны Старого Света образуют одно большое и пестрое семейство (мартышкообразные), которое подразделяется на два основных подсемейства: первое (мартышковые) включает всеядных мартышек, макаков, мангобеев и павианов, второе (тонкотелые обезьяны) состоит из обитающих в Юго-Восточной Азии лангуров и африканских гверец — широко распространенной и процветающей группы приматов, которые питаются преимущественно листьями. Их пищеварительная система, приспособленная к столь специализированной диете, значительно отличается по своему строению от пищеварительной системы всеядных млекопитающих. Так, желудок лангуров, например, напоминает желудок коров и других травоядных животных.

Цебиды и игрункообразные Нового Света мельче своих старосветских кузенов, живут в кронах деревьев и редко покидают их.

И наконец, два семейства человекообразных обезьян; первое из них (гibbonовые) включает гibbonов и сиамангов, второе (понгиды) — более крупных обезьян: гориллу, шимпанзе, орангутана.

Несмотря на многие различия, все пять семейств высших приматов характеризуются некоторыми общими чертами, обособливающими их от других млекопитающих.

Обоняние. Согласно распространенному и в общем-то справедливому мнению, у существ, ведущих древесный образ жизни, обоняние играет меньшую роль, чем у наземных млекопитающих. Высокоразвитая обонятельная система особенно важна для хищников, независимо от того, охотятся они днем или ночью. Высшие приматы не охотятся на

Из всех приматов шерстистые обезьяны, подобные той, что изображена на рисунке, а также наукообразные обезьяны и ревуны обладают высокоспециализированными хвостами (человекообразные обезьяны не имеют хвоста). Эти удивительные образования представляют собой превосходное хватательное устройство, способное держать на весу тело обезьяны. Верхние конечности, таким образом, высвобождаются, и животное может использовать их во время кормежки. Кончик хвоста (вверху справа) покрыт лишенной волос кожей и изображен «дактилоскопическим» узором.

Одно из характерных отличий между обезьянами Старого и Нового Света касается формы их носа. У обезьян Старого Света, как, например, у свиногохвостого макака (вверху), ноздри обычно удлиненные, направлены вниз и посажены близко друг к другу. Обезьяны Нового Света, подобно белоносому мохнатому саки (справа), имеют круглые ноздри, разделенные широкой носовой перегородкой.

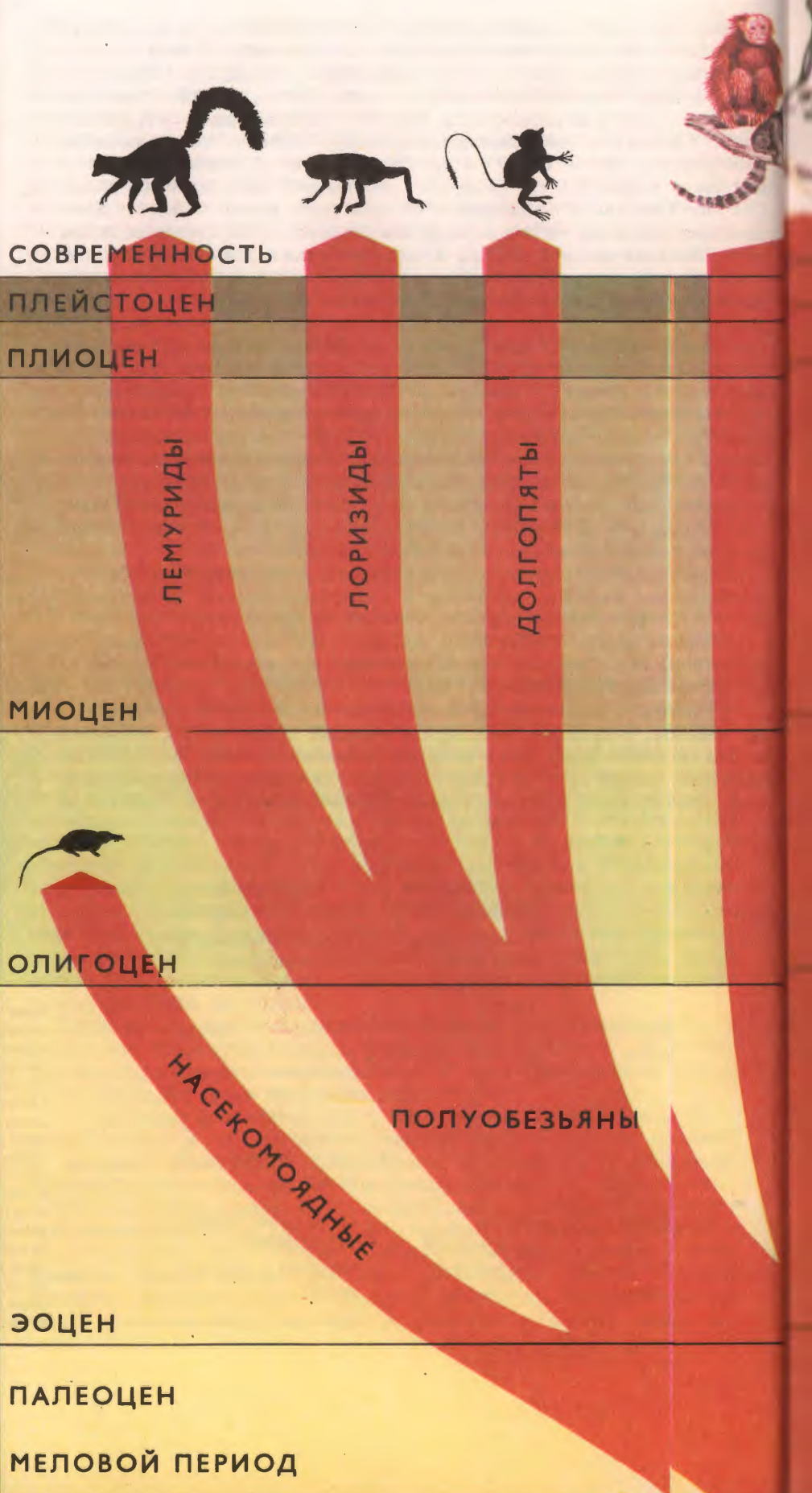

	ОБЕЗЬЯНЫ НОВОГО СВЕТА	ОБЕЗЬЯНЫ СТАРОГО СВЕТА
<i>Нос</i>	Ноздри широко разделены и обращены наружу	Ноздри сближены и обращены вниз
<i>Большой палец</i>	Не вполне противопоставлен	Там, где он есть, полностью противопоставлен или может быть противопоставлен, например, указательному пальцу
<i>Хвост</i>	Иногда хватательный	Никогда не бывает хватательным
<i>Седалишные мозоли</i>	Отсутствуют	Имеются у многих видов

других животных и, за исключением южноамериканской дурукули, характеризуются дневной активностью.

У высших приматов в процессе эволюции органы обоняния претерпевают заметную редукцию, вследствие чего носы обезьян укорачиваются и упрощаются по своему строению. Поэтому у большинства приматов лицевой отдел черепа довольно плоский. Одна из характерных особенностей носа млекопитающих состоит в том, что кончик его покрыт лишенной волос кожей, которая все время находится во влажном состоянии. Верхняя губа таких млекопитающих, как кошки и собаки, разделена бороздкой надвое и прикреплена к лежащим под ней деснам. Высшие же приматы имеют сухой, покрытый волосами нос и подвижную верхнюю губу. Помимо всего прочего, это дает им больше возможностей для выражения эмоций.

Зрение. Слабое развитие одного из органов чувств обычно связано с усиленным развитием другого. Именно это мы и наблюдаем у высших приматов. Зрение у них очень острое, глаза способны отчетливо фокусировать как ближние, так и дальние предметы. Кроме того, они обладают цветовым зрением, а также способны правильно оценивать расстояние. Стереоскопичность зрения достигается путем иного положения глазниц на черепе. У большинства млекопитающих глаза смотрят в разные стороны, поля зрения не перекрываются и стереоскопическое зрение отсутствует. У высших приматов глазницы сближены на фронтальной стороне черепа, в результате чего поле зрения одного глаза накладывается на другое. Смещение глазниц стало отчасти возможным из-за редукции обонятельного

ОБЕЗЬЯНЫ НОВОГО СВЕТА

ОБЕЗЬЯНЫ СТАРОГО СВЕТА

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ
ОБЕЗЬЯНЫ

ВЫСШИЕ ПРИМАТЫ

ПРЕДКОВЫЕ
НАСЕКОМОЯДНЫЕ ФОРМЫ

МИЛЛИОНЫ ЛЕТ

Эволюция приматов, начавшись с примитивных насекомоядных, ведущих древесный образ жизни, продолжалась по пути развития способности к передвижению по деревьям. Первые полуобезьяны возникли около 60 миллионов лет назад, когда у предковых насекомоядных форм развились способные к хватанию длинные тонкие пальцы с когтями. Эти черты приобрели жизненно важное значение, так как благодаря им приматы получили возможность карабкаться по деревьям, скрываясь от хищников, и преуспели по части добычания пищи. Полуобезьяны господствовали в лесах Америки, Европы и Азии 20 миллионов лет. Однако постепенно владыками деревьев стали обезьяны. Около 30 миллионов лет назад одна их группа расселилась по всему Американскому континенту (обезьяны Нового Света, или широконосые), а другая распространилась в Африке, южной Европе и южной Азии (обезьяны Старого Света, или узконосые). Человекообразные, или высшие узконосые, обезьяны, от которых предстало произойти самому человеку, появились на земле около 25—30 миллионов лет назад. Они отличались от низших узконосых обезьян коротким широким туловищем и длинными передними конечностями, которые позволили им свободно раскачиваться в кронах деревьев. Большие размеры тела дали человекообразным некоторые преимущества над низшими обезьянами и способствовали увеличению продолжительности жизни.

0

2

5

23

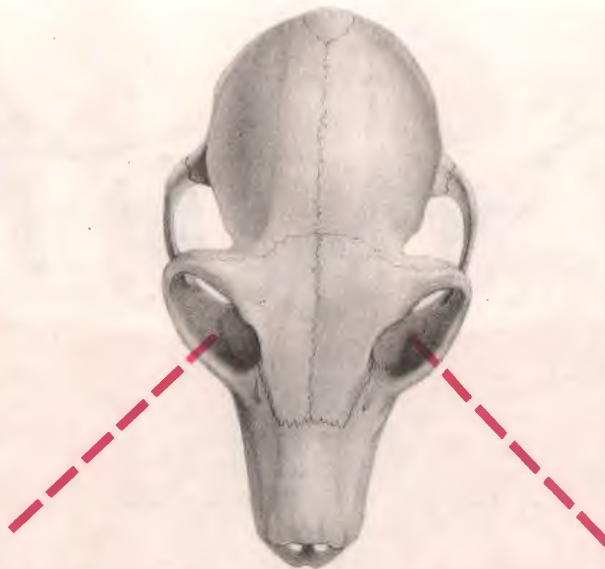
36

54

65

У обезьян Нового Света (верхний рисунок) кисть характеризуется сжатыми с боков, заостренными ногтями и противопоставленным большим пальцем. У обезьян Старого Света (нижний рисунок) большой палец полностью противопоставлен остальным пальцам, что позволяет животным выполнять движения, требующие большой точности и координации, например срывать тончайшие вылинки.

На рисунках черепа лемура (сверху) и лангура (справа) отражены анатомические различия приматов, которые произошли в связи с изменением относительной роли органов чувств в их жизни. Более примитивные глаза лемуров смотрят в разные стороны, в результате чего в каждом из них получается отдельное изображение. Удлиненный лицевой отдел черепа свидетельствует о большом значении обоняния для собирания пищи и жизненно важной информации. Глаза лангуров смотрят вперед, что обеспечивает бинокулярное зрение и позволяет точнее воспринимать предметы. Зависимость от обоняния уменьшается, а это в свою очередь выражается в укорочении лицевого отдела.

аппарата и соответствующего укорочения и сужения носа. Эволюционное совершенствование органов зрения привело к увеличению зрительных центров, расположенных в задней части мозга (затылочных долях), что в свою очередь обусловило характерную для высших приматов луковичеобразную форму затылка.

Слух. В противоположность таким млекопитающим, как, например, зайцы, большие подвижные уши которых, подобно паре радаров, непрерывно улавливают звуковые сигналы из окружающей среды, высшие приматы имеют маленькие, практически неподвижные уши. Когда нужно установить источник звука, обезьяны несколько неуклюже поворачивают голову из стороны в сторону. Конечно, те млекопитающие, которые могут поворачивать оба уха в направлении источника звука, имеют преимущества над теми, которые не способны это сделать. Однако у приматов этот недостаток компенсируется великолепно развитым зрением.

Осязание. Наряду с улучшением зрения органы чувств приматов совершенствовались и в направлении развития осязательного аппарата на кончиках пальцев. Млекопитающие, не входящие в отряд приматов, дотрагиваются до окружающих предметов носом, ртом или осязательными волосками — вибриссами. Приматы же получают преимущества в виде 20 дополнительных органов осязания — на конце каждого пальца передней и задней конечностей. Но поскольку главная функция стоп — быть опорой, получение наиболее ценной сенсорной информации приходится на долю кистей.

Это важное приобретение основывается на том, что в процессе эволюции когти у приматов преобразовались в ногти. Длинные, изогнутые и нередко чрезвычайно острые когти растут на самых кончиках пальцев, в то время как ногти, расположенные на тыльной стороне последних

фаланг, короткие и тупые. Это и позволяет не оснащенным когтями кончикам пальцев выполнять роль органов осязания.

С ролью кисти как важного сенсорного органа тесно связано развитие хватательной функции. Способность к хватанию достигается благодаря совместному действию всех пальцев, при котором большой палец охватывает предмет снаружи и фиксирует его на ладони. Осуществить это движение можно только при отсутствии когтей. У высших приматов большой палец обособлен от остальных и может выполнять независимое движение; это особенно хорошо выражено у обезьян Старого Света и человекообразных обезьян. У последних большой палец подвижен и может, как принято говорить, противопоставляться остальным. В процессе хватания он поворачивается вокруг своей оси на 90° , в результате чего в конце движения его кончик оказывается противопоставлен кончикам остальных пальцев. Эта особенность строения конечности позволяет выполнять тонкие манипуляторные действия. Характерная для обезьян Старого Света процедура обыскивания, во время которой животные перебирают друг у друга шерсть и удаляют из нее грязь и частички перхоти, является прекрасной иллюстрацией этому. У обезьян Нового Света большой палец не способен к вращательному движению, и, таким образом, его полное противопоставление невозможно.

Наконец, следует упомянуть о самом важном и существенном свойстве высших приматов — способности сидеть, стоять и даже ходить в вертикальном положении, на двух ногах. Конечно, существуют и другие млекопитающие, которые могут время от времени передвигаться на задних конечностях, например кенгуру. Однако они скачут, но не ходят. В естественных условиях двуногое хождение иногда наблюдается только у медведей, но и те, если их специально не дрессировали в цирке, способны сделать не больше пяти-семи шагов. Некоторые высшие приматы в различных ситуациях, — например, если они несут в руках пищу, — могут пробежать или пройти на двух ногах значительное расстояние. Шимпанзе, макаки, паукообразные обезьяны, гиббоны и гориллы особенно хорошо известны этой своей способностью, но и они по сравнению с прямоходящим человеком всего лишь начинающие любители.

Причина исключительного интереса к приматам со стороны ученых заключается в том, что человек — тоже примат со сходным общим планом строения. Это впервые отметил более 2000 лет назад древнеримский врач Гален из Пергама, который советовал своим ученикам анатомировать обезьян вместо человеческих трупов, поскольку, как писал он, «обезьяны более всего похожи на человека». Это сходство касается не только строения тела, но распространяется даже на заболевания, которым в отличие от остальных млекопитающих подвержены человек и другие приматы. Таким образом, в некотором смысле изучение приматов — это изучение родословной человека, его эволюционного наследия.

Гориллы

Гориллы, самые крупные из всех приматов, представляют собой и самый грозный образец физической мощи. Длина тела взрослого самца может достигать двух метров, а вес — 270 килограммов, что примерно равно весу трех футбольных защитников, вместе взятых. У гориллы темная шерсть, выступающее надбровье, длинные руки, короткие ноги, сильные кисти и мощные стопы. Передвигается животное на четырех конечностях, опираясь передними на тыльные стороны межфаланговых суставов и перенося на них всю тяжесть передней половины туловища. Даже голова с открытым лбом и плоско сидящими по обеим сторонам ушами делает гориллу еще более устрашающей.

И все-таки, несмотря на столь внушительные размеры и свирепую внешность, гориллы отличаются крайне миролюбивым нравом и ведут относительно спокойный образ жизни. Распространенные только в тропических лесах и горных местностях Центральной Африки, эти обезьяны — истинные вегетарианцы. Из-за своих размеров они живут и кормятся главным образом на земле. Гориллы поглощают огромное количество пищи, их массивные челюсти и мощная жевательная мускулатура позволяют справиться практически с любым видом растительного корма: корой, древесиной, стеблями, корнями, а также листьями и плодами. Большую часть дня они заняты тем, что поедают древовидные папоротники и лианы, а в горных районах, где обитают представители одного подвида, — бамбуковые побеги и дикий сельдерей.

Гориллы живут группами от 5 до 30 особей. Обычно один из взрослых серебристоспинных самцов (называемых так потому, что на спине у них растут в форме седла светлые волосы) выступает в качестве вожака и защитника группы. Типичное сообщество состоит из вожака, одного-двух молодых самцов с еще черными спинами, шести взрослых самок и девяти-десяти детенышей. Повседневная жизнь протекает неторопливо и спокойно. Поскольку гориллы принадлежат к числу самых могущественных животных в тропических лесах, у них мало врагов. Им нет нужды заниматься поисками пищи — она в изобилии растет во все времена года в местах их естественного обитания. Первая часть дня в основном посвящена кормежке. Затем следует неторопливая прогулка по лесу, во время которой можно походя ухватить кусочек чего-нибудь съедобного. В самое жаркое время дня активность группы падает. Одни гориллы строят для полуденного отдыха гнезда, другие просто ложатся на землю там, где оказались в этот момент.

В сонные часы сиесты, пока старшие члены группы дремлют или просто сидят в сторонке, молодежь затевает игры — кувырком спускаются по склону холма, висят

вниз головой, уцепившись ногами за ветку, раскачиваются, как Тарзан, на лианах, гоняются друг за другом, борются или карабкаются по телам отдыхающих на земле. Такие игры развивают физические навыки и позволяют молодым гориллам узнать много нового о своих сверстниках и о мире, в котором им предстоит жить.

Обычно во время сиесты гориллы занимаются обыванием. Матери приводят в порядок шерстку своих детенышей, взрослые и подростки обыскивают или чистят кожу друг у друга, правда с меньшим энтузиазмом и аккуратностью, чем это делают остальные приматы.

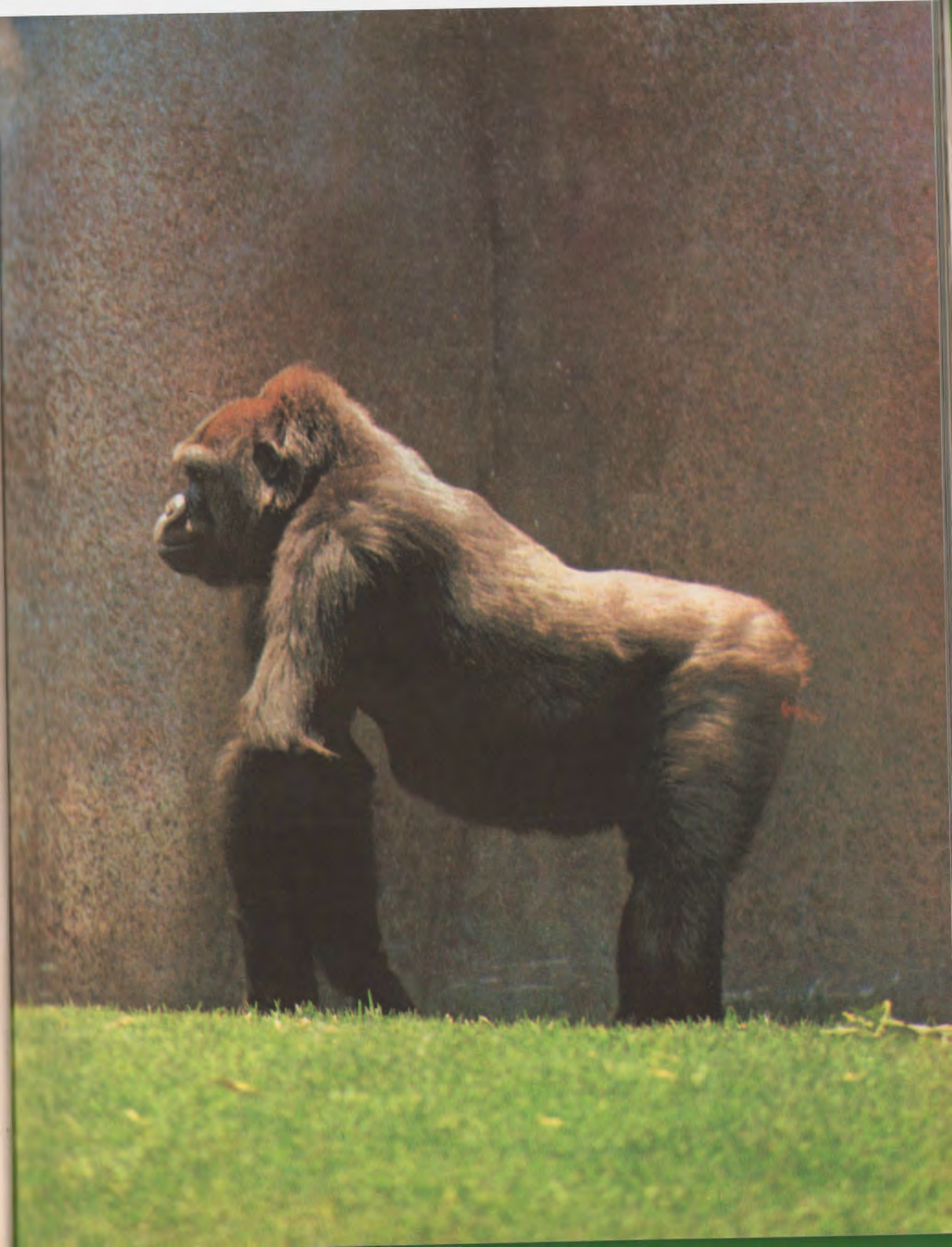
Долгие полуденные часы, вплоть до темноты, группа медленно, попеременно с кормлением, движется по лесу. Ночь в Экваториальной Африке наступает быстро. Первым начинает сооружать гнездо серебристоспинный самец, его примеру следуют остальные члены сообщества. Из-за своего огромного веса вожак почти всегда строит гнездо на земле. Оно состоит из кое-как сложенных веток и согнутых внутрь под разным углом стеблей травы. Иногда более легкие самки и подростки залезают на деревья, выбирая в качестве места для ночлега подходящую развилку или сук, метрах в трех над землей. Чтобы сделать удобную постель, достаточно просто согнуть внутрь зеленые ветви. С наступлением темноты всякая деятельность прекращается и группа ложится спать.

Нетрудно понять, почему гориллы, не помышляющие о хищничестве, приобрели незаслуженную славу свирепых животных. Одна из причин — это характерное для горилл демонстрационное поведение, во время которого животное бьет себя в грудь. Весь ритуал угрожающего поведения в исполнении взрослого самца действительно представляет собой леденящее душу зрелище. Сначала слышится негромкое уханье, которое постепенно переходит в истошный вопль. Поднявшись на ноги и сгорбив плечи, горилла бьет себя согнутыми ладонями в грудь. Раздается глухой звук «пок, пок, пок» — как если бы кто-нибудь колотил палкой по пустой тычке. Разбежавшись на двух ногах, а затем опустившись на все четыре, животное с треском продирается сквозь кустарник, круша все на своем пути. И наконец горилла начинает стучать по земле ладонями.

Смысл подобного поведения заключается, вероятно, в том, чтобы снять напряжение, возникающее в ответ на какие-то тревожные сигналы, и продемонстрировать свою власть над остальными членами группы. Взрослый самец, не причиняя никому вреда, бьет себя в грудь и ломает кусты, но не нападает на другую гориллу. Гориллы доживают до 40—50 лет, если в их жизнь не вмешивается человек.

Гориллы живут в низинах между реками Конго и Нигер, а также в горах центральной Экваториальной Африки.

Мать и дитя

Этот род самых крупных человекообразных обезьян включает в себя один вид с тремя подвидами: западные береговые, или равнинные, гориллы, которые обитают во влажных тропических лесах Западной Африки между реками Нигер и Конго; восточные береговые гориллы, распространенные к востоку от верхнего течения Конго до юго-запада Уганды, и горные гориллы из горных районов вблизи озер Танганьика и Альберт. Пока не были введены в действие законы об их охране и не организован большой национальный парк Альберт (ныне Киву), горные гориллы, обнаруженные лишь в 1901 году, чуть было не подверглись полному уничтожению в результате варварской охоты. Представители трех подвидов слегка различаются по внешнему виду: береговые гориллы мельче и светлее, чем их косматые собратья, обитающие в горах, но образ жизни и привычки у тех и других одинаковы, хотя они живут в совершенно различных, далеко отстоящих друг от друга ареалах. У всех горилл самка выступает в роли заботливой любящей матери, а самец — терпеливого отца. Беременность длится восемь с половиной месяцев. Детеныш гориллы полностью зависит от матери, которая кормит его, носит на себе, защищает и эмоционально поддерживает вплоть до трехлетнего возраста, когда он становится самостоятельным членом группы. Но даже трех-шестилетние подростки нередко возвращаются в материнские объятия, стремясь получить утешение и поддержку.

Надежно защищенный материнскими объятиями, детеныш гориллы дремлет после полуденной кормежки (слева). В восемь месяцев детеныша отнимают от груди и он начинает каждый вечер сооружать еще очень бесформенные гнезда, продолжая, однако, спать вместе с матерью вплоть до трехлетнего возраста. Самка гориллы — преданнейшая мать, готовая на все ради защиты своих отпрысков.

Копита-де-Ниеве — Снежок, так назвали детеныша гориллы, родившегося в джунглях Рио-Муни, континентальной части Экваториальной Гвинеи в Африке. После того как его мать убила выстрелом из ружья во время набега обезьян на банановую плантацию, малыша поймали и привезли в Барселону. Единственный известный науке альбинос среди горилл немедленно привлек к себе внимание приматологов всего мира, а его забавные шалости и дружелюбный характер заставили посетителей зоопарка безоговорочно полюбить его. Как только Снежок достиг половозрелости, его успешно спарили с двумя нормально окрашенными самками, и он стал отцом двух детенышей разного пола. Хотя ни один из них не унаследовал мутантную окраску отца, зоологи надеются, что с помощью гибридизации Снежок станет родоначальником линии белых горилл.

Самка гориллы рождает детеныша приблизительно раз в четыре года. Распознать беременную самку довольно трудно, так как у горилл вообще большой живот. По прошествии немногим менее девяти месяцев рождается младенец, который полностью зависит от матери. На протяжении следующих восьми месяцев он живет почти исключительно за счет материнского молока.

Члены группы горных горилл разыскивают плоды бвамба на плантации бобов в Заире. За исключением кратковременного отдыха в утренние часы, почти все остальное время гориллы заняты кормежкой.

Молодая горная горилла взбирается по покрытому лианами стволу, зажав во рту кусочек лакомой ветви. Животное потребляет в день огромное количество зеленой массы: чтобы насытить здоровенное брюхо, требуется много растительной пищи.

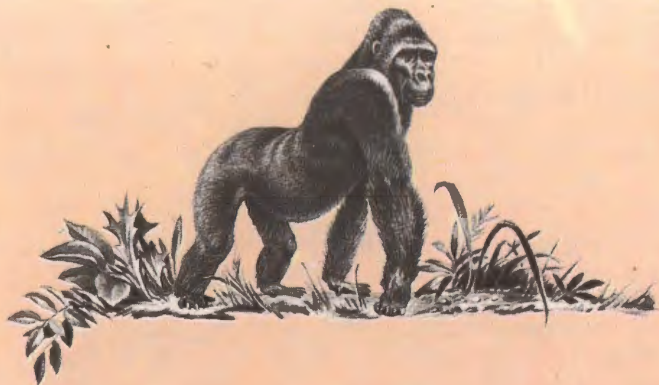
Подрастающие детеныши постепенно учатся есть дикий сельдерей, артишок, фрукты и бамбук — подобно молодому самцу горной гориллы на левой фотографии, который пробует ствол бамбука в национальном парке Кахузи-Биега, Заир.

Вожак стада

Группу горилл, живущих в естественных условиях, всегда возглавляет самый старый, самый сильный самец, который решает, когда подниматься утром, где нужно искать пищу или выбрать место для ночлега. Ему достаточно одного взгляда, чтобы поставить на место непослушных дерзких, юнцов. Чтобы утвердить свой авторитет или отпугнуть пришельцев, вожак исполняет устрашающий «танец»: бьет себя в грудь, ломая сучья, продирается сквозь кустарник, размахивает руками, как бы отгоняя прочь все, что попадает на его пути (внизу). Это ритуальное поведение обычно представляет собой не более чем угрозу: даже разбушевавшийся самец почти всегда воздерживается от настоящего нападения. В тех же редких случаях, когда гориллы нападали на человека, они ограничивались лишь единичными укусами. Другие животные тропических лесов, за исключением леопардов, предпочитают не встречаться с гориллами.

Ковчег переполнен

Алан Мурхед во время второй мировой войны работал в Африке корреспондентом, а спустя несколько лет вновь вернулся на этот континент, но уже в качестве натуралиста. В книге «Ковчег переполнен» он описывает свои наблюдения, сделанные во время четырех экспедиций, и выражает растущее беспокойство по поводу необходимости сохранения дикой природы на Африканском континенте.

Трудно найти лучшее описание гориллы, этого страшного на вид существа, чем то, которое содержится в приводимом ниже кратком отрывке из книги «Ковчег переполнен». Путешествуя по южной Уганде, Мурхед и его друг, изнуренные долгими часами блужданий по густым зарослям, неожиданно получают редкую возможность увидеть гориллу.

В самом начале нашего путешествия по Африке мы с другом, садясь завтракать, всегда старались выбрать уголок поживописнее: возле ручья или с хорошим обзором местности. Однако на этот раз мы просто плюхнулись на землю там, где стояли, и принялись тупо поглощать еду. Никакого живописного вида, ничего, кроме удручающе-безмолвного кустарника. Оба проводника, отойдя немного в сторону, с нетерпением следили за нами.

Просто удивительно, что могут сделать с человеком несколько ломтей хлеба с мясом! Жизнь вновь побежала по нашим жилам, а в сердце затеплилась надежда. Глоток сладкого кофе из термоса ускорил начавшийся процесс возрождения. Я с трудом поднялся на ноги, чтобы еще раз совершить невозможное. Когда мы двинулись в путь, вытянувшись в цепочку, я плелся в самом конце.

Проводники умоляли нас хранить абсолютное молчание, так что на последних метрах подъема тишина сделалась физически ощутимой. Она окружала нас плотной непроницаемой оболочкой, давила свинцовой тяжестью. Казалось, будто мы обер-

нуты в несколько слоев тишины. Хотелось вытащить из ушей вату и вновь обрести утраченный слух. Это наваждение безмолвия, это отрицание звука было внезапно прервано пронзительным воплем, донесшимся откуда-то снизу. Ощущение было странным, если не сказать кошмарным. Как будто кто-то неожиданно стукнул тебя по затылку. И ты стоишь оглушенный, растерянный, с выпрыгивающим из груди сердцем. Вдруг один из проводников схватил меня за руку, поволок через кустарник и вытолкнул на небольшой пригорок, где уже находились остальные мои спутники. Я взглянул туда же, куда смотрели они, и громко воскликнул: «До чего же прекрасен!»

Он действительно был прекрасен, этот огромный самец с лоснящейся шерстью, стоявший полусгорбившись, полувыпрямившись, широко раскинув могучие руки. Я и не подозревал, что он может быть столь черным. Весь он был как мощная выточенная из черного камня колонна: черный ежик волос на голове, устремленные в нашу сторону черные, глубоко посаженные глаза, огромные, лоснящиеся, как черная резина, ноздри и черная бородка. Слегка переменив позу, он по-прежнему не отрывал от нас пристального взгляда. В нем была величественность древнего пророка. Это было самое замечательное и великолепное животное из всех, которых мне когда-либо доводилось видеть. В тот момент у меня было только одно желание: выйти из своего укрытия, подойти к нему, понять его — общаться с ним. Эти чувства (а я не единственный, кто испытал их в присутствии гориллы) коренным образом отличаются от того, что обычно ощущает человек при встрече с другими крупными африканскими животными. Когда вы слышите рычание льва, или, подойдя слишком близко к слону, обнаруживаете, что он начинает похлопывать ушами, или видите, как носорог, низко наклонив голову, поворачивается в вашу сторону, вы хотите только одного — поскорее убежать, особенно если у вас нет при себе оружия, но даже и тогда, когда оно у вас есть. Вы понимаете, что перед вами зверь, дикий, инстинктивно враждебный, в основе своей убийца. Но при встрече с гориллой возникает ощущение взаимопонимания. Как бы вы ни были напуганы, вы все-таки сознаете, что можно сделать какой-то жест или издать какой-то звук, который животное способно понять. Во всяком случае, вы не испытываете инстинктивного желания повернуться и убежать.

Позднее я припомнил еще одну особенность этого эпизода. Обычно встретившись с редким диким

животным, путешественник тотчас хватается за бинокль или фотоаппарат. Это — рефлекторное действие. Горилла находилась на расстоянии 30 метров. Правда, нас разделяли заросли кустарника и едва ли можно было рассчитывать на удачную фотографию, но уж разглядеть-то ее в бинокль не составляло особого труда. Тем не менее ни один из нас не шевельнулся. Что касается меня, то мне не хотелось пропустить даже нескольких мгновений этой встречи, потратив их на то, чтобы поднести к глазам бинокль. Я испытывал желание просто смотреть и видеть этого великолепного самца всего, с головы до ног.

Внезапно он поднялся и выпрямился во весь рост. Если бы даже я и намеревался, повинуюсь безотчетному порыву, двинуться навстречу животному, то в тот момент я бы наверняка остановился — он был огромен в своем величии и могуществе. Теперь, вероятно, он начнет бить себя в грудь, демонстрируя свою силу, чтобы дать возможность семейству, хотя и не замеченному нами, но, наверное, находившемуся где-то поблизости, уйти подальше. Однако он не стал делать этого. Он поднял голову и издал один из своих леденящих душу лающих воплей. И снова при этих звуках все вокруг, казалось, замерло и остановилось, в том числе и биение моего сердца. Затем он опустился на четвереньки и исчез вдали. Следовать за ним не имело смысла: несмотря на свои размеры, он передвигался во много раз быстрее нас.

Таким был конец этого спектакля, который длился, я думаю, около трех минут. И все-таки, перебирая в памяти многочисленные впечатления от путешествий последних лет, я считаю эту встречу самой волнующей из всех, что выпали на мою долю. Я помню, как наши проводники, нарушившие обет молчания, в котором больше не было нужды, принялись энергично прерубать дорогу через заросли; как они улыбались и шутили, явно довольные тем, что мы были довольны; как я, точно молодая газель, спускался целых два часа с горы, не чувствуя усталости и забыв о стертых в кровь ногах.

Год под знаком гориллы

В 1959 году Джордж Шаллер, один из первых исследователей в области этологии, организовал экспедицию по изучению горных горилл в западных районах Конго. Хотя о гориллах было написано много книг, конкретной информации об этих животных все еще не хватало. Охотники в своих рассказах подчеркивали, как правило, свирепость горилл, в описаниях же натуралистов содержались лишь мимолетные впечатления от встреч с этими обезьянами. Шаллер и его жена Кей по-иному подошли к изучению горилл. Они больше года прожили среди них, стали частью их мира, научились распознавать отдельных животных, наблюдали за их изменчивым настроением, изучали привычки обезьян. В результате исследований Шаллера ученые получили возможность по-новому взглянуть на поведение приматов. Приводимые ниже отрывки из книги «Год под знаком гориллы»^{*} рисуют правдивый портрет гориллы и передают забвению рассказы о них как о свирепых животных.

Я осторожно пробирался по следу горилл сквозь примятую растительность, никогда не зная наверняка, ушли ли животные на сто ярдов, на милю вперед или, может быть, описав круг, находятся где-то позади меня. По следам всегда можно было узнать что-то интересное; изучение их доставляло мне почти столько же удовольствия, сколько и сами обезьяны. Бессознательно я начинал подражать неторопливым движениям горилл.

Кормясь, обезьяны разбредаются в разные сто-

роны, оставляя за собой многочисленные следы — огрызки сельдерея и другие остатки пищи. Перебираясь на другое место, гориллы идут гуськом или по двое, а временами отдыхают все вместе на каком-нибудь открытом склоне. Иногда особый запах, похожий на запах скотного двора, наполнял воздух. Тогда я знал, что где-то неподалеку животные провели ночь. Бывало, я тратил с полчаса, пока не находил все гнезда этой группы, так как обезьяны, случается, спят на расстоянии шестидесяти футов и даже больше друг от друга. По размерам экскрементов можно было установить, в каком гнезде спал самец с серебристой спиной, в каком — подростки. Если кучки навоза среднего и маленького размера были рядышком, это значило, что в этом гнезде спала самка с детенышем...

Животные куда наблюдательнее, чем люди, и гораздо лучше нас понимают смысл движений. Я был уверен, что, если спокойно двигаться вблизи горилл, явно не проявляя враждебных намерений по отношению к ним, они скоро поймут, что мое присутствие не представляет опасности. Человеку совсем не легко отказаться от свойственной ему самоуверенности и агрессивности при встречах с животными, не легко подходить к ним с чувством, что они нисколько не хуже его.

Случайное движение может насторожить горилл, привести их в состояние беспокойства. Например, я убежден, что, если человек возьмет с собой оружие, этого уже достаточно, чтобы придать его поведению бессознательную агрессивность, дать ему чувство превосходства, которое животное немедленно ощутит. Я рассуждал так: при столкновении с гориллой лицом к лицу она скорее нападет на меня, если при мне будет оружие, чем когда я проявляю беспокойство и неуверенность. У людей и у некоторых животных, например у собак, макак-резусов, горилл, упорный взгляд является своеобразной формой угрозы. Наблюдая за гориллами даже с некоторого расстояния, я старался не глядеть на них слишком долго и упорно, время от времени отворачивался, чтобы животные не пришли в беспокойство. Обезьяны считали угрозой наведенный на них длительное время фотоаппарат или бинокль, поэтому я пользовался ими только изредка...

^{*} Джордж Б. Шаллер. Год под знаком гориллы. Пер. с англ. О. Ф. Хлудовой. — М.: Мысль, 1968.

Ежедневный маршрут группы горилл на склонах горы Микено в период между 28 августа и 14 сентября 1959 года, по данным Джорджа Шаллера. Кругами отмечены гнезда, сооружаемые обезьянами во время каждой ночевки.

В самом начале наблюдений я заметил, что гориллы, как правило, обладают удивительно спокойным характером и возбуждаются не так-то легко. Они производят впечатление сдержанных, замкнутых в себе созданий. Выражение их лиц обычно спокойно, даже в тех ситуациях, которые, с моей точки зрения, могли бы их встревожить. Все переживания отражаются у них в глазах — мягких, темно-карих. Эти глаза как бы говорят, передавая все мысли, раскрывая постоянно изменяющиеся эмоции, которые никак иначе не отражаются на выражении их лиц. В их глазах я читал колебание, беспокойство, любопытство, отвагу или раздражение. Иной раз, когда я встречался с гориллой лицом к лицу, выражение ее глаз более чем что-либо говорило о чувствах животного, помогая мне решить, как лучше поступить в данном случае...

Когда я начал заниматься гориллами, их человекоподобный облик произвел на меня сильнейшее впечатление. Они казались несколько недоразвитыми людьми, коротконогими, закутанными в меховые шубы. Жесты горилл, да и других человекообразных обезьян, положения, которые принимают их тела, напоминают скорее человека, чем низших обезьян. Просьпаясь

по утрам, они потягиваются и зевают, сидят на ветке, свесив ноги и болтая ими в воздухе, отдыхают лежа на спине, заложив руки под голову. Огромное сходство в строении тела между человеком и человекообразными обезьянами неоднократно отмечалось со времен Линнея и Дарвина. Именно поэтому систематики относят их даже к надсемейству человекоподобных (Hominoidea). Гориллы напоминают человека и в своих эмоциональных проявлениях: когда они раздосадованы, то хмурятся, а в момент неуверенности кусают губы. Если детенышу не позволили что-то сделать, он устраивает скандал, «закатывается». Отношения между членами одной группы весьма близкие, и они ласковы друг с другом. В брачной жизни они придерживаются полигамии. Сходство в этих и многих других основных чертах не удивительно. И человек, и человекообразные обезьяны произошли от общих предков — примитивных антропоидов. Их потомки разделились на две ветви: от одной произошли человекообразные обезьяны, от другой — человек. Процесс эволюции свидетельствует, что человек стал человеком путем постепенного накопления определенных качеств, но что его физический и умственный облик несет на себе печать его происхождения...

Шимпанзе

Шимпанзе — ближайший родственник человека. Их поразительное сходство свидетельствует, что представители обоих родов эволюционировали от общего предкового ствола, однако вопрос о том, когда произошло разделение этих двух линий, продолжает оставаться предметом жарких дискуссий. Некоторые ученые считают, что с этого момента прошло не менее 20 миллионов лет, другие — не более 5 миллионов лет.

Темная шерсть шимпанзе состоит приблизительно из такого же количества волос, какое насчитывается на теле человека, но сами эти волосы гораздо длиннее, темнее, жестче и, естественно, заметнее. Торс обезьяны также сходен с человеческим, но, конечно, отличается своими пропорциями. Длинные руки и короткие ноги позволяют шимпанзе, как и горилле, передвигаться на четвереньках. Этот способ локомоции коренным образом отличается от выпрямленной походки человека. В зрелом возрасте самец шимпанзе весит около 70 килограммов и достигает в длину 130 сантиметров.

Даже репродуктивный процесс у шимпанзе во многих отношениях сходен с человеческим. Менструальный цикл у шимпанзе длится около 35 дней, причем овуляция происходит в середине цикла. Основное отличие состоит в том, что у самки шимпанзе овуляция совпадает с 7—10-дневным периодом, характеризующимся готовностью к спариванию и называемым «эструсом». Эструс сопровождается розовой припухлостью в аногенитальной области, что и свидетельствует о готовности самки к спариванию. Соперничества между самцами за обладание самкой у шимпанзе практически нет. Каждый из самцов может делать попытки спариться с каждой из самок, так что установить, кто является отцом родившегося детеныша, едва ли возможно.

Новорожденный шимпанзенок весит менее двух килограммов и также слаб и беспомощен, как дитя человека. Лежа в колыбели материнских объятий, он может дотянуться до соска и кормится почти каждый час. Вскоре детеныш повисает на животе матери, уцепившись руками и ногами за ее шерсть. К шестимесячному возрасту он уже ездит у нее на спине, передвигаясь таким образом вместе с матерью по лесу. В это время у него в области крестца появляется трогательный белый пушок — признак того, что он еще детеныш и занимает привилегированное положение в группе, пользуясь вниманием и любовью всех ее членов. Но по мере исчезновения белой шерстки статус детеныша меняется на статус подростка, и, если этот молодой шимпанзе нарушает правила поведения в обезьяньем

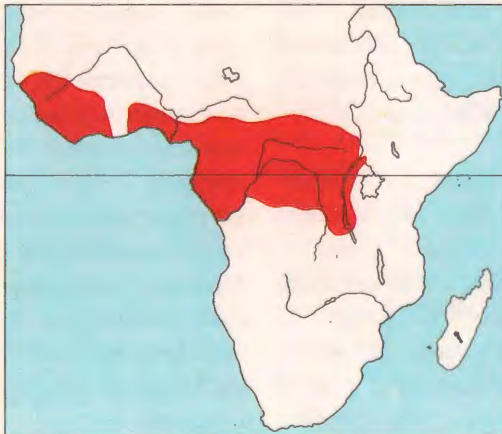
сообществе, его ставят на место и приучают к дисциплине.

Шимпанзе обитают во влажных тропических лесах Африки, а также в районах, к ним прилегающих, от Сьерра-Леоне до Танзании, где на протяжении всего года кормятся фруктами, орехами и молодыми листьями, составляющими их основную пищу; изредка они лакомятся мясом. Шимпанзе живут сообществами, включающими от 30 до 80 особей, структура которых находится в постоянном движении. Среди взрослых самцов довольно редко наблюдается соперничество; иерархическая система со стоящим во главе стада доминирующим самцом у шимпанзе менее выражена по сравнению с другими приматами. Чтобы разыскать разбросанные по лесу источники корма, сообщество разбивается на небольшие группы. Пять-шесть взрослых самцов, три-четыре мамы с детенышами или смешанные отряды самцов и самок, взрослых и подростков путешествуют по ареалу в поисках пищи. Они перекликаются между собой, поддерживая связь друг с другом. Когда члены одной группы находят богатый источник корма, то возбужденным лаем сообщают об этом своим находящимся поблизости сородичам.

Шимпанзе могут выполнять самые разнообразные действия: они охотятся, строят гнезда, используют камни, чтобы разбивать орехи, и палочки, чтобы обследовать дупла деревьев. Они выуживают термитов, засовывая прутики в ходы термитника и аккуратно вытаскивая вместе с вцепившимися насекомыми. Чтобы изготовить такую «удочку», обезьяны выбирают ветку и подправляют ее, удаляя все боковые побеги.

Шимпанзе пробуют охотиться. Иногда, после случайного успеха, они приобретают вкус к мясной пище и начинают активно преследовать возможную добычу. Могут поймать и убить отставших от стада молодых павианов и гверцев. Обладатель добычи влезает с ней на дерево, и здесь его осаждают другие шимпанзе, выпрашивая подачку характерным жестом — протянутая рука ладонью вверх. Против этого трудно устоять даже взрослому

самцу — он отрывает от своей добычи кусочки мяса и протягивает их просящему. Дележ пищи у шимпанзе, по-видимому, можно рассматривать как зачаток одного из наиболее высоко ценимых человеческих качеств — альтруизма.

Шимпанзе обитают в зоне влажных тропических лесов Экваториальной Африки — от Атлантического океана до Танзании.

Древесная обитель шимпанзе

Шимпанзе водятся только в Африке. Они одинаково хорошо чувствуют себя во влажных тропических лесах (слева) и в саванном редколесье (внизу), которая граничит с экватором. Тропический лес, если посмотреть на него сверху, предстанет сплошным зеленым ковром, сквозь толщу которого с трудом проникают беспощадные лучи африканского солнца. Внизу всегда царит полумрак. В этом призрачном, рассеянном свете протекает относительно беззаботная жизнь многих обезьян, в том числе и шимпанзе. У них достаточно времени для поисков пищи и кормежки — ведь в экваториальном поясе день длится 12 часов. В лесах и саванне не происходит резкой смены сезонов, и поэтому там всегда полно плодов, листьев, цветков и насекомых, которые служат пищей для шимпанзе на протяжении всего года.

ВЛАЖНЫЙ ТРОП. ЛЕС	ВТОРИЧНЫЙ ЛЕС	САВАННА	КУСТАРН. ЗАРОСЛИ	ПУСТЫНЯ
				36 м
			А. Горилла Б. Шимпанзе В. Черно-красная гвереца Г. Вербетка Д. Малая белоносовая мартышка Е. Беловоротничковый мангобей Ж. Мандрил З. Павиан чакма И. Гвинейский павиан К. Гамадрил	15 м
				7,5 м
				0 м

В отличие от обезьян Нового Света, живущих преимущественно на верхних ветвях деревьев в лесах Западного полушария, низшие и человекообразные африканские обезьяны обитают в самых разных условиях — от напоенных влагой лесов до выжженных солнцем пустынь. Но в основном они находят прибежище в различных ярусах тропического леса. Здесь, на ветвях деревьев, они спасаются от хищников и могут всегда отыскать растения и насекомых, которые составляют их пищу. Более легкие и подвижные обезьяны, как, например, черно-красная гвереца, малая белоносовая мартышка и беловоротничковый мангобей, населяют самые верхние ярусы, нередко расположенные на высоте 50 метров над землей. Менее проворные и более крупные обезьяны — шимпанзе, горилла, мандрил — живут в нижних ярусах леса на крепких сучьях, способных выдержать их вес, а то и прямо на земле. Вербетки и павианы, обитающие в саванне и пустыне, основную часть дня проводят на земле, выкапывая клубни, отыскивая траву и семена, входящие в их разнообразное меню.

Нежная материнская любовь

Самка шимпанзе становится матерью один раз в три-пять лет и рождает, как правило, одного детеныша. Так что появление малыша — довольно редкое событие. Все члены сообщества приходят в крайнее возбуждение и с любопытством рассматривают новорожденного, причем как самцы, так и самки стремятся поддержать его. Спустя несколько дней детеныш, крепко вцепившись в шерсть матери, уже висит у нее на животе, когда она бродит по лесу в поисках пищи или убегает от неожиданной опасности. К пяти-шести месяцам шимпанзеночка начинает ездить на спине матери.

И хотя все члены сообщества, как правило, снисходительно и терпимо относятся к малышам,

миролюбивые игры и забавы нередко бывают прерваны проявлениями бурного темперамента взрослых самцов, которые могут быстро перейти в агрессивные выпады. Именно поэтому самка шимпанзе должна все время следить, чтобы ее отпрыск строго соблюдал обезьяний этикет. Детеныши находятся под материнской опекой несколько лет: они спят в одном гнезде с матерью и продолжают кормиться ее молоком вплоть до четырехлетнего возраста. К этому времени молодые шимпанзе уже приучаются манипулировать предметами и начинают уверенно передвигаться по лесу, как бы готовясь к неизбежному моменту отлучения от груди и к своей будущей роли взрослых членов сообщества.

Первые месяцы жизни мать становится для маленького шимпанзенка средоточием всего окружающего мира. Через нее он знакомится с основными проявлениями социальной жизни шимпанзе, такими, как обыскивание, благодаря которому животные не только содержат в чистоте свою шерсть, но и поддерживают дружественные контакты друг с другом.

Самка, изображенная в семейном гнезде на предыдущей странице, проводит традиционный осмотр спины и шеи малыша, в то время как другой отпрыск в ожидании своей очереди отдыхает. Детеныш на верхнем снимке с удовольствием подставляет свою шерсть заботливым материнским пальцам. Даже небольшие царапины заслуживают пристального внимания, но то, что обнаружилось на ступне этого подростка (слева), чрезвычайно заинтересовало его мать.

Тарзан — приемыш обезьян

Для великого множества читателей и кинозрителей Тарзан — творение Эдгара Райса Берроуза — это герой 24 книг и 40 фильмов, рассказывающих о его приключениях. Сбившись с пути, Джон Клейтон, лорд Грейстоук, и его жена, леди Элис, прожили в джунглях всего год после рождения сына. Их ребенок, детство которого отличалось чередой самых невероятных происшествий, вырос и сделался Тарзаном, владыкой джунглей.

В этом отрывке из книги «Тарзан — приемыш обезьян» мы впервые встречаемся с человекообразной обезьяной Кала, ставшей приемной матерью Тарзана и самоотверженно опекавшей его, узнаем обстоятельства этого «кусыновления». Хотя Берроуз слишком антропоморфизует характеры обезьян, интересно отметить сходство в поведении Калы и самки Олми, из приводимой Джейн ван Лавик-Гудолл реальной истории из жизни шимпанзе (с. 42).

На лесистом плоскогорье, расположенном в километре от берега океана, старый самец Керчак, распеаясь от гнева, бушевал среди своего народца.

Чтобы избежать его ярости, те из членов стада, кто был помоложе и полегче, взбирались на самые верхние ветви огромных деревьев. Они предпочитали рисковать, сидя на хрупких ветках, с трудом выдерживавших их вес, чем оказаться лицом к лицу со старым Керчаком в тот момент, когда его обуревала неудержимая ярость. Остальные самцы рассыпались в разные стороны, но разъяренное животное все-таки успело ухватить одного из них своей огромной, чудовищной пастью.

И тут Керчак заметил Калу, которая возвращалась с детенышем после кормежки и совершенно не подозревала о настроении своего предводителя. Пронзительный крик других обезьян предупредил ее, что надо немедленно отступать.

А Керчак был уже близко, так близко, что вот-вот схватит ее. И в этот миг Кала делает отчаянный прыжок с дерева на дерево — рискованный шаг, на который обезьяны решаются только тогда, когда нет другого выбора.

Прыгнула она удачно и уже ухватила за сучья другого дерева, но в этот момент от неожиданного толчка пальцы детеныша, который до того судорожно цеплялся за ее шею, разжались, и Кала уви-

дела, как маленький комок, переворачиваясь и кувыркаясь, упал на землю с десятиметровой высоты.

Совершенно забыв об угрожающей опасности, Кала с криком отчаяния бросилась к своему детенышу, но, когда она подобрала с земли крошечное искалеченное тельце, жизнь уже покинула его.

Жалобно стелая, она прижала к груди бездыханные останки, и даже Керчак не стал больше досаждать ей. Со смертью детеныша приступ его демонической ярости прекратился так же внезапно, как и начался. Керчак был огромной обезьяной, он весил около 160 килограммов. Его лоб был низким и скошенным, маленькие, налитые кровью глаза сидели вплотную к плоскому переносью, а уши, большие и тонкие, были чуть меньше, чем у других обезьян.

Ужасный характер и огромная сила сделали его вожаком небольшого стада, к которому он принадлежал с тех пор, как родился, — лет двадцать назад.

Теперь он находился в расцвете своих сил. Во всей округе не было обезьяны, которая осмелилась бы бросить ему вызов. Да и другие, более крупные звери, старались не трогать его.

Единственным из всех диких животных джунглей, кто его не боялся, был старый слон Тантор. Он один мог нагнать страху на Керчака. Когда Тантор трубил, огромная обезьяна вместе со своими сородичами пускалась наутек и пряталась на ветках деревьев.

Стадо антропоидов, которым Керчак правил железной рукой и острым клыком, состояло из шести или восьми семей, общим счетом до 60—70 обезьян. Каждая из этих семей включала взрослого самца, самок и их детенышей.

Кала была молодой самкой девяти- или десятилетнего возраста, подругой самца по имени Тублат (что означает «искалеченный нос»). Погибший младенец был ее первенцем.

Несмотря на свою молодость, она была крупным, сильным животным с гибкими конечностями, округлым лбом, что выдавало в ней большую сообразительность по сравнению с другими обезьянами. Именно поэтому она обладала большими способностями к материнской любви и материнским страданиям.

И тем не менее она была обезьяной, огромным,

страшным, ужасным зверем, принадлежащим к родственному гориллам виду человекообразных обезьян. Гораздо более сильные, чем их двоюродные братья, но и гораздо более смысленные, эти обезьяны представляли собой самых грозных сородичей человека.

Когда члены стада заметили, что гнев Керчака прошел, они медленно вылезли из своих убежищ и принялись заниматься прерванными делами.

Молодые обезьяны стали играть и резвиться среди деревьев и кустов. Взрослые растянулись на мягких подстилках из сорванных растений либо стали переворачивать упавшие ветки и комки земли, пытаясь найти жучков или ящериц, составляющих часть их рациона.

Остальные занялись обследованием близлежащих деревьев в поисках фруктов, орехов, небольших птиц и яиц.

Так прошло около часа. Потом Керчак созвал всех членов стада и, приказав следовать за ним, двинулся к океану.

Большую часть пути они проделали по земле на открытой местности, следуя тропой, проложенной слонами в лабиринте кустов, корней, лиан и деревьев. Передвигались они неуклюже и странно, как бы перекатом — сначала опираясь о землю костяшками пальцев, а потом подтягивая вперед свои нескладные тела.

Но когда их путь проходил мимо невысоких деревьев, они начинали двигаться намного быстрее, перескакивая с ветки на ветку с ловкостью своих меньших братьев — мартышек. И всю дорогу Кала несла мертвого детеныша, крепко прижав его к груди.

Было около полудня, когда они добрались до гребня, с которого открывался вид на океанский берег и небольшую хижину — конечную цель их похода.

Много раз Керчак видел, как его сородичи сразу

же погибали после громового шума, производимого маленькой черной палкой, которую держала в руках странная белая обезьяна. Она жила в этом прекрасном логове, и Керчак решил во что бы то ни стало обследовать его внутренность и завладеть смертоносным приспособлением.

Ему нестерпимо хотелось вонзить свои клыки в шею странного животного, которого он научился и бояться, и ненавидеть. И именно поэтому он довольно часто вместе со своим стадом наведывался к хижине, ожидая того момента, когда сможет застать белую обезьяну врасплох.

С недавних пор животные перестали совершать открытые нападения и даже не осмеливались показываться человеку на глаза. Они твердо помнили, что всякий раз, когда они так поступали, маленькая палка произносила кому-либо из членов стада смертельный приговор.

Сегодня человека нигде не было видно, но со своего наблюдательного пункта Керчак заметил, что дверь домика распахнута настежь. Очень медленно и очень осторожно они подкрадывались к маленькой хижине.

Обезьяны не издавали ни единого звука — ни рычания, ни криков ярости, — черная палка научила их передвигаться бесшумно, и они не хотели побудить ее к действию.

Они шли все дальше и дальше, вот уже Керчак подобрался к самой двери и заглянул внутрь. За ним по пятам следовали два самца и Кала, крепко прижимавшая к груди мертвого детеныша.

Заглянув внутрь, они увидели странную белую обезьяну, которая сидела за столом, положив голову на вытянутые руки. На кровати покоилась другая фигура, покрытая парусиной. Из грубо сколоченной маленькой колыбельки раздавался заунывный плач младенца.

Керчак бесшумно вошел в хижину и пригнулся, готовясь к нападению. В этот миг Джон Клейтон, вздрогнув от неожиданности, поднял голову.

То, что он увидел, заставило его замереть от ужаса: в дверях стояли три здоровенные обезьяны, за ними толпились другие. Сколько их было, он так никогда и не узнал. Его револьвер висел на дальней стене рядом с ружьем, а Керчак уже приближался к нему. После того как король обезьян выпустил из рук безжизненное тело — то, что некогда было Джоном Клейтоном, лордом Грейстоуком, — он

бросился к колыбельке. Но Кала опередила его: едва он потянулся за ребенком, она схватила младенца и, прежде чем вожак смог помешать ей, выскочила за дверь и укрылась на огромном дереве.

Выхватив из колыбели ребенка Элис Клейтон, она бросила в нее тельце своего детеныша: плач живого младенца воззвал к бушевавшим в ее груди материнским чувствам, которые уже не дано было унять ее мертвому отпрыску.

Очутившись на вершине могучего дерева, она крепко прижала к себе кричащего ребенка. И вскоре проявления материнского инстинкта — того инстинкта, который определял все поступки этой сильной, страшной самки, так же как и его нежной и прекрасной матери, — достигли не вполне еще сформировавшегося сознания крошечного человечка, и он успокоился.

Потом голод окончательно уничтожил разделявшую их пропасть, и сын английского лорда и английской леди стал сосать грудь у огромной человекообразной обезьяны.

Тем временем животные, все еще находящиеся внутри хижины, внимательно обследовали содержимое этого необычного логова...

Кала со своим приемышем все это время находилась на дереве, пока наконец Керчак не приказал ей спуститься. Поскольку в его голосе не чувствовалось гнева, она, перепрыгивая с ветки на ветку, рискнула присоединиться к возвращавшимся домой обезьянам.

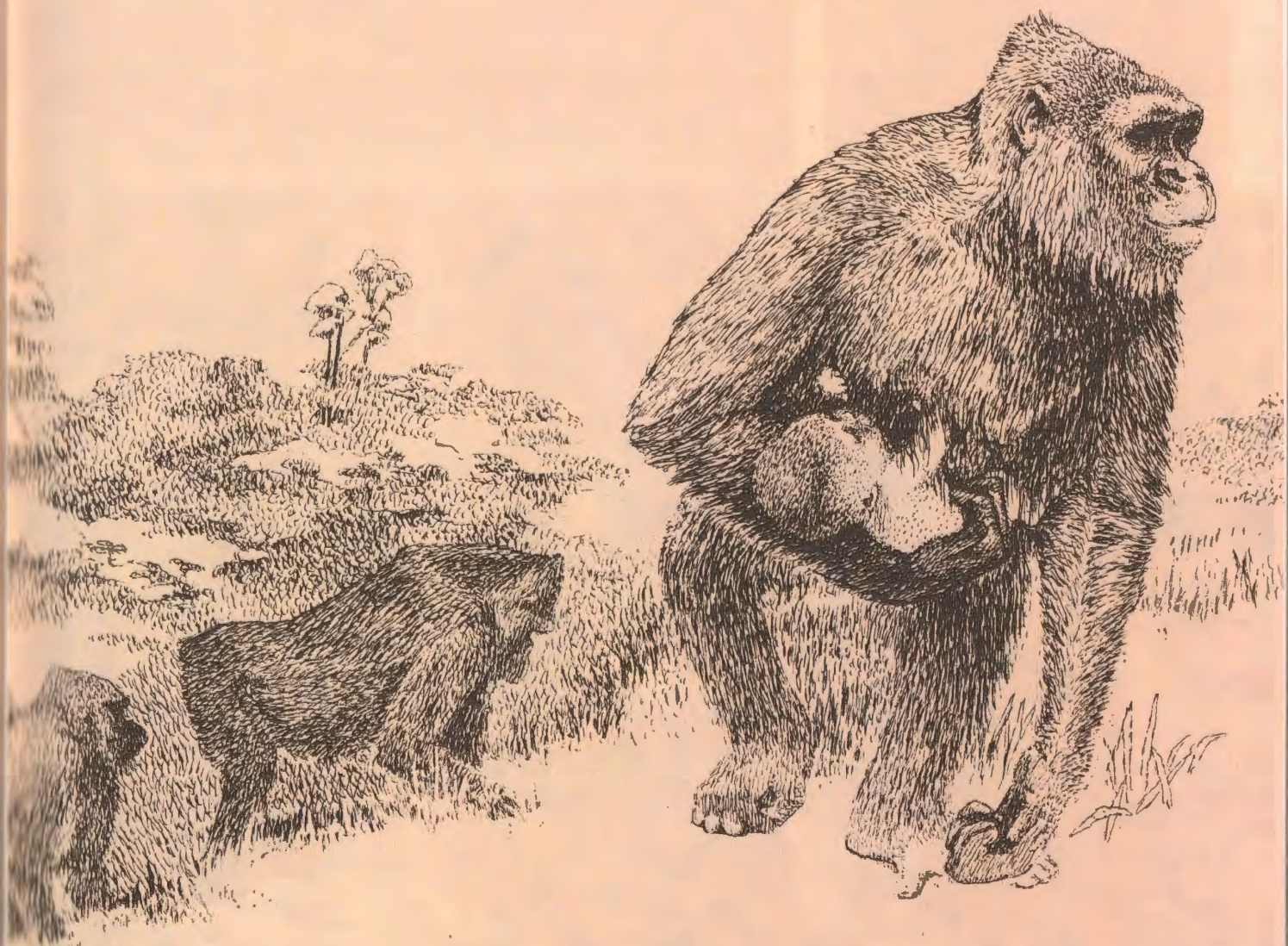
Если кто-нибудь из сородичей пытался рассмотреть странного детеныша, Кала, обнажив клыки и угрожающе рыча, предупреждала его держаться подальше. Когда же она поняла, что другие обезьяны настроены вполне миролюбиво, то позволила им подойти поближе, но не разрешала дотраги-

ваться до своего питомца. Словно бы знала, что ее новый младенец слаб и нежен и грубые руки соплеменников могут повредить ему.

Кале предстояло принять новую форму поведения, которая должна была стать для нее трудным испытанием, в особенности во время переходов. Обычно малыши ездили на спине у своих матерей, их маленькие ручки цепко охватывали волосатую

шею, а ножки находились под мышками у матери. Теперь же все было по-другому. Она тесно прижимала к груди маленького лорда Грейстоука, в то время как его крошечные ручонки цеплялись за длинную черную шерсть, которой было покрыто ее тело. Кала помнила падение своего детеныша и его ужасную смерть и не хотела, чтобы это повторилось.

Пища для размышления

Шимпанзе, обитают ли они в густых и влажных тропических лесах или в сухом саванновом редколесье, часов шесть-восемь в сутки тратят на поиски пищи и кормежку. Шимпанзе едят сообща, и каждый член группы знает свое место в иерархии стада. Первым обычно питается самец, занимающий главенствующее положение, за ним другие самцы, потом самки и наконец подростки. Шимпанзе всеядны, их пища включает листья, лианы, побеги, яйца, фрукты, насекомых и при случае мясо. Главной пищей для шимпанзе, живущих в саванне,

являются грейпфруты — каждая взрослая особь поедает их в среднем около семи килограммов в день. Настоящие гурманы среди шимпанзе снимают не только кожуру, но и белую мякоть с поверхности грейпфрута, а самые разборчивые ограничиваются высасыванием сока. Поскольку в саванне много открытых пространств, обезьяны в поисках безопасного места для кормежки часто переносят пищу на большие расстояния. Застенчивые от природы, они предпочитают есть вдали от посторонних глаз, хотя, кроме человека и леопарда, у них нет врагов.

Шимпанзе, фотографии которых приводятся на этих страницах, обитают в лесах и саванне. Наблюдения за ними проводила группа ученых-этологов. В лесу, где живут обезьяны, бананы не растут, но шимпанзе (слева), впервые увидев предложенные исследователями плоды, инстинктивно очищают их от кожуры. Шимпанзе саванны (вверху) перетаскивает в укромное место запас провианта, демонстрируя при этом удивительную координацию движений. На серии фотографий справа шимпанзе находит кучу грейпфрутов и, стремясь ухватить как можно больше, засовывает один из них в рот. Чтобы снять кожуру, шимпанзе прибегают к всевозможным ухищрениям, используя зубы, губы, пальцы рук и ног, причем каждая обезьяна делает это по-своему.

На этих photographиях изображены живущие в саванне шимпанзе, которые изучались группой голландских ученых и были засняты в естественной обстановке. Шимпанзе питаются дважды в день в определенные часы — утром и ближе к вечеру. На завтрак и на обед пища одна и та же. С невысоких веток обезьяны срывают грейпфруты, нередко встав на задние конечности. Как показывают кадры киноленты, шимпанзе снимают с фруктов кожуру, а в некоторых случаях даже белую мякоть, демонстрируя при этом поразительную ловкость. Животные включают в свой рацион термитов, которых они выуживают прутиками из отверстий термитника (верхний из серии снимков справа), листья, которые тщательно пережевывают и подают вместе с насекомыми (в середине), и такие фрукты, как фиги и финики (внизу).

На этих фотографиях изображены живущие в саванне шимпанзе, которые изучались группой голландских ученых и были засняты в естественной обстановке. Шимпанзе питаются дважды в день в определенные часы — утром и ближе к вечеру. На завтрак и на обед пища одна и та же. С невысоких веток обезьяны срывают грейпфруты, нередко встав на задние конечности. Как показывают кадры киноленты, шимпанзе снимают с фруктов кожуру, а в некоторых случаях даже белую мякоть, демонстрируя при этом поразительную ловкость. Животные включают в свой рацион термитов, которых они выуживают прутиками из отверстий термитника (верхний из серии снимков справа), листья, которые тщательно пережевывают и поедают вместе с насекомыми (в середине), и такие фрукты, как фиги и финики (внизу).

В тени человека

Более 10 лет молодая англичанка Джейн ван Лавик-Гудолл посвятила изучению жизни шимпанзе в естественных условиях их обитания. Это было первое исследование подобного рода. Результаты лабораторных экспериментов свидетельствовали, что шимпанзе являются ближайшими родственниками человека, однако из-за сложности в организации полевых исследований многое в этой области еще предстояло изучить. Джейн ван Лавик-Гудолл провела более четырех лет в резервате Гомбе в Танзании, прежде чем ей удалось установить контакт с обезьянами, позволивший провести тщательные наблюдения за их поведением. Ее упорство было вознаграждено сверх всякой меры: обезьяны признали в ней одного из членов своего сообщества и предоставили полную свободу действий.

В приводимом ниже отрывке из книги «В тени человека»^{*} рассказывается история о смерти детеныша шимпанзе, которую интересно сопоставить с повествованием об усыновлении Тарзана.

Мальши Олли, которому было всего четыре недели, внезапно заболел. Он появился на свет, когда меня не было в Гомбе, и я очень обрадовалась, услышав после возвращения о его рождении. Прежде всего мне хотелось узнать, как будет вести себя Гилка по отношению к младшему брату. Станет ли она также трогательно заботиться о нем, как Фифи о Флинте, и какова будет реакция матери?

В тот вечер Олли пришла в лагерь позже обычного. Она бережно прижимала малыша к себе и передвигалась очень медленно и осторожно, как бы боясь потревожить его. И действительно, при каждом резком движении он пронзительно вскрикивал, словно от сильной боли. Как следует уцепиться за шерсть Олли он не мог, то одна, то другая ручка или ножка беспомощно повисали в воздухе, и матери приходилось постоянно поддерживать его рукой.

Наконец Олли с малышом уселась на землю и начала есть бананы; Гилка занялась обыскиванием шерсти у матери. Вот она как бы невзначай добралась до крошечных ручек малыша и стала заботливо перебирать на них волоски, напомнив своим поведением Фифи, когда та ухаживала за маленьким Флинтом. На этот раз Олли позволила дочери

обыскать не только ручки, но и головку и спинку брата, хотя раньше мы видели, как она отталкивала Гилку, если та пыталась почистить его шерстку.

Наутро мы поняли, что малыш серьезно болен: ручки и ножки его бессильно болтались и он громко кричал при каждом шаге матери. Олли села и бережно положила сына на колени, Гилка устроилась рядышком и пристально уставилась на братца. Но на этот раз она не делала никаких попыток прикоснуться к нему.

Подкрепившись двумя бананами, Олли поднялась с земли, подхватила младенца и медленно пошла по тропе в сторону долины. Гилка и я двинулись за ней вслед. Обеспокоенная непрерывающимися криками малыша, Олли останавливалась каждые несколько метров и бережно прижимала к себе беспомощное тельце. Как только детеныш затихал, Олли вставала и шла дальше, но крики тут же возобновлялись, и матери приходилось снова садиться и ждать. Так прошло около получаса. За это время мы продвинулись не больше чем на сотню метров. Олли взобралась на дерево. Усевшись на ветке, она бережно положила малыша на колени, расправив его беспомощные ручки и ножки. Он успокоился, и Олли с Гилкой занялись туалетом: они обыскивали друг друга, почти не обращая внимания на малыша.

Минут через пятнадцать полил дождь. Это был настоящий тропический ливень, он стеной обрушился на нас. Я сидела, скорчившись в три погибели под большим деревом, и не видела ничего, кроме потоков воды. Ливень продолжался минут тридцать, и за это время детеныш, по-видимому, умер или потерял сознание. Когда Олли после дождя соскользнула с дерева, головка малыша беспомощно повисла, он больше не кричал и вообще не подавал никаких признаков жизни.

Я поразились тому, как резко изменилось поведение Олли. Куда девались ее заботливость и тревога! Спустившись на землю, она небрежно схватила детеныша за руку и перекинула его через плечо. Неужели она понимала, что ее отпрыск умер? Материнский инстинкт, по-видимому, под-

^{*} Джейн ван Лавик-Гудолл. В тени человека. Пер. с англ. Е. Гоодиной. — М.: Мир, 1974.

сказывал ей, что младенец, который не плачет и не шевелится, по крайней мере не нуждается больше в ее уходе. Несколько раньше я наблюдала за другой матерью, молодой и неопытной, которая потеряла своего первенца, но в течение суток после его смерти продолжала бережно носить безжизненное тельце, заботливо прижав его к груди.

Когда на следующий день Олли в сопровождении Гилки пришла в лагерь, мертвый детеныш все еще болтался у нее за спиной. Самка села, и труп с глухим стуком шлепнулся на землю. Вновь поднявшись, Олли опять поволокла его за собой. Несколько молодых самок шимпанзе и два-три павиана, привлеченные этим зрелищем, столпились вокруг Олли. Но она не обратила на них никакого внимания.

Когда Олли и Гилка покинули лагерь, я вновь последовала за ними. Олли брела как во сне: она шла через лес, не глядя по сторонам, и безжизненное тельце детеныша подпрыгивало на плече в такт ее шагам. Примерно на середине горного склона Олли остановилась и села, небрежно сбросив ношу с плеча. Прошло около получаса... Олли впала в оцепенение: она сидела, тупо уставившись в одну точку и почти не шевелясь, лишь изредка отгоняя рукой неизвестно откуда взявшихся мух.

Гилка, заметив безразличие матери, решила наконец поиграть с маленьким братцем. Это было страшное зрелище. Труп, уже начавшийся разлагаться, испускал зловоние, на лице и животе явно проступали зеленые пятна, а широко открытые глаза застыли и остекленели. Искося поглядывая на мать, Гилка осторожно подтащила к себе безжизненное тельце и принялась тщательно перебирать шерстку. То, что было дальше, я не могу вспомнить без содрогания. Гилка взяла руку мертвого детеныша и стала щекотать ею у себя под подбородком, а на лице у нее заиграла слабая улыбка. Бедная Гилка! Мы так радовались, когда у нее появился маленький братик, будущий товарищ по играм. Но, видно, ей на роду было написано быть одинокой. Еще раз быстро взглянув на мать, Гилка бережно подхватила мертвое тельце и прижала его к груди. Только тогда Олли заметила наконец, что происходит. Она быстро выхватила труп из рук дочери и бросила его на землю.

Потом старая самка встала и вернулась той же дорогой, что пришла, обратно в лагерь. Здесь она съела пару бананов и снова побрела в лес.

Я сопровождала Олли и Гилку еще часа три. Каж-

дые десять минут Олли садилась или ложилась на землю, а Гилка тотчас хватала мертвого братца и начинала с ним играть.

В конце концов Олли стало беспокоить мое присутствие; она прибавила шагу, все время оглядываясь через плечо и, наверное, нарочно зашла в такую густую чащу, что я еле поспевала за ней. Тогда я решила вернуться в лагерь. В глубине души я была рада, что могу наконец выбраться из этих зарослей — тяжелый трупный запах надолго задерживался в жарком и влажном воздухе, а поскольку я шла вслед за Олли, дышать было совершенно нечем. К тому же меня донимали мухи — целые полчища их, привлеченные все тем же запахом, садились на кусты, сквозь которые мы продирались.

Когда Олли и Гилка на следующий день появились в лагере, мертвого младенца с ними уже не было. По-видимому, они все же бросили его во время странствий по лесу.

Обезьяна, которая отдыхает как человек

Молодые орангутаны, которых вы видите на этих страницах, были сфотографированы в двух лесных резерватах малайзийских штатов Сабах и Саравак на севере Калимантана, где с 1961 года проводятся эксперименты по возвращению осиротевших детенышей в природные условия обитания. Многих удалось спасти из рук браконьеров, которые предназначали их для продажи в заокеанские зоопарки. Детенышей постепенно приспосабливали к жизни в джунглях, где они родились. Их возвращение в естественные условия обитания происходило благодаря деятельности комитетов по охране природы. В 1967 году самая старшая в группе самка орангутанов Джоан спарилась с диким самцом и произвела на свет младенца, рождение которого дало повод для оптимистических прогнозов, что реализация программы будет успешной. В ходе работы выяснилось, что детеныши орангутанов могут прекрасно имитировать некоторые человеческие привычки и манеры, по-видимому подражая тем ученым или работникам лесничеств, которые воспитывали их в качестве приемных родителей. Это иллюстрируют приводимые здесь фотографии.

Когда в соответствии с проводимой в Малайзии программой по охране природы эти орангутаны были возвращены в естественные условия обитания, они поначалу чувствовали себя очень неуверенно. Привыкшие жить на деревьях, они большую часть времени проводили на земле (верхний снимок) или сидели, тесно прижавшись друг к другу, подобно двум подросткам на нижнем снимке. Однако через какое-то время орангутаны стали вести себя гораздо спокойнее — как эта обезьяна на снимке справа, которая отдыхает, откинувшись удобно назад и неторопливо слизывая с палочки термитов.

В природных условиях, как известно, orangутаны любят поспать и вздремнуть — на это у них уходит около 60 процентов времени. Для дневного отдыха они нередко используют старые гнезда, но на ночь всегда строят свежие. Этот orangутан (слева), будто сраженный усталостью, заснул прямо на скале.

Человеку, наблюдающему за поведением orangутов, может показаться, что обезьяны специально усложняют себе жизнь. Вот этот orangутан (внизу слева) не нашел иного способа почесать шею, кроме как палкой через голову, а здоровяку на снимке справа пришлось загородить рукой все лицо, чтобы слизнуть с мизинца кусочек какого-то лакомства.

Изнеженное детство орангутанов

Материнский инстинкт самок орангутанов можно сравнить с нашей любовью к детям: обезьяны обожают своих малышей. За годы варварской охоты, поставившей этих животных на грань полного исчезновения, в первую очередь погибали самки, которые защищали детенышей. С малышами нянчатся, их опекают и ублажают на протяжении всего периода кормления грудью — нередко вплоть до четырехлетнего возраста. Мать обучает детеныша всему, что он должен знать: сует ему в рот пережеванную пищу, чтобы приучить к рациону взрослых; подсаживает на ветку, чтобы он побыстрее освоился на деревьях; оставляет одного на земле, чтобы заставить ходить. К четырем годам орангутаны уже могут сами найти себе пищу, подобно этому капризному молодому самцу на фотографии слева, который нехотя пережевывает орхидею.

Только бы ухватиться

Два уже вполне «образованных» подростка практикуются в выполнении акробатических трюков, которые они освоили раньше. Этот малыш слева чувствует себя как дома в кроне деревьев. Соревнование «кто кого перетянет» позволяет детенышам помериться силами друг с другом (вверху слева).

Убийства на улице Морг

Эдгара Аллана По (1809—1849) привлекало все необычное и сверхъестественное. В рассказе «Убийства на улице Морг»^{*} он представил на суд читателей первую детективную историю, в которой загадочное, ставящее всех в тупик убийство неожиданно получает логичное, хотя и совершенно непредсказуемое, объяснение. Совершивший преступление орангутан также жертва обстоятельств, доведенная до ужаса и отчаяния жизнью в неволе.

В парижской квартире найдены мертвые и обезображенные тела двух женщин. Все свидетели в своих показаниях утверждают, что из комнаты, где произошло убийство, доносился странный резкий голос, говоривший на каком-то совершенно непонятном языке. Эти необычные, наводящие ужас сведения послужили достаточным основанием для героя рассказа Огюста Дюпена, чтобы продемонстрировать недюжинные аналитические способности детектива. Поразмыслив над имевшимися в его распоряжении данными, Дюпен поместил в газете объявление о том, что он нашел сбежавшего орангутана и просит владельца прийти за ним. Появившийся вслед за тем матрос рассказывает историю, которая приводится ниже в изложении Дюпена.

Рассказ его в общем свелся к следующему. Недавно пришлось ему побывать на островах Малайского архипелага. С компанией моряков он высадился на Калимантане и отправился на прогулку в глубь острова. Им с товарищем удалось поймать орангутана. Компаньон вскоре умер, и единственным владельцем обезьяны оказался матрос. Чего только не натерпелся он на обратном пути из-за свире-

пного нрава обезьяны, пока не доставил ее домой в Париж и не посадил под замок, опасаясь назойливого любопытства соседей, а также в ожидании, чтобы у орангутана зажила нога, которую он занозил на пароходе! Матрос рассчитывал выгодно его продать.

Вернувшись недавно домой с веселой пирушки — это было в ту ночь, вернее, в то утро, когда произошло убийство, — он застал орангутана у себя в спальне. Оказалось, что пленник сломал перегородку в смежном чулане, куда его засадили для верности, чтобы не убежал. Вооружившись бритвой и намылившись по всем правилам, обезьяна сидела перед зеркалом и собиралась бриться — в подражание хозяину, за которым не раз наблюдала в замочную скважину. Увидев опасное оружие в руках у свирепого хищника и зная, что тот сумеет им распорядиться, матрос в первую минуту растерялся. Однако он привык справляться со своим узником и с помощью бича укрощал даже самые буйные вспышки его ярости. Сейчас он тоже сватился за бич. Заметив это, орангутан кинулся к двери и вниз по лестнице, где было, по несчастью, открыто окно, — а там и на улицу.

Француз в ужасе побежал за ним. Обезьяна, не бросая бритвы, то и дело останавливалась, корчила рожи своему преследователю и, подпустив совсем близко, снова от него убегала. Долго гнался он за ней. Было около трех часов утра, на улицах стояла мертвая тишина. В переулке позади улицы Морг внимание беглянки привлек свет, мерцавший в окне спальни мадам Л'Эспане, на пятом этаже ее дома. Подбежав ближе и увидев громоотвод, обезьяна с непостижимой быстротой вскарабкалась наверх, схватилась за открытый настежь ставень и с его помощью перемахнула на спинку кровати. Весь этот акробатический номер не потребовал и

^{*} Эдгар Аллан По. Убийства на улице Морг. Пер. с англ. Р. М. Гальпериной. — В кн.: По Э. А. Полное собрание рассказов. — М.: Наука, 1970.

минуты. Оказавшись в комнате, обезьяна опять пинком распахнула ставень.

Матрос не знал, радоваться или горевать. Он вознадеялся вернуть беглянку, угодившую в ловушку: бежать она могла только по громоотводу, а тут ему легко было ее поймать. Но как бы она чего не натворила в доме! Последнее соображение перевесило и заставило его последовать за своей питомицей. Вскрабкаться по громоотводу не представляет труда, особенно для матроса, но, поравнявшись с окном, которое приходилось слева, в отдалении, он вынужден был остановиться. Единственное, что он мог сделать, — это, дотянувшись до ставня, заглянуть в окно. От ужаса он чуть не свалился вниз. В эту минуту и раздались душераздирающие крики, всполошившие обитателей улицы Морг.

Мадам Л'Эспане и ее дочь, обе в ночных одеяниях, очевидно, разбирали бумаги в железной укладке, выдвинутой на середину комнаты. Сундучок был раскрыт, его содержимое лежало на полу рядом. Обе женщины, должно быть, сидели спиной к окну и не сразу увидели ночного гостя. Судя по тому, что между его появлением и их криками прошло некоторое время, они, очевидно, решили, что ставнем хлопнул ветер.

Когда матрос заглянул в комнату, огромный орангутан держал Л'Эспане за волосы, распущенные по плечам (она расчесывала их на ночь), и в подражание парикмахеру поигрывал бритвой перед самым ее носом. Дочь лежала на полу без движения, в глубоком обмороке. Крики и сопротивление старухи, стоившие ей вырванных волос, изменили, быть может, и мирные поначалу намерения орангутана, разбудив в нем ярость. Сильным взмахом мускулистой руки он чуть не снес ей голову. При виде крови гнев зверя перешел в неистовство. Глаза его пылали, как раскаленные угли. Скрежеща зубами, набросился он на девушку, вцепился ей страшными когтями в горло и душил, пока та не испустила дух. Озираясь в бешенстве, обезьяна увидела маячившее в глубине над изголовьем кровати помертвелое от ужаса лицо хозяина. Остерснение зверя, видимо, не забывшего о грозном хлысте, мгновенно сменилось страхом. Чувствуя себя виноватым и боясь наказания, орангутан, верно, решил скрыть свои кровавые проделки и панически заметался по комнате, ломая и опрокидывая мебель, сбрасывая с кровати подушки и одеяла.

Наконец он схватил труп девушки и затолкал его в дымоход камина, где его потом и обнаружили, а труп старухи, недолго думая, швырнул за окно.

Когда обезьяна со своей истерзанной ношей оказалась в окне, матрос так и обмер и не столько спустился, сколько съехал по громоотводу и бросился бежать домой, страшась последствий кровавой бойни и отложив до лучших времен попечение о дальнейшей судьбе своей питомицы. Испуганные восклицания потрясенного француза и злобное бормотание разъяренной твари и были теми голосами, которые слышали поднимавшиеся по лестнице люди.

Вот, пожалуй, и все. Еще до того, как взломали дверь, орангутан, по-видимому, бежал из старухиной спальни по громоотводу. Должно быть, он и опустил за собой окно.

Спустя некоторое время сам хозяин поймал его и за большие деньги продал в Jardin des Plantes (ботанический сад).

Оторвавшийся от земли орангутан

По земле орангутаны движутся медленно и неуклюже, но на деревьях чувствуют себя как дома. Подростки беспечно передвигаются под сенью тропического леса, грациозно и ритмично перебрасывая с ветки на ветку свои длинные руки — они как бы шагают с помощью рук. Часто они висят, уцепившись за сук, срывая плоды и листья, которые тут же съедают, или просто отдыхают в такой позе. Тем не менее способность раскачиваться на ветках и лианах не является врожденной, и молодые орангу-

таны проходят тщательный курс обучения у своих матерей, прежде чем начинают уверенно чувствовать себя на деревьях.

Примерно до десятилетнего возраста, до наступления половозрелости, орангутаны обладают живым игривым нравом, но с переходом во взрослое состояние теряют юношеский задор, постепенно успокаиваются, все реже демонстрируют воздушные трюки, в основном сидят, спят, дремлют.

Гиббоны

Своими небольшими размерами, а также способом передвижения гиббоны настолько отличаются от других человекообразных обезьян, что вместе с их близкими родственниками сиамангами объединяются зоологами в отдельное семейство. Их называют *Nylobates*, что в переводе с греческого означает «ходящие по ветвям» обезьяны.

В отличие от массивных гориллы, шимпанзе и орангутана гиббон весит всего 5—9 килограммов, а сиаманг — 9—13, но благодаря густой пушистой шерсти животные кажутся намного крупнее. Гиббоны обладают и характерной анатомической особенностью, которой не имеют другие человекообразные обезьяны, — на ягодицах у них находятся твердые ороговевшие подушки, сросшиеся с костями таза. Эти разрастания, известные под названием «седалищные мозоли», являются незаменимым приспособлением для гиббонов, поскольку они не строят на ночь гнезд, а спят сидя, примостившись на тонких ветках, чтобы не стать добычей леопардов и других хищников.

Легкий вес и хрупкое телосложение гиббонов идеально соответствуют их образу жизни в верхнем ярусе тропического леса. Большую часть времени гиббоны проводят на высоте 30—45 метров над поверхностью земли, там, где много всякой еды: плодов, птиц, яиц. Легко и без усилий они перемахивают с ветки на ветку, перехватываясь своими длинными руками. Их движения как бы напоминают размашистый шаг, с той лишь разницей, что в тот момент, когда обезьяны отрываются от ветки, они фактически парят в воздухе. Этот способ локомоции получил название «брахиация». Им могут пользоваться также шимпанзе, орангутаны и молодые гориллы, но только в редких случаях.

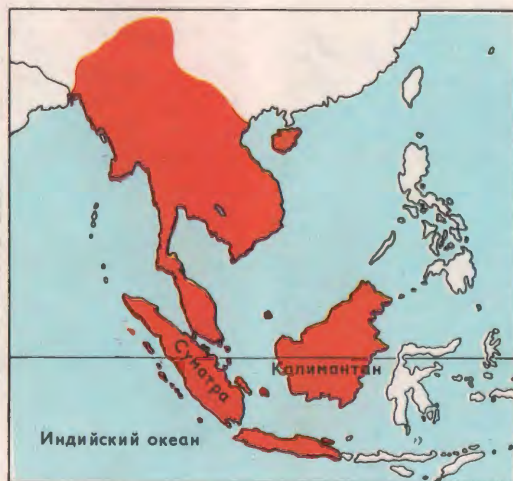
Гиббоны обитают повсеместно во влажных тропических лесах Юго-Восточной Азии и на островах Малайского архипелага — Суматре, Яве, и Калимантане. Они живут семейными группами, включающими взрослого самца, самку и их детенышей. Каждая группа занимает в лесу определенную территорию, но, поскольку урожай плодов непредсказуемо колеблется от года к году, она изо всех сил стремится расширить и сохранить это жизненное пространство от вторжения других гиббонов. Постоянные пограничные конфликты особенно усиливаются в тех случаях, когда плоды созревают на «ничейной», пограничной, земле. Гиббоны редко наносят увечья друг другу, их поведение строго ритуализовано, и вместо настоящей драки обычно разыгрывается имитация шумного сражения.

Один из самых характерных звуков в царстве гиббонов — это утренние пронзительные коллективные концерты самок. Поначалу раздаются отдельные ясные ухаживающие звуки, которые становятся все более громкими и наконец переходят в заливыистые рулады невероятной силы. В ответ вторит самка с соседней территории, и обе они поспешно сходятся на общей границе. Теперь настает очередь самцов — они делают угрожающие выпады, ловко увертываясь, гоняются друг за другом среди ветвей или висят лицом к лицу, ухватившись одной рукой за сук и грозно ухая. На протяжении всей этой имитации сражения самки поддерживают самцов громкими возгласами. Примерно через час группы расходятся, каждая на свою территорию. Инцидент исчерпан, пограничная линия в очередной раз определена.

Гиббоны рождаются почти лишенными шерсти, если не считать меховой шапочки на голове. Мать, пригнув колени к груди и таким образом поддерживая новорожденного, устраивает уютное гнездышко. Худенькие розовые ручки малыша, хотя и выглядят невероятно хрупкими, с первого же дня мертвой хваткой цепляются за шерсть матери, так что она может свободно раскачиваться на деревьях, не беспокоясь о безопасности своего детеныша.

К двухлетнему возрасту гиббоны становятся довольно независимыми, но все еще большую часть времени проводят в семье. Потом рождается второй детеныш, за ним, примерно с интервалом в два года, еще один. К тому моменту, когда в семье появляется четвертый детеныш, старшему исполняется шесть лет, он вступает в пору полового созревания и начинает вызывать антагонистические чувства у одного из своих родителей. Взрослые гиббоны одного пола враждебно относятся друг к другу независимо от того, живут ли они по соседству или в одной семье. Подросток постепенно отделяется от семьи и начинает вести одиночный образ жизни, пока не находит себе пару.

Сиаманги, обитающие на полуострове Малакка и на Суматре, имеют много общего с гиббонами — например, «семейный» тип социальной организации. Они даже могут спокойно уживаться на одной территории, так как гиббоны питаются преимущественно плодами, а сиаманги — листьями. Сиаманги, обладающие особенно крупными горловыми мешками, производят более громкие звуки, чем гиббоны. И тех и других можно безошибочно отнести к числу самых шумных млекопитающих земного шара.

Гиббоны распространены повсеместно в тропических лесах Юго-Восточной Азии.

«С легкостью необыкновенной...»

Гиббоны — самые искусные брахиаторы среди человекообразных обезьян. В тропических лесах, где они живут, деревья достигают невероятной высоты. Устремленные в небо ветви соседних деревьев переплетаются друг с другом, создавая многочисленные горизонтальные ярусы. Цепкие лианы карабкаются по стволам, обвиваются вокруг ветвей, образуя между деревьями висячие мосты, на которых обезьяны исполняют головокружительные воздушные трюки. Повиснув на своих необычайно сильных гибких руках и используя длинные тонкие пальцы в качестве крючьев, гиббоны раскачиваются на ветках, перемахивают с дерева на дерево, иногда перекрывая расстояния более чем в десять метров.

На этих фотографиях два молодых гиббона в захватывающем дух представлении подтверждают свое непревзойденное мастерство верхолазов. Даже самые ловкие из низших обезьян едва ли рискнули бы пересечь этот воздушный мост, не прибегнув к помощи всех четырех конечностей. Но гиббоны совершают это путешествие, используя то одну, то другую конечность или комбинации из своих рук и ног. Иногда обезьяна вообще не пользуется верхними конечностями (на предыдущей странице вверху) и балансирует на стебле лианы, как бы вовсе не замечая головокружительной пропасти, разверзшейся у нее под ногами. Передвигаясь на нижних конечностях, будь то на земле или в воздухе, гиббон грациозно поднимает вверх руки. Таким образом он сохраняет равновесие и не позволяет своим непропорционально длинным верхним конечностям волочиться по земле.

Гиббон в Китае

Описание гиббонов часто встречается в китайской литературе, поскольку в Китае было принято содержать этих животных в домашних условиях. Одна из самых известных историй о человеке и гиббоне относится ко времени династии Тан (X век н. э.). Хотя оригинал «Жизнеописание Ван Дзен-ю» не сохранился, рассказ о полководце Ван Дзен-ю и его гиббоне дошел до нас в изложении Р. Х. ван Гулика в книге «Гиббон в Китае», отрывок из которой приводится ниже. Действие происходит на северной границе провинции Сычуань, в гористой местности, где обитала большая популяция гиббонов. Описание проделок Иех-пина, его сообразительности и преданности точно воспроизводит поведение прирученных гиббонов.

Когда Ван Дзен-ю служил в Ханьчжуне, он перенес свое жилище в служебное помещение. Однажды охотник с гор Па подарил ему молодого гиббона. Ван пожалел обезьянку, потому что она была совсем крошечной и очень сообразительной. Он назвал ее Иех-пином и отдал на воспитание слугам. Через несколько лет гиббон вырос, стал большим и сильным, и его приходилось почти все время держать на цепи, потому что он кусал каждого, кто проходил мимо, и это очень огорчало его хозяина. Всякий раз, когда Ван бранил гиббона, тот становился послушным и некоторое время вел себя хорошо, но кроме хозяина никого не боялся, даже если человек был вооружен плеткой или палкой.

Резиденция Вана была окружена стенами, здесь росли вязы и белые акации. В храме, посвященном императору Као-дзу династии Хань, стояли высокие сосны и старые кедры, на ветвях которых построили себе гнезда бесчисленные птицы. Во второй месяц в день полнолуния Иех-пину удалось освободиться от цепи. Он убежал в лес и спрятался среди деревьев. Оттуда он сделал набег в храм, где разорил гнезда, сбросив всех птенцов и яйца наземь.

Перед домом префекта стояла огромная рама с подвешенными на нитях колокольчиками (приспособление против грабителей), которые зазвони-

ли, когда стая выпущенных птиц задела крыльями нити. Выскочивший на этот звон служитель увидел на дереве Иех-пина и приказал слугам забросать его камнями и сбить стрелами. Но никто не мог попасть в гиббона. Когда же пришла ночь, пустой желудок заставил гиббона спуститься с дерева, и его опять посадили на цепь. После этого случая Ван приказал слугам отправить Иех-пина в родные горы Па, находившиеся за много километров от его резиденции. Но не успели слуги вернуться назад и доложить Вану, что приказ выполнен, как Иех-пин уже сидел на кухне Вана и пытался раздобыть себе пищу.

Ван опять посадил гиббона на цепь, но однажды тот вновь убежал. Он примчался на кухню правителя, опрокидывая блюда, разбивая сосуды и тарелки. Затем он взобрался на крышу и стал оттуда бросать черепицу и кирпичи. Правитель пришел в ярость и приказал слугам убить гиббона. Но Иех-пин продолжал сидеть на коньке крыши и разбивать черепицу. И хотя на него обрушился град стрел, он по-прежнему оставался совершенно неуязвимым: одни стрелы он ловил руками, другие отталкивал ногами, увертываясь так ловко, что они пролетали слева и справа, но ни один его волосок не был задет. Тогда старый чиновник Ма Юанчан сказал, что он знает человека, который умеет обращаться с обезьянами, и этот человек был призван. Он указал своим специально обученным макакам на гиббона, сидящего на крыше, и приказал поймать и спустить его на землю. Повинуясь ему, несколько больших макаков залезли на крышу и окружили Иех-пина. Тогда гиббон прыгнул на улицу и был там пойман. Когда его привели к правителю, он, мокрый от пота, выглядел послушным и раскаявшимся. Правитель не очень его бранил, и все, кто был свидетелем происшедшего, от души смеялись. Ван Дзен-ю повязал на шею Иех-пина красную ленточку и написал следующую прощальную поэму:

*Я подарил тебе свободу в надежде, что ты
вернешься в родные леса.*

Ты без труда отыщешь путь в дороге твоему
 сердцу места.
 И когда луна озарит своим светом
 перевал Ву, ты насладишься его тишиной,
 И тропы на склоне горы Па не покажутся
 тебе слишком крутыми.
 Когда ты очутишься там, тебя не будет больше
 мучить мысль о зеленых холмах.
 Забравшись высоко в горы, ты насладишься
 лазурными облаками.
 Наступят три осенних месяца, и созреют плоды,
 и сосны зашумят окрепшими кронами,
 Ты станешь резвиться на вершинах деревьев,
 и твоя утренняя песнь будет слышна вдали.

Затем Ван повелел слугам увезти гиббона в горы
 Ку-юн-лянг-чу, приказав связать его и держать
 в крестьянском доме (чтобы он забыл свое прежнее
 жилище). Через десять дней гиббона развязали,
 и он оказался на свободе. И на этот раз он действи-
 тельно не вернулся назад.

Позднее Ван посетил по своим делам Ханьчжун и
 исколесил всю провинцию Сычуань. Когда он и его
 свита остановились перед храмом на горе По-чжун
 на берегу реки Хан, группа гиббонов спустилась
 к водоему, держа друг друга за руки. Но вот боль-
 шой гиббон покинул стаю и вышел вперед. Повис-
 нув на ветке старого дерева, что росло на краю
 дороги, он вглядывался в людей, которые стояли
 внизу. На его шее по-прежнему была повязана
 красная ленточка. Один из членов свиты Вана
 сказал, показывая на гиббона: «Да ведь это же
 Иех-пин!»

Ван позвал гиббона, и тот ответил на его призыв.
 Когда люди оседлали коней, гиббон загрустил, а
 когда они натянули поводья, животное издало
 горестный вопль, а потом исчезло из виду. И тот,
 кто был в кортеже Вана, на протяжении всего пути
 по горной тропе, выходящей по долинам и ущельям,
 все время слышал печальный зов с деревьев, рас-
 тущих вдоль дороги, и думал, что это тоскующий
 гиббон сопровождает их. Через некоторое время
 Ван сочинил продолжение своей поэмы:

Перед храмом По-чжун, на берегу
 реки Хан,
 Гиббоны, взявшись за руки, спустились с
 крутого обрыва.
 Когда они подошли ближе, чтобы
 взглянуть на путников,

Я увидел Иех-пина, который выглядел
 так же, как прежде.
 Играя в лунном свете, он не будет больше
 вспоминать о плетке и цепи,
 Питаясь сосновыми почками, он забудет,
 о прежней пище.
 Он звал меня несколько раз, и зов этот, ранящий
 сердце, поднимался к облакам:
 Он действительно узнал хозяина прошлых лет!

Одни в семействе

Семейство гиббоновых, кроме сиаманга, насчитывает семь видов гиббонов. Все гиббоны обитают на деревьях и благодаря своим незаурядным талантам по части передвижения среди веток и лиан могут ускользнуть от хищников и ухватить изрядное количество фиг, винограда, манго и других плодов,

которые в основном и составляют их пищу. Члены каждой семейной группы держатся вместе и опекают друг друга. Когда обезьяны устраиваются на ночлег, они в целях безопасности объединяются в небольшие группки — по двое или по трое.

Гиббоны, подобно тому, которого вы видите на верхнем снимке слева, не строят гнезд, а спят сидя, удобно устроившись на своих седалищных мозолях в развилке дерева. На правом верхнем снимке запечатлен сиаманг, живущий в неволе, что не мешает ему, раздувая горловой мешок, заявлять о своих правах на занимаемую территорию гулкими звуками «вау». Гиббон хулок (справа) отличается полосой белых волос на надбровьях. На теле у него растет такая густая и длинная шерсть, что она полностью закрывает седалищные мозоли.

Лангуры и гверецы

Обезьяны Старого Света, или узконосые обезьяны, в зависимости от характера поедаемой ими пищи разделяются на два подсемейства: в одно из них входят всеядные обезьяны, рацион которых включает все — от плодов и насекомых до небольших животных; в другое — обезьяны, которые питаются только листьями тропических деревьев. Последние в свою очередь делятся на две большие группы: тонкотелы, или лангуры, Юго-Восточной Азии и африканские гверецы. Из-за того что лангуры и гверецы страшно привередливы, а подобрать пищу, к которой они привыкли, или найти ей замену почти невозможно, они редко встречаются в зоопарках и известны гораздо меньше своих всеядных сородичей. Тем не менее это довольно обширная группа приматов. В строении пищеварительного тракта у листоядных обезьян много общего со жвачными животными, такими, как, скажем, корова. Если четырехкамерный желудок коровы — это, по существу, химическая фабрика, предназначенная для переработки огромной массы травы, то сложный, состоящий из трех отделов желудок лангуров может переваривать большие количества зрелых листьев. В тропических лесах эти обезьяны постоянно находят себе пищу, и им нет нужды совершать набеги на сады и поля. Нет у них и защечных мешков, в которые откладывают съестные припасы макаки, мангобей, павианы и марьшики.

Название «лангур» происходит от слова «lungoor», означающего на языке хинди «длиннохвостый». Этот термин, строго говоря, следует употреблять только для обозначения лангура ханумана, или гульмана (*Presbytis entellus*), который распространен повсеместно в Индостане — от заснеженных областей Кашмира и Непала до Шри-Ланки. Хануманы почитаются и оберегаются индийцами как священные животные. По преданию, они происходят от царя обезьян Ханумана, который помогал царю Раме и его супруге Сите совершить ряд подвигов, описанных в индийской мифологии.

Лангуры (красный цвет) распространены от Индии до Индонезии. Гверецы (синий цвет) живут в Центральной и Западной Африке.

Гульманы живут группами приблизительно в 20 особей, в составе которых может быть около четырех взрослых самцов, восьми самок и свыше десятка детенышей. Именно забота о младших членах связывает группу в единое целое. Новорожденный детеныш с розовой кожей и редкой темной шерсткой сразу же попадает в объятия матери, которая тщательно осматривает его, заботливо вылизывает, обыскивает и приглаживает. Он незамедлительно становится объектом пристального внимания всех взрослых самок. Едва успевшего обсохнуть малыша мать доверяет одной из них для дальнейшего осмотра, вылизывания и обнюхивания. Если детеныш начинает плачем выражать свой протест, то переходит в следующие руки, готовые принять его и с самого начала повторить процедуру знакомства. Когда крики становятся чересчур настойчивыми, мать забирает младенца, но нередко в первый же день с ним нянчатся семь или восемь посторонних самок.

Такой тип поведения, когда взрослые самки заботятся о чужих детенышах, известен под названием «тетушкин» и широко распространен среди лангуров. Контраст между темной шерсткой новорожденного и светлым мехом матери, вероятно, служит своеобразным сигналом, который побуждает самку опекать и защищать младенца, если того требуют обстоятельства. Эта система имеет большое адаптивное значение, поскольку самка, прежде чем стать матерью, уже приобретает некоторые навыки в обращении с детенышами. Когда малышам исполняется около трех месяцев, мамы, отправляясь кормиться, часто оставляют их на попечении старых самок, которые охотно берут на себя роль «тетушек» и пасут двух-трех малышей.

Гверецы, или колобусы, — это уникальное явление среди обезьян Старого Света, поскольку в их кисти отсутствует одна из самых существенных особенностей приматов — большой палец. Греческим словом «kolobus», что значит «искалеченный» или «изуродованный», этих обезьян называли потому, что они лишены жизненно важных манипуляторных способностей. И все-таки гверецы прекрасно владеют своим телом, когда перескакивают с ветки на ветку на высоте 30 метров над землей. Правда, их кисти в основном работают как крючья, образованные четырьмя согнутыми пальцами. Зато гверецы идеально приспособлены для того, чтобы раскачиваться и прыгать по вершинам деревьев, и не менее проворны, когда дело касается кормежки. Им достаточно пригнуть ветку и просто оборвать листья губами.

И наконец, на Дальнем Востоке живут листоядные обезьяны с забавно вздернутыми носами. По странной прихоти естественного отбора они характеризуются либо очень маленькими, либо очень большими носами. Из западного Китая происходит золотисто-шоколадная курноса обезьяна, или рокселланов ринопитек, на голубоватом лице которой сидит самый крошечный из всех носов. Про обезьяну (справа) с миндалевидными глазами, обитающую во Вьетнаме, даже этого сказать нельзя: ее нос — всего две продолговатые ноздри.

Священные обезьяны

Почитаемые в Индии гульманы привыкли жить рядом с людьми. Под надежной охраной статуса священных животных они наводняют города, выпрашивают пищу, безнаказанно разоряют сады и поля. Лангуры демонстрируют удивительное разнообразие характерных окрасок: очковый лангур (слева) рождается ярко-рыжим и лишь в шестинедельном возрасте его шерсть приобретает темный цвет и появляются типичные для обезьян этого вида белые «очки». Все лангуры отличаются гибким телосложением, лишенными волос мордами, особым строением пищеварительной системы, что позволяет им питаться исключительно листьями. Не считая их двоюродных братьев — африканских гверцев, — представители лангуров распространены только в южной Азии и обитают в самых разнообразных условиях: их можно встретить на высоте 3600 метров на склонах Гималаев и во влажных тропических лесах Малайзии.

Из-за того что лангуры питаются листьями и обладают сложным желудком, им приходится часами сидеть в полной неподвижности, переваривая пищу, как эти гульманы на верхнем снимке. Однако они не остаются постоянно на одном месте, а перемещаются в пределах своего ареала, быстро и легко передвигаясь по деревьям или по земле (слева) и используя в качестве балансира чрезвычайно длинные хвосты.

Новорожденные лангуры резко отличаются по цвету от своих родителей. Изменение окраски в соответствии с характерной для родителей цветовой гаммой происходит на протяжении нескольких первых недель жизни. Детеныш гульмана (справа), вцепившийся в руку матери, родился темно-коричневым; цвет его шерсти быстро меняется и скоро он станет платиново-белокурым, как все взрослые обезьяны. Индустская легенда так объясняет темный цвет шерсти на лице и лапах священных обезьян — хануманов: некогда их предок спас царицу Ситу от злого демона, который за это попытался сжечь Ханумана на костре. Однако хитроумной обезьяне удалось спастись, огонь подпалил ей лишь морду и лапы.

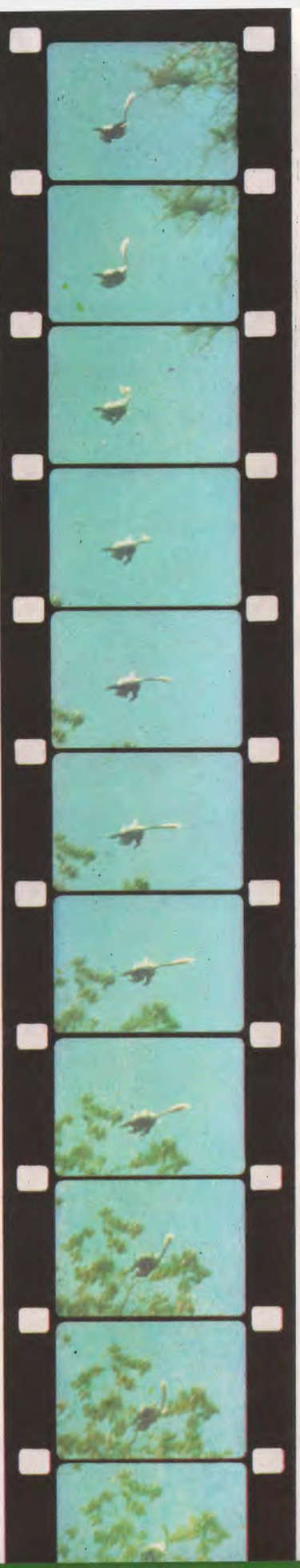

Летающие гверцы

Несколько видов длинношерстных гверцев в недалеком прошлом были практически истреблены охотниками из-за их роскошного меха, особенно красивого у некоторых подвидов благодаря длинной пышной бахромке на боках и хвосте. Чтобы удовлетворить спрос, в одном только 1892 году из Африки было вывезено 170 000 шкур черно-белых гверцев. К счастью для животных, мода на обезьяний мех прошла после первой мировой войны, и последующие поколения гверцев были спасены от истребления. Но этой обезьяне с печальным взглядом и взъерошенной шерстью (слева) по-прежнему грозит исчезновение. Благодаря интенсивному освоению и заселению земель на острове Занзибар, где обитает гверец Кирка, численность ее сократилась до нескольких сотен.

Живущие в тропических лесах и горах Экваториальной Африки гверцы необыкновенно талантливые и отважные прыгуны, как это видно на кадрах киноленты справа. Они могут изменять направление в полете (вверх) и совершать прыжки с 6—10 метров к ветвям нижерастущих деревьев.

Самые носатые обезьяны

Взрослый самец носача — это Сирано в семье обезьян. Среди других приматов трудно найти что-либо похожее на его огромный смешной нос, достигающий иногда семи-восьми сантиметров и продолжающий расти даже тогда, когда самец становится взрослым. Ученые считают, что нос самцов — это результат селективной адаптации: самки предпочитают длинноносых партнеров. У самок и подростков нос не так велик, он достигает размеров человеческого и похож на нос их двоюродных братьев — курносых ринопитеков. В дей-

ствительности самцы носачи используют свой нос как усилитель, когда издают ритуальные территориальные крики.

Носачи обитают только на Калимантане и становятся все более редкими. Подобно другим тонкотелам, они прекрасные верхолазы и бесстрашные летуны: без колебаний оторвавшись от ствола и широко раскинув руки, они летят, как планер в свободном парении, к деревьям нижнего яруса леса (вверху).

Мартышки

Мартышки самые многочисленные из африканских лесных обезьян, славятся разнообразием цветовой гаммы и пестротой окраски. Уступающие по размерам макакам и достигающие 50—60 сантиметров, они быстро перемещаются по воздушным тропам своего лесного дома используя в качестве балансира длинные метровые хвосты. Характерный рисунок окраски помогает обезьянам распознавать представителей своего вида, даже если сквозь густую листву проглядывает лишь небольшая часть тела. Отличительные пятна и метины, как правило, расположены на морде, крестце и задних конечностях. Белые нагрудники, белые пятнышки на носу, белые бакенбарды, усы и бороды, белые тиары на голове сочетаются с белыми пятнами на крестце и белыми полосами на бедрах. Каштановая тиара, голубоватый оттенок кожи на морде, белая борода и белые полосы на бедрах придают благородный вид мартышке Брасса из бассейна реки Конго (справа); белоснежный воротник и диадема, черная морда, темно-серый цвет шерсти на теле и рыжий на бедрах — этот элегантный наряд характерен для мартышки дианы из Западной Африки. Поскольку у всех обезьян Старого Света прекрасно развито цветовое зрение, они могут быстро распознавать представителей своего вида, что имеет для них большое значение. Когда взрослый самец видит в подвешенном на дереве зеркале свое отражение, он начинает угрожать двойнику, вскидывая голову вверх и вниз в той же устрашающей манере, как если бы он действительно встретился с незнакомцем.

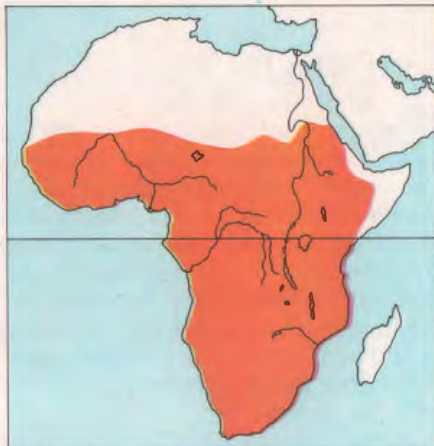
Лесные мартышки живут в основном небольшими группами, насчитывающими обыкновенно одного взрослого самца, двух или трех взрослых самок и до восьми детенышей. Вожака не переносит присутствия другого взрослого самца и при встрече с ним кивками головы подает угрожающие сигналы. Во время передвижения в группе царит легкая, беззаботная атмосфера, мартышки кормятся всем, что попадется на пути, — от плодов до ящериц, отдыхают, обскивают друг друга под безоблачной сенью деревьев. И только вожака не теряет бдительности, высматривает змей, хищных птиц или других врагов. Молодые мартышки любят гоняться друг за другом и бороться, как это делают все подрастающие приматы. Они даже изобретают собственные игры, например поджидают, когда стая важных птиц-носорогов уютно устроится на ветках, а потом начинают раскачивать дерево, заставляя птиц в панике взмывать в воздух.

Карликовая мартишка талапойн выделяется среди обезьян своим удивительным образом жизни. Она обитает в заболоченных лесах вдоль рек, пересекающих экваториальные джунгли, и питается клубневидными корнями маниока, или кассавы, которые собирают и вымачивают в речных водах местные жители. Привле-

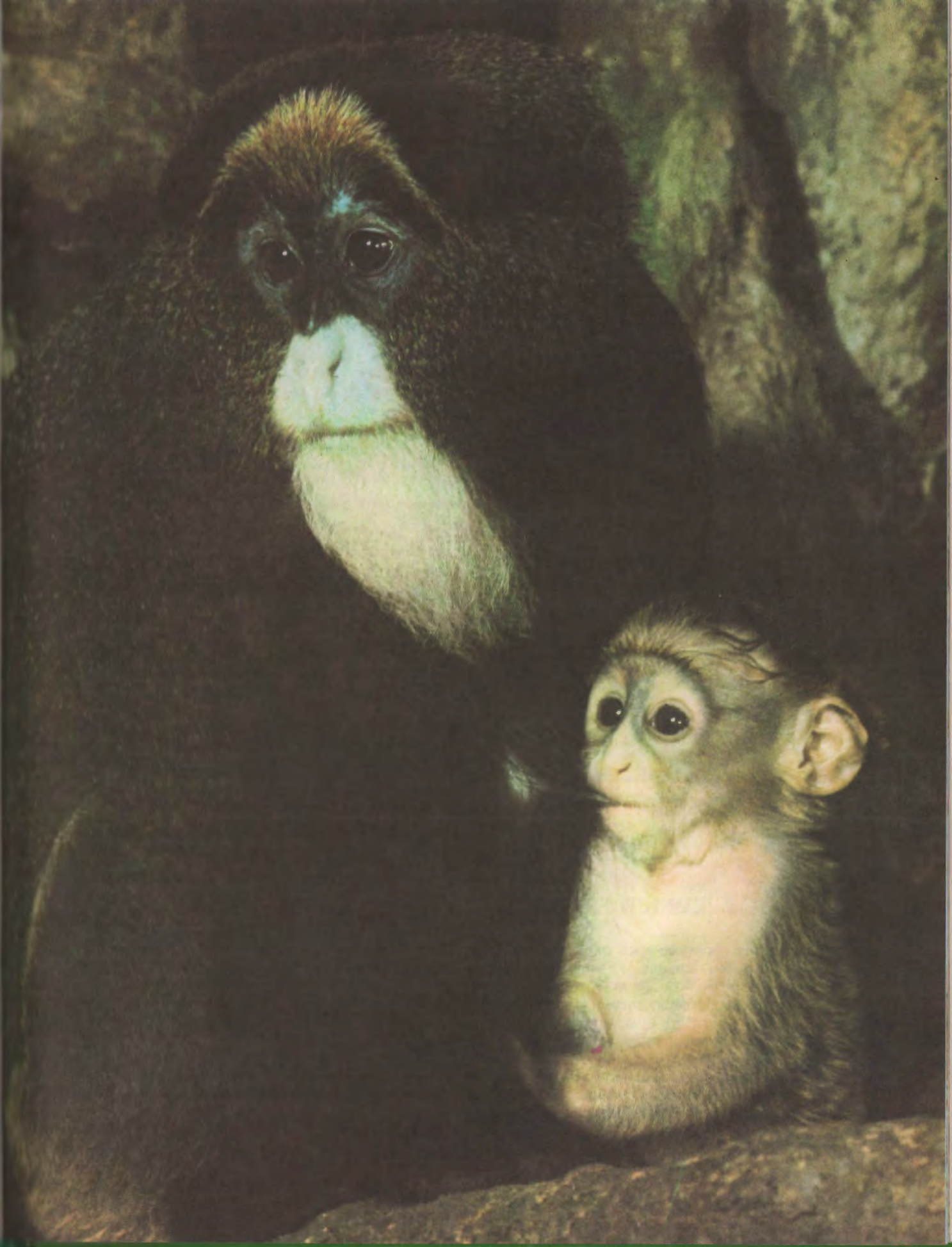
ценные обилием пищи, эти обезьяны скапливаются у деревень большими стаями, подчас насчитывающими свыше ста особей, и ведут полупаразитический образ жизни, который мало чем отличается от поведения крыс и мышей, грабящих амбары и житницы. Свежий корень маниока ядовит и очень горек. Поэтому перед употреблением в пищу его вымачивают в воде, чтобы удалить ядовитые вещества путем ферментации. То, что мартышки питаются преимущественно маниоком, ставит перед наукой интересную проблему: каким образом обезьяны среди тысяч корней, находящихся в разных стадиях ферментации, выбирают уже неядовитые?

Некоторые мартышки живут на опушке леса, где отдельные группы деревьев и кустарников перемежаются обширными, поросшими травой пространствами. Излюбленное место обитания мартышек, которые распространены от Сенегала на западе до Эфиопии на востоке и мыса Доброй Надежды на юге, — полосы вечнозеленого леса, тянущиеся вдоль рек и озер этой в общем-то безлесной саванны. В зависимости от района распространения обезьян выделяют соответственно то к зеленым мартышкам, то к гвиреткам, то к верветкам.

Одна из мартишек — патас, или красный гусар, — вообще покинула лес и переселилась в саванну. Вероятно, это самая быстрая обезьяна в мире; своим телосложением она напоминает овчарку и ее длинные ноги позволяют ей передвигаться огромными прыжками. Из-за красновато-коричневой шерсти, серых бакенбардов, которые спускаются к подбородку, и светлых гусарских усов она выглядит как брюзгливый британский полковник в отставке. Патасы живут группами, насчитывающими до 15 особей, во главе с единственным, доминирующим взрослым самцом. Функции, которые выполняет вожак, обусловлены особенностями жизни в равнинной местности, где группа постоянно подвержена опасности нападения со стороны леопардов и гиен. Он ведет себя как сторожевая собака, поднимается на задние конечности и выглядывает из высокой травы, используя для опоры хвост, или же взбирается на одиноко растущее дерево, чтобы осмотреть окружающую местность. Если он видит хищника, то издает не громкий, встревоженный лай, а нежные, щебечущие звуки, которые настораживают группу. Обезьяны бесшумно прячутся в траву, в то время как вожак совершает отвлекающие маневры: с шумом прыгает на ветках, а потом бросается в направлении, противоположном тому, в котором укрылись самки и детеныши, чтобы дать им возможность уйти от врагов.

Разноцветные мартышки населяют африканские леса и саванны, южнее пустыни Сахары.

Красочное семейство

Широко распространенные, ярко окрашенные мартышки насчитывают свыше 15 видов, большая часть которых обитает в лесах южнее Сахары. Белоносые мартышки (вверху слева) живут главным образом в среднем ярусе леса, но время от времени поднимаются на вершины, привлеченные цветками или плодами. В отличие от других мартышек, шумных и крикливых, эти обезьяны общаются друг с другом с помощью нежных звуков, похожих на птичье чириканье и щебетание. Патас, или красный

гусар (вверху справа), вообще избегает лесов, предпочитая практически безлесные травянистые равнины африканской саванны. Если им угрожает опасность, быстрые патасы почти всегда успешно спасаются бегством по земле. Очаровательная мартышка диана (справа) населяет тропические леса от Сьерра-Леоне до Ганы. В добавление к поразительной белой бороде эти подвижные и забавные обезьянки приобрели эффектные рыжие полосы на бедрах.

Хотя зеленые мартышки — это в основном обитатели саванн, значительную часть жизни они проводят на деревьях. Для верветок (слева) ветви служат отличным укрытием, где можно спрятаться от врагов. Мартышки так хорошо вписываются в окружающую среду (неподвижно свисающий хвост напоминает ветку), что легко остаются незамеченными. Молодые верветки, изображенные на верхнем снимке, расположились на дереве в ожидании, когда мать займется их обыскиванием. Одинокая верветка на снимке справа отдыхает, удобно примостившись в развилке ветвей на своих седалищных мозолях.

Зеленые мартышки

Гвиретки, верветки и собственно зеленые мартышки известны под собирательным названием «зеленые мартышки». Но независимо от того, как именуются эти животные, они избегают безводных засушливых районов, предпочитая селиться вблизи рек, в особенности отмелей, а также вдоль границы влажных тропических лесов, где всегда есть свежая вода. Они живут группами, которые, если условия жизни благоприятны, насчитывают до 50 особей. Но, подобно обитающим в лесах родственникам, разбиваются в маленькие отряды для добывания молодых побегов, орехов, фруктов, насекомых и даже мелких позвоночных, которыми они питаются.

Павианы

Выносливый, агрессивный, легко приспосабливающийся — таков павиан, и таким он должен быть, чтобы выжить. Его можно встретить почти повсюду в Африке и на юго-западе Аравийского полуострова, в самых разнообразных условиях: в вечнозеленых лесах, в сухих травянистых зонах и даже в некоторых районах Сахары. Скитаясь по просторам саванны от скалистых отрогов Эфиопского нагорья до беслесных невысоких холмов на юге Африки, он довольно часто испытывает голод и жажду и должен постоянно остерегаться хищников.

Павианы — самые крупные из низших обезьян Старого Света. Самцы некоторых видов достигают в длину — от морды до хвоста — одного метра и весят более 40 килограммов; размеры тела самок примерно в половину меньше. Павианы всеядны. Чтобы добыть пищу, им приходится иногда покрывать за день до 20 километров. Монотонная бурая окраска их шерсти почти неотличима от выгоревшей травы и чахлах акаций. Если нет фруктов, они питаются травой и семенами, выкапывают корни и клубни, переворачивают камни в поисках насекомых, ловят ящериц, а временами даже зайцев и детенышей газелей. Под палящим африканским солнцем особое значение приобретает вода. К одному и тому же источнику нередко приходят на водопой несколько групп павианов, антилопы импала и гну, зебры. Во время продолжительной засухи павианы могут добывать воду, выкапывая ямы в песке на дне пересохших рек.

На открытой местности существует постоянная угроза нападения хищников, таких, как львы, леопарды, гепарды, гиены, шакалы и гиеновые собаки. Ночью павианы устраиваются на ночлег, ища укрытия на деревьях или на отвесных уступах, где их не так-то легко поймать. Павианы спят сидя. Подобно гиббонам, они имеют седлистые мозоли — кожные наросты, благодаря которым можно удобно устроиться на ветках или камнях.

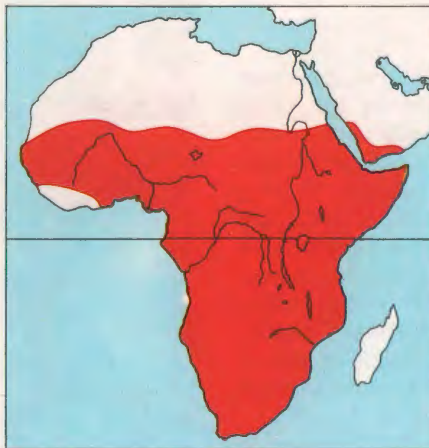
Павианы живут и путешествуют большими, жестко организованными группами, что позволяет обеспечить систему защиты, необходимую в условиях открытой местности. Несколько пар острых глаз постоянно обшаривают окружающую равнину, чтобы не пропустить неожиданного нападения. Встревоженный лай служит сигналом, по которому стадо инстинктивно сбивается в кучу с самками и детенышами в середине ее, а молодыми самцами — по периферии. Затем четверка или пятерка взрослых самцов боевой фалангой выступает вперед, по направлению к противнику. Обнаженные клыки павианов и капюшоны вздыбившейся на плечах и загривке шерсти отбивают всякую охоту к лобовой атаке. Большинство хищников предпочитают нападать на отставших животных — неопытных или больных, а не сталкиваться лицом к лицу с основными силами.

Обыскивание — это тот вид деятельности, который объединяет группу, теснее ее сплачивает. В этом процессе главную роль играют взрослые самки: они обыскивают детенышей, главным образом собственных, подростков, взрослых самцов и друг друга. Пальцы павианов хорошо приспособлены для этой деликатной операции. Раздвигая волоски, они вынимают из шерсти колочки, чешуйки кожи и другие чужеродные тела.

Группы живущих в саванне павианов насчитывают обычно до сорока особей, включая шесть взрослых самцов, двенадцать взрослых самок и около двадцати детенышей разного возраста. В такой группе каждый взрослый самец может спариваться с любой взрослой самкой. Павианы гамадрилы, живущие в засушливых районах Восточной Африки и на юге Аравийского полуострова, отличаются другим типом поведения. Каждый взрослый самец имеет исключительное право на гарем, в состав которого входит от одной до четырех самок. В течение дня отдельные такие группы занимаются поисками пищи независимо друг от друга, а по вечерам собираются вместе, так как в тех районах, где они живут, мало подходящих мест для ночлега. И тогда множество групп, возглавляемых одним самцом, объединяются в большое стадо, насчитывающее до ста особей. Самец ревниво охраняет своих самок, угрожая им, если они осмеливаются слишком далеко отойти от него. Когда наступают сумерки и стадо начинает устраниваться на ночлег, взбираясь для безопасности на отвесные скалы, каждый гарем засыпает, прижавшись к своему вожаку.

Еще одна разновидность павианов живет в экваториальных лесах западного побережья Африки. Это короткохвостые мандрилы и дрилы с лишенными шерсти задними, окрашенными в небесно-голубой, фиолетовый или розовый цвета. Об их жизни, проходящей в глухой чаще тропического леса, известно немного; сообщают, например, что они собираются в стада, насчитывающие свыше 100 особей.

С тех давних пор, когда путешественники впервые побывали в Африке, бытуют легенды, что павианы нападают на людей, сбрасывая на них камни с крутых обрывов и утесов. Ученые настойчиво опровергали достоверность этих рассказов. Однако совсем недавно трем антропологам Станфордского университета пришлось пересмотреть свои взгляды. Основанием для этого послужили крупные камни, которые просвистели мимо, едва не задев их. Виновниками происшествия, застигнутыми на месте преступления, оказались павианы.

Стада павианов кочуют по саванне, лесам и каменистым плато Африки и самой южной части Аравийского полуострова.

Организованный павиан

Павиан должен уметь «играть роль», если он хочет преуспеть в стаде. И игра эта имеет одно всеобъемлющее правило: подчиняться тем, кто сильнее, властвовать над теми, кто слабее. Неукоснительное соблюдение этого правила жизненно необходимо для выживания группы: оно позволяет значительно расширить пределы территории, на которой совершаются поиски пищи, и объединить силы для отражения атак хищников.

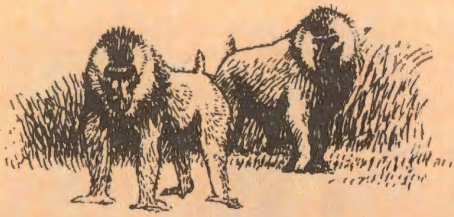
Подрастающий самец сталкивается с правилом доминирования — подчинение в тот самый момент, когда он, впервые покинув мать, присоединяется к группе играющих сверстников. С этого момента сражения и потасовки за статус доминирующего продолжаются непрерывно. На способности моло-

дого самца к самоутверждению большое влияние оказывает манера поведения его матери. Если она уверена в себе и занимает высокое положение в иерархии стада, у подростка больше шансов походить на нее.

Став взрослым, он продолжает прокладывать себе путь вверх, используя силу своих мышц в сочетании с острыми клыками и сложной системой жестов и мимики, предназначенных для того, чтобы запугать противника, не прибегая к драке. В конце концов соискатель может пробиться в небольшую группу доминирующих самцов, которые совместными усилиями поддерживают порядок внутри стада и защищают группу от угрозы извне.

Стальной взгляд — начало конфронтации двух самцов гелады (слева). Немалое число ссор заканчивается вот такими символическими угрозами вместо настоящих потасовок. Когда группа странствует в поисках пищи (справа), доминирующие самцы держатся в центре стада, рядом с самками и детенышами, а молодые располагаются впереди и по бокам, оберегая группу от опасности. На нижнем снимке стадо за трапезой: пищей обезьянам служат обычно трава, коренья и плоды; выкапывание корней чередуется с кормежкой, игра и обыскивание — с потасовками.

Сокровищница животных

Родившись в мрачном, холодном Эдинбурге, Айван Т. Сэндерсон с детства страстно мечтал о теплых, солнечных странах и уже в 17 лет отправился на полуостров Малакка для отлова диких животных. Однако он вскоре понял, что просто собирать отдельных особей и наблюдать их — это устаревший метод в зоологии, и занялся изучением поведения животных в природных условиях их обитания. Он организовал экспедицию в юго-восточную часть Нигерии, которая до сих пор мало интересовала других естествоиспытателей, и однажды столкнулся со стадом павианов. Темпераментное и забавное описание этой встречи приводится ниже.

Неожиданно передо мной предстала грозная фигура, словно закутанная в серую шаль. Она сверлила меня парой враждебных глаз из-под нахмуренного лба. Оба, он (или она) и я, немедленно прекратили невнятное бормотание, и наше удивленное «Ух!» прозвучало так синхронно, что я почувствовал непреодолимое желание засмеяться. Но оно тут же исчезло, как только мне на память пришли мои зоологические познания. Я и не предполагал, что дриллы (*Mandrillus leucophaeus*) передвигаются большими воинственными группами.

Прежде я не встречал павианов, и хотя меня страшно интересовало их поведение и мне очень хотелось вернуться в лагерь с таким замечательным экземпляром, который столь невозмутимо сидел сейчас напротив меня, я вспомнил, что в присутствии павианов благоразумие — лучший спутник отваги. И я поднялся, чтобы уйти, стараясь при этом не слишком торопиться, словно я находился на чаепитии у священника (впрочем, как мне помнится, я никогда не бывал в таком доме). Это простое движение вызвало, однако, у моего собеседника чувство сожаления, которое он не преминул выразить малопривлекательным рычанием. Пожилая леди (а может быть, и джентльмен), сидящая передо мной, тоже учтиво встала на все четыре конечности, так что при этом стал отчетливо виден ее зад. В это время года он был окрашен

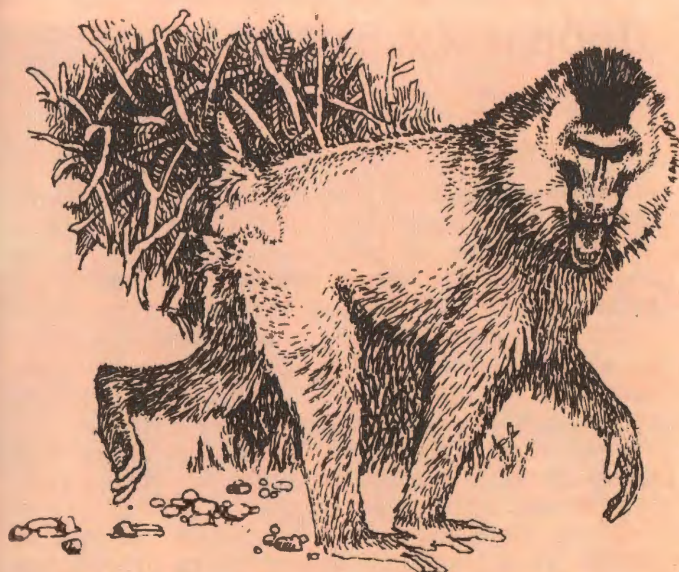
в ярко-розовый цвет, и я совершенно некстати вспомнил, что Гомер называл зарю «розовоперстой».

Вся эта сцена имела неожиданное продолжение. Кусты вдруг раздвинулись, и из них появилось множество других павианов: совершенно явный самец огромных размеров, еле ковыляющие малолетки с бледными, плоскими личиками и непохожие на них взрослые с собачьими носами и черными мордами. Их движения были исполнены медлительной расслабленности, они напоминали зрителей, занимающих места на матче по боксу. Все болтали и ворчали совсем как толпа любителей удовольствий, предвкушающая занимательное зрелище.

Пока продолжалось это «рассаживание», я поспешно пятился по тропинке, пытаясь на ходу освоить правила обезьяньей этики. Но в это время огромный джентльмен, который был, как мне показалось, приглашен на роль привратника, выбежал на тропинку позади меня и прочно встал на три булыжника — по одному на две задние ноги и один для двух искривленных передних. Это было очень неприятно, и я со смятением ждал, что же будет дальше. Поскольку обезьяны продолжали, ворча, рассаживаться, очевидно, настала моя очередь действовать.

Я не думаю, что вам когда-либо приходилось попадать в окружение стада чего-то ожидающих павианов, но если вы бывали в такой ситуации, то, наверное, согласитесь, что в подобной обстановке довольно трудно соблюдать светские манеры. Мне было не до рассуждений, так как каждый раз, когда я оказывался спиной к одной части аудитории, павианы полагали, что наступило время занять близлежащие места, и, поскольку я не мог стоять лицом ко всем зрителям сразу, их круг быстро сужался вокруг меня.

Из лекций в университете я помнил, что дриллы питаются исключительно растительной пищей, и с упорством стойка верил, что я вовсе не растение, хотя в тот момент, без сомнения, был очень на него похож. Когда старый джентльмен нервно зевнул,

я мельком увидел его восьмисантиметровые клыки и сразу же усомнился в словах достойного профессора из моего любимого и, в тот момент, горько оплакиваемого университета.

Мне припомнилось, что почти все животные, даже захваченный врасплох тигр, пугаются, если неожиданно наклониться, подобрать камень и сделать вид, что ты хочешь его бросить. Я решил испытать этот прием, но, будучи слишком возбужденным, взяв камень, действительно швырнул им в большого зевающего самца, да с такой силой, которой я в себе и не подозревал. Мы оба чрезвычайно удивились, когда камень молниеносно поразил цель. Этот мой неожиданный поступок заставил зрителей отскочить с некоторым подчеркнутым неудовольствием, освободив мне больше пространства для маневров. Павиан, в которого я попал, выглядел крайне раздосадованным, как, впрочем, и следовало ожидать, и, когда я наклонился, чтобы собрать еще немного камней, он развернулся, как в вальсе, и довольно энергично ответил на мою любезность: поскреб землю ногой, подобрал маленький камушек и с неожиданной точностью швырнул его в меня.

Это вызвало всеобщее смятение, и представление началось. Я швырял камни во всех направлениях. И хотя восхищенные зрители каждый раз чуть отступали с той стороны, куда летел камень, те, кто находился с другой, приближались; энергичнее всех был джентльмен, который так снисходительно зевал. Теперь он был действительно рассержен и, вальсируя и показывая поочередно либо отврати-

тельную собачью морду, либо еще более отвратительный и совсем уже не собачий зад, пытался достать меня то камнем, то плевком.

Эта тактика, сопровождаемая градом камней и быстро наступающими сумерками, не только напугала, но и несказанно разозлила меня. Я был близок к тому, чтобы выпустить в павиана заряд свинца, но вовремя удержался, полагая, что этот козырь следует предъявить попозже, когда мы совершенно разоидемся во мнениях. Дело быстро шло именно к этому.

Во время одной из пауз в наших дипломатических переговорах, которые происходили теперь в напряженной тишине, самый хилый и самый юный из зрителей вдруг капризно завизжал и бросил в меня маленьким комочком земли, совсем как начинающий игрок в крикет. Это выглядело так нелепо, что я, не в силах сдержать возбуждение, разразился громовым хохотом. Почему мне стало так смешно, я не знаю, скорее всего ничего смешного в этом не было. Но мое поведение привело к счастливым последствиям.

Мамаша нагнулась к своему теперь съездившемуся от страха и дрожащему отпрыску, прижала его к себе и, прихрамывая, присоединилась к другим самкам и детенышам. Оставшиеся члены светского раута, а их было несколько десятков, начали бегать взад и вперед, удивленные и рассерженные. Я продолжал смеяться и кричать, как будто был на футбольном матче, и вскоре от возбуждения полностью утратил связность речи. Наступая на старого самца, я вопил: «Топаи, топаи, старый идиот; тебе гол забили; привет, мадемуазель свинья; *punsa café con leche!**...» При этом я исполнял зажигательную румбу вкупе со всеми другими известными мне зарубежными танцами. Но павиан по-прежнему прочно стоял на моем пути. Его глаза были широко раскрыты, а на лице появилось совершенно нелепое, почти человеческое изумление, и он что-то бормотал про себя. Он был словно громом пораженный, одновременно и шокирован, и испуган моим поведением. Несколько секунд он стоял как вкопанный, но вскоре нервы у него сдали, и он отскочил в сторону. Его поспешное отступление сопровождалось потоком самых отборных ругательств из моего лексикона. Он убежал...

* Только не кофе с молоком! (исп.)

Добраться туда — это уже удовольствие!

«Смотри-ка, мама, а я могу и без рук!» — как будто говорит этот озорной хвастунишка, всего трех-четырех месяцев от роду (снимок слева). Но он должен быть все время начеку: при первом же сигнале опасности его мать обратится в бегство и тогда он может упасть, покалечиться и даже погибнуть. Первые месяцы жизни маленький детеныш висит на груди матери, цепко ухватившись за ее шерсть всеми своими четырьмя конечностями. Это положение гарантирует ему полную безопасность во время зигзагов наземного пути и головокружительных перелетов в воздухе.

Обычно павианы избегают прыжков с дерева на дерево. Под действием естественного отбора они идеально приспособились к наземному способу передвижения. Однако способность адаптироваться — это лейтмотив поведения павианов, секрет их выживаемости. Если требуют обстоятельства, павианы могут продемонстрировать довольно незаурядные прыжки (нижний снимок).

Добывая корм, они покрывают по воздуху и по земле расстояния гораздо большие, чем другие приматы. Поэтому их распространение не ограничено одной лесной зоной, как у древесных обезьян; они с успехом осваивают самые разнообразные ландшафты, включая саванны Центральной Африки и окраинные районы Сахары.

Павиан не любит влезать в воду. Он делает это крайне неохотно и только тогда, когда нет другого способа попасть в то место, куда он стремится. Некоторые ученые считают, что нелюбовь к воде — это приобретенная привычка. По их мнению, легко обучающиеся на наглядных примерах павианы якобы неоднократно наблюдали, что происходит с резвящимися в воде обезьянами, если рядом случайно оказывался крокодил.

Когда на поросшую лесом саванну спускается ночь, группа павианов, взобравшись на деревья, устраивается на ночлег. Здесь им ничто не угрожает, кроме охотящихся по ночам хищников из семейства кошачьих. В этом случае обезьяны карабкаются еще выше, почти на самые вершины деревьев.

Этот буян-подросток (внизу) выглядит крайне настороженным: к нему приближается доминирующий самец, который сейчас наложит дисциплинарное взыскание.

Учатся жить вместе

Одиночек в мире павианов практически не существует — эти животные относятся к числу самых социальных из всех низших обезьян. Причина их столь прочной организованности связана с необходимостью сохранения вида. Павианы обычно передвигаются по земле на открытых или поросших лесом пространствах, где они легко могут подвергнуться нападению хищников, которые без труда справляются с одиночным животным, но предпочитают держаться подальше от стада. Поэтому стремление быть членом группы воспитано в павианах безжалостным механизмом естественного отбора.

Обучение павиана правилам поведения начинается тогда, когда он еще находится в материнских объятиях. Время от времени покидая это надежное пристанище, детеныш пускается в исследовательские экспедиции, которые постепенно становятся все более смелыми: вот он клубком свернулся в объятиях посторонних самца и самки, которые смотрят на него с явным обожанием, а вот (слева) впервые решился поиграть с другими малышами. Проходят месяцы, и детеныш отваживается даже принимать участие в потасовках, затеянных доминирующими самцами, этими свирепыми бойцами, которые тем не менее очень деликатно обращаются с младшими членами группы.

Взрослый самец, выполняющий роль наставника, наказывает провинившегося: больно, но не до крови кусает его в шею.

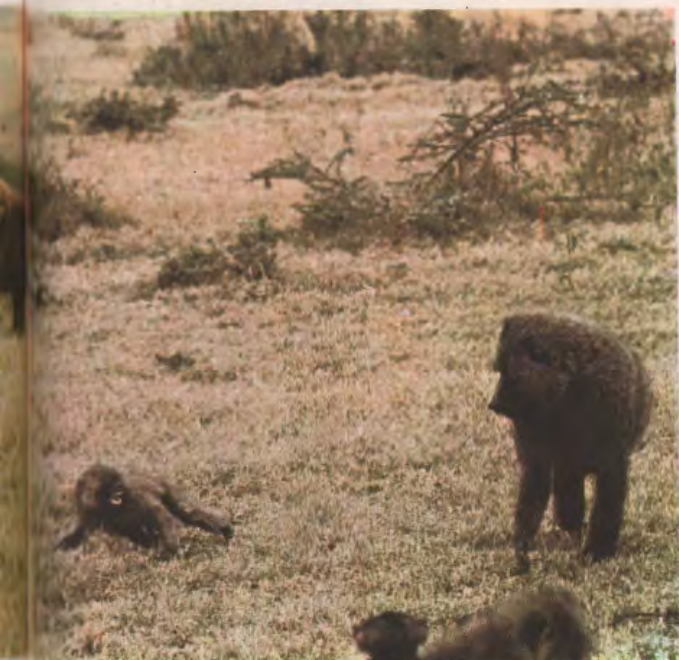

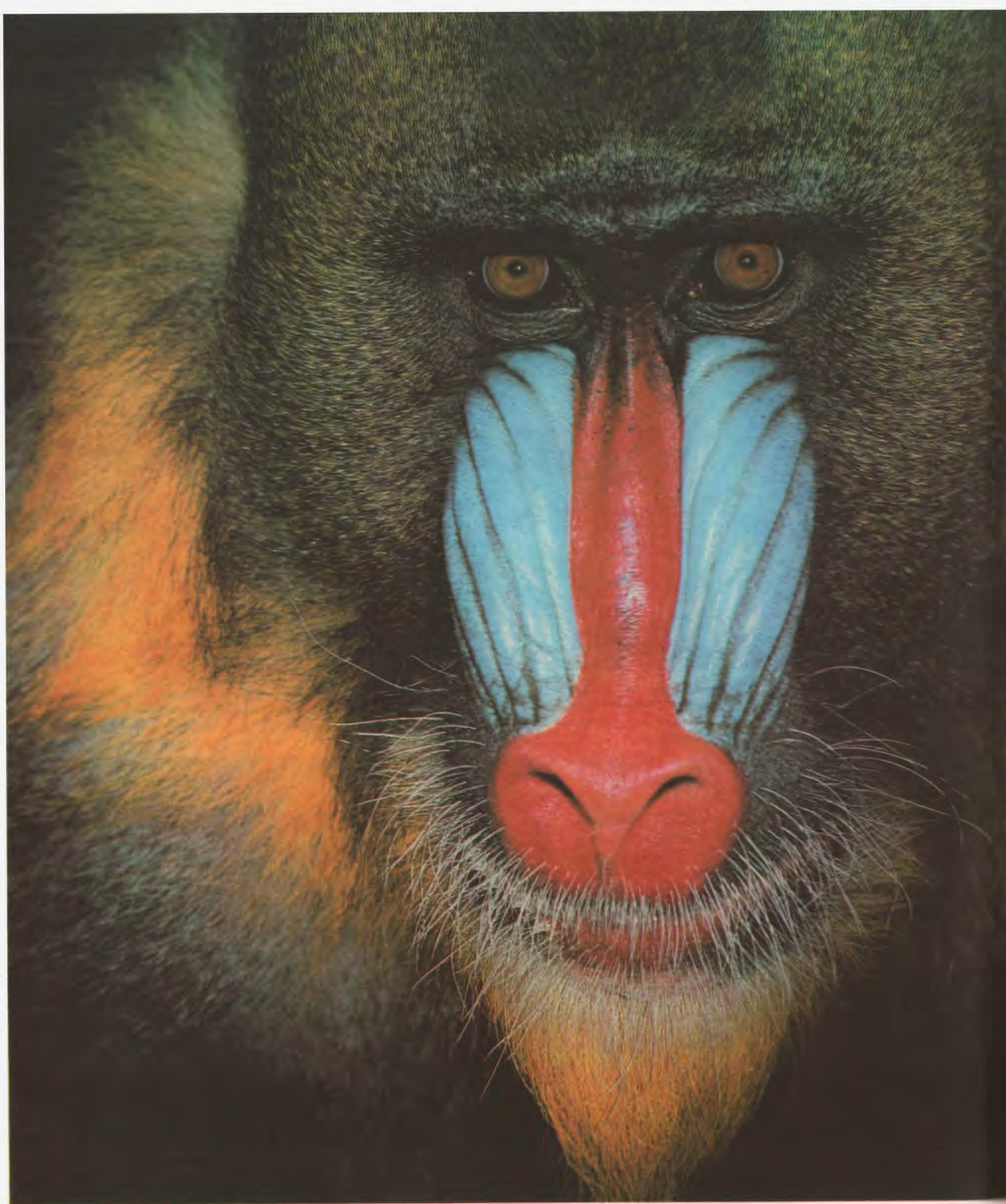

Обыскивание — это социальный акт, который связывает воедино членов павианьего стада (слева). С помощью обыскивания обезьяны не только очищают шерсть, удаляя из нее кусочки грязи и клещей, но и успокаивают друг друга, даже наиболее агрессивных доминирующих самцов. Павианы всех возрастов периодически собираются вместе, чтобы предаться взаимообыскиванию (грумингу).

После экзекуции самец строго смотрит на плачущего подростка, как бы проверяя, усвоил тот урок или нет.

Вполне удовлетворенный результатом преподанного урока, самец отправляется выполнять другие обязанности.

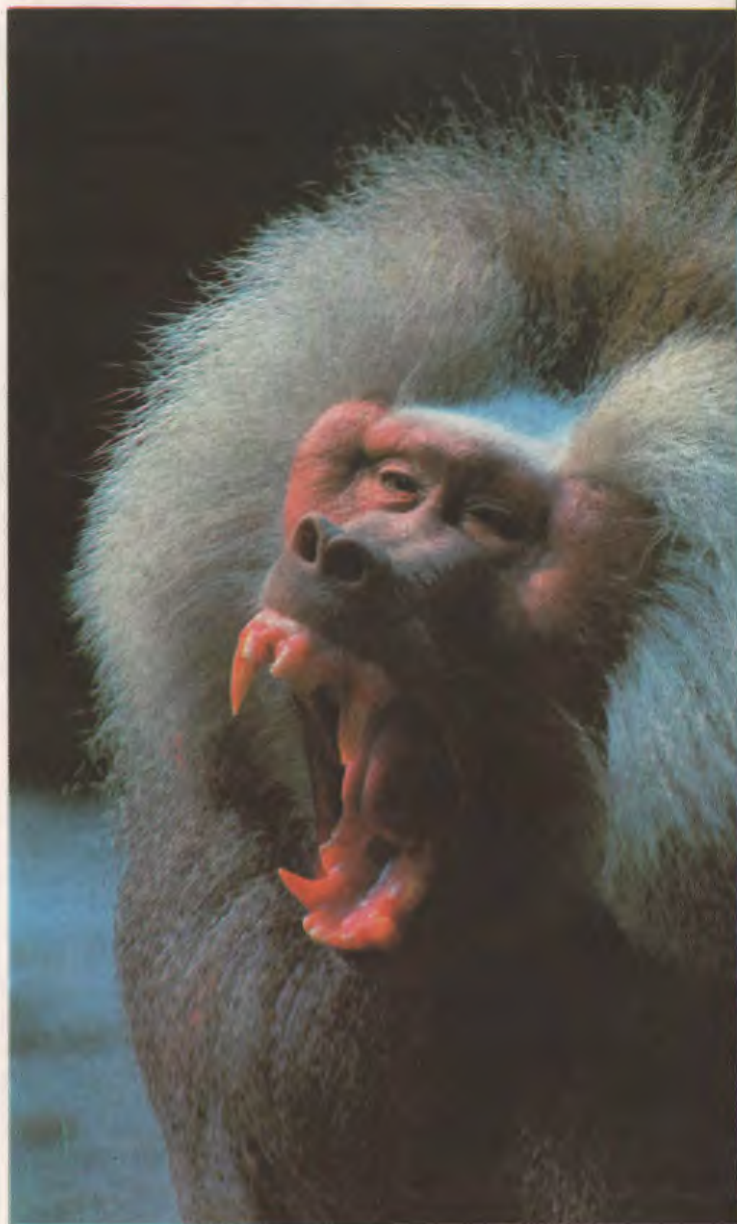

Устрашающая окраска

Окраска животных повсюду в природе служит целям выживания вида. Редко, когда для достижения этой цели используется более эффектная цветовая гамма, чем у самца мандрила (слева). Мандрил — тоже павиан и, подобно другим членам этой группы обезьян, бывает очень агрессивным по отношению к себе подобным. Если бы эта агрессивность и стремление к доминированию находили свое выражение в постоянных драках, под угрозой оказалось бы не только спокойствие, но и само существование группы. Поэтому, чтобы запугать соперников — претендентов на высокое место в стадной иерархии, доминирующий самец использует свою ошеломляющую окраску на лице в сочетании с пристальным, как бы всепроникающим взглядом. И достижение высокого статуса в группе происходит без крови и жертв.

Но цвет может играть и другую роль — быть знаком подчинения. Странный предмет, изображенный на нижнем снимке, аногенитальная область мандрила. Когда самец решает, что соперник, с которым он столкнулся лицом к лицу, сильнее его, он поворачивается и, подобно многим обезьянам Старого Света, пригибается к земле, покорно демонстрируя победителю свой малиновый зад.

Если соперник этого гамадрила (вверху) ошибочно примет оскал его алой пасти за зевок, то он допустит роковую ошибку, так как на самом деле это гримаса устрашения, которую гамадрилы используют, чтобы решить спор с другими самцами без борьбы. И если соперник будет продолжать упорствовать в своих притязаниях, то на собственной шкуре испытает, что эти кинжаловидные клыки гораздо острее и опаснее, чем кажутся с первого взгляда. Устрашающие гримасы действуют необычайно эффективно.

Ученые показали большую фотографию молодого самца беззубому старому самцу, и тот забился в угол, съездившись от ужаса.

Макаки и мангобеи

По численности и географическому распространению макаки — наиболее процветающая группа приматов, которая уступает в этом отношении только человеку. Они встречаются от Гибралтара до Японии, в самых разнообразных, подчас крайне неблагоприятных условиях обитания. Макаки мельче павианов: длина их тела от головы до хвоста не превышает 60 сантиметров, а вес — 15 килограммов. Они всеядны и могут прокормиться в таких местообитаниях, которые другие приматы старательно избегают.

Из обезьян лишь варварийская обезьяна, или макак магот, способна жить в Атласских горах на северо-западе Африки, где летняя нестерпимая жара сменяется снежными зимами, когда температура падает до -11°C . По другую сторону пролива на склонах Гибралтарской скалы сохранились две небольшие колонии этих обезьян, существующие в значительной степени за счет подкормки, которую организует английский гарнизон. Хотя их иногда называют варварийскими антропоидами, на самом деле они не имеют к последним никакого отношения, а получили название лишь потому, что у них, подобно истинным человекообразным обезьянам, нет хвоста.

Шесть с половиной тысяч километров африканских и ближневосточных пустынь отделяют магота от остальных макаков. Северо-западная граница Пакистана и Афганистана — форпост макака резуса, который чувствует себя как дома и в предгорьях Гиндукуша, и на железнодорожном вокзале в Бенаресе. Население Индии почитает этих обезьян и позволяет им совершать набеги на поля и базары. А резусы пользуются своим священным статусом: обитают в храмах и принимают приношения в виде пищи.

Резусы живут группами, которые состоят в среднем из 18 особей: четверо взрослых самцов, восемь взрослых самок, около шести детенышей. Среди самцов действуют законы иерархии. Доминирующее животное, обычно самое сильное и агрессивное, становится вожаком: улаживает ссоры, руководит передвижениями группы, оберегает ее от нападения. Вожак первым получает доступ к пище и не позволяет другим членам группы приблизиться к ней,

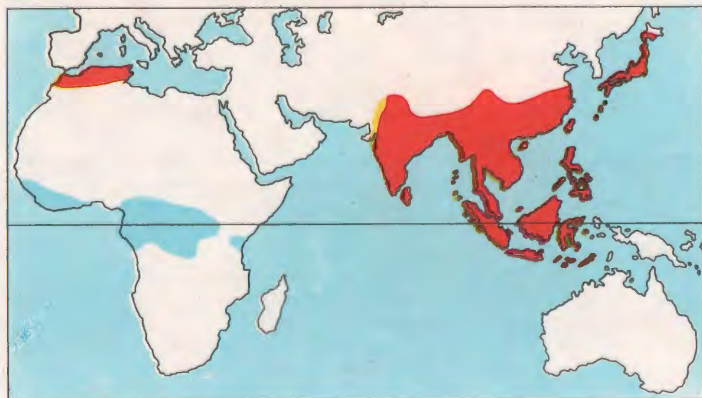
пока не насытится. Если кто-нибудь осмелится подойти слишком близко, вожак подает угрожающие сигналы: бросает свирепые взгляды, рычит или колотит ладонями по земле. Нарушившего субординацию и не успевшего вовремя ретироваться, прогоняют, а иногда и бьют. Чтобы избежать наказания, он быстро поворачивается и подставляет зад вожаку, на который тот тут же взбирается.

Самка резуса рождает по детенышу в год. На севере Индии, где смена времен года определяется муссонными дождями, спаривание происходит, как правило, в октябре, в начале сухого сезона. Внешние признаки течки у самки почти не выражены — лишь слегка краснеет кожа в аногенитальной области да морда также становится интенсивно малиновой. Самка активно стремится к спариванию, подставляет самцам зад, пока один из них не начнет «ухаживать» за ней. Они проводят вместе день или два, на протяжении которых часто спариваются, обыскивают друг друга, кормятся и спят. Детеныш рождается через пять с половиной месяцев в апреле, как раз перед наступлением сезона дождей.

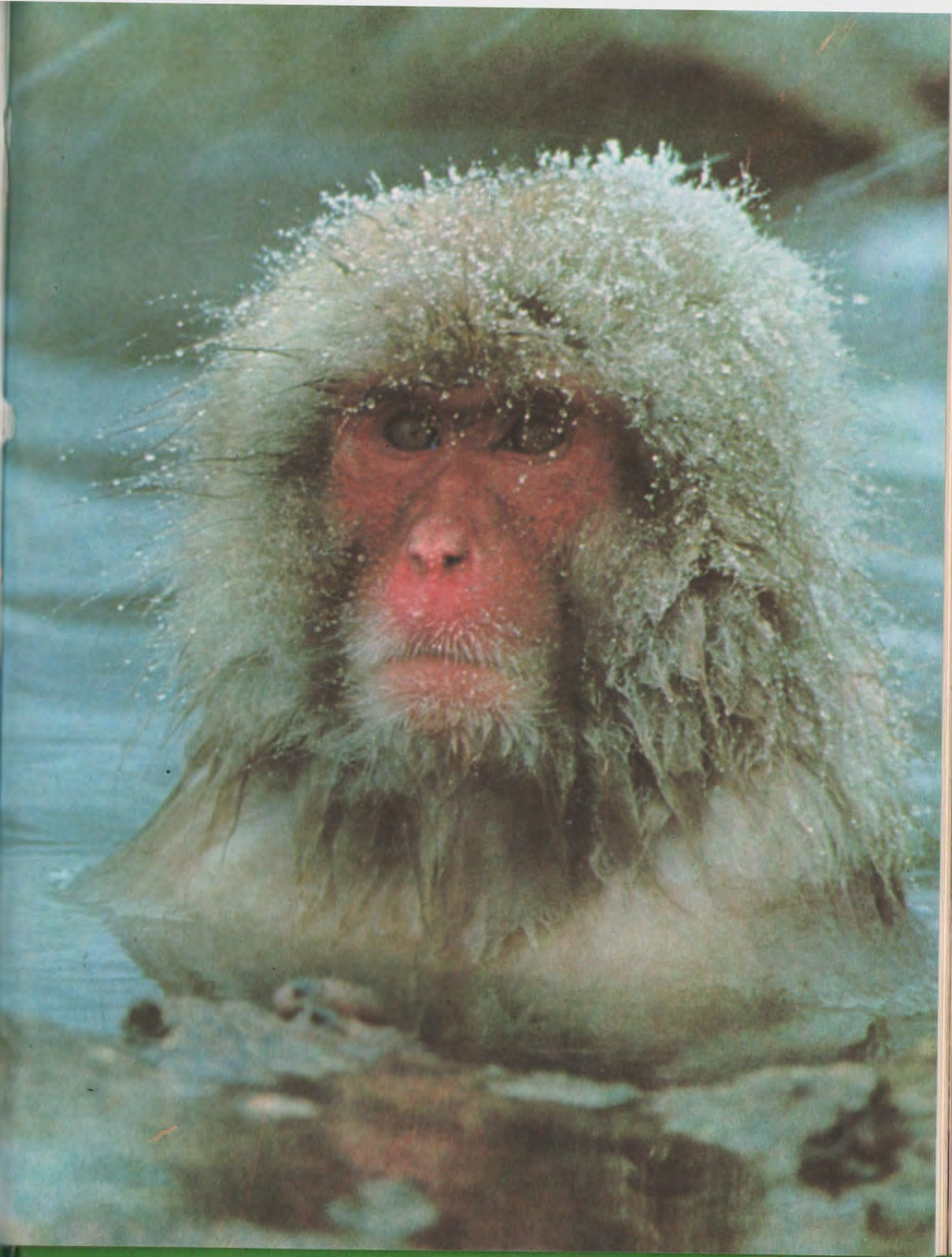
Ареал резуса простирается от Афганистана до Китая. Дальше на юг резуса сменяет яванский макак, или крабоед, длиннохвостая обезьяна, которая любит морскую пищу и прочесывает берег в ее поисках. Излюбленные места обитания этого макака — мангровые рощи, которые обрамляют береговую линию Малайского архипелага и Филиппин. Крабы и другие небольшие ракообразные обеспечивают ему рацион с высоким содержанием белка. Крабоед хорошо плавает, даже под водой, но также вполне уверенно чувствует себя и в гористых местностях.

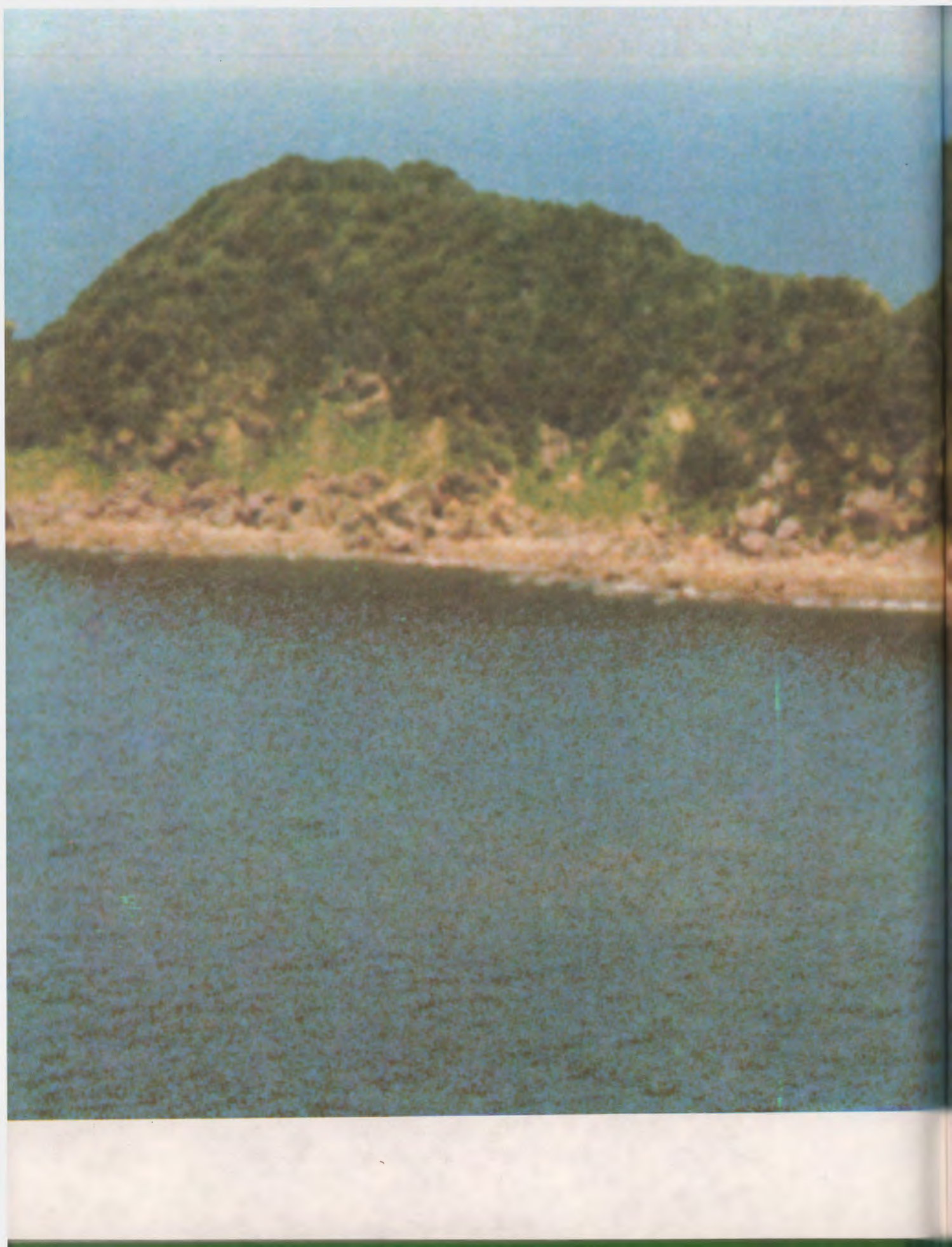
Чтобы показать, насколько велики адаптивные способности макаков, рассмотрим в качестве примера короткохвостого японского макака, живущего на широте Нью-Йорка. Эти макаки имеют роскошную шубу из пышного серого меха, а когда отдыхают, то сбиваются в кучу, чтобы было теплее. Питаются они корой деревьев; по снегу обычно бредут гуськом, стараясь попадать в след впереди идущей обезьяны. Они научились даже согреваться, принимая ванны в горячих источниках (справа).

Близкий родственник макака, приблизительно тех же размеров, — длиннохвостый мангобей, который распространен в Африке, южнее пустыни Сахара, преимущественно в тропических лесах. Мангобеи и макаки обладают способностью прижимать уши к черепу, двигать кожей головы и поднимать брови. Все эти движения обычно используются для устрашения. У черного мангобея их устрашающее действие усиливается светлыми пятнами на верхних веках, которые сверкают, как сигнальные огни.

Макаки (красный цвет) обитают в самых разных условиях в Азии, на Дальнем Востоке, в Северной Африке и на территории Гибралтара. Мангобеи (синий цвет) населяют тропические леса Африки.

Удивительные обезьяны с острова Косима

С самолета Косима ничем не примечателен, это всего лишь один из поросших лесом островков в океане, расположенный вблизи южного побережья Японии. Свою известность этот остров (слева) приобрел после того, как там стали проводить необычайно интересные и важные наблюдения за жизнью приматов.

Целью этих многолетних экспериментов с местным стадом макаков было проследить, каким образом тип поведения, предложенный обезьяной-«новатором», становится достоянием остальных членов группы.

Как обезьяны впервые попали на этот изолированный остров из тропических лесов, где они обычно живут, до сих пор неизвестно. Очевидно, однако, что они обитают здесь уже не одно тысячелетие. В 1953 году в образе жизни макаков произошла резкая перемена: ученые стали всеми способами стимулировать обезьян к тому, чтобы они покинули спасительную сень леса и перебрались на один из песчаных пляжей острова (внизу).

Сегодня обезьяны Косимы превратились в убежденных солнцепоклонников. При этом они обнаружили незаурядные способности к обучению путем наблюдения и подражания.

Разнообразная пища островитян

«Осенью 1953 года, — пишет японский исследователь, профессор Масао Кавайи, — полуторагодовалая самка, которую мы назвали Имо, подобрала однажды клубень батата, весь покрытый песком. Уронив его в воду, возможно чисто случайно, она лапками смыла с него песок. Это, казалось бы, ничего не значащее действие имело глубокие последствия и положило начало обезьяньей культуре на острове Косима».

Батат, лежавший на пляже у кромки воды, был принесен сюда учеными, которые надеялись с его помощью выманить пугливых обезьян из леса на берег, где за ними легче наблюдать. Результаты эксперимента превзошли все самые смелые ожидания. Вскоре действия Имо скопировали ее подружки, мать, старшие братья и сестры. Сегодня сцены, подобные тем, что вы видите на снимке вверху и слева, являются вполне обычными для обезьян Косимы, которые собираются на берегу, чтобы вымыть свою пищу и съесть ее, порезвиться, позаниматься обыскиванием, а иногда и поплавать.

Разнообразие пищи вносит особую прелесть в жизнь обезьян Косимы. Они с восторгом поедают бататы, зерна пшеницы, арахис, которыми подкармливают их ученые. От этих изысканных деликатесов обезьяны могут перейти к своей традиционной пище, которой изобилуют растущие вокруг леса. И здесь они найдут лакомства на любой вкус (фотографии справа, сверху вниз): длинноногих, похрустывающих сверчков; насекомых, которых они выкапывают из почвы; нектар цветка камелии; нежные листья молодых растений.

Обезьяны Косимы по своему поведению не отличаются от остальных макаков, если не считать того, что они единственные обосновались на морском пляже.

На верхнем снимке подросток несколько неуклюже пытается встать на голову, а его товарищи по играм недоуменно взирают на него. В центре — игра неожиданно переросла в борцовскую схватку, в которой побежденный демонстрирует ритуальную позу подчинения. Внизу — церемония подставления, которая позволяет паре взрослых самцов мирно разрешить спор: занимающий подчиненное положение подставляет зад, а доминирующий самец взбирается на него, как бы пародируя позу спаривания. Эта символическая церемония помогает агрессивным макакам избежать постоянных кровопролитий.

«У моря, у синего моря...» Едва ли это подходящее место для обитателей лесов, но ведь и макаки Косимы — не совсем обычные обезьяны. Они регулярно собираются на собственном пляже, чтобы погреться на солнце (слева), помыть свою пищу, поплавать и даже понырять в поисках морских водорослей. Пользуясь только что приобретенными навыками, макаки Косимы не забывают и о своих традиционных привычках. На верхнем снимке мать обыскивает одного из своих отпрысков. На нижнем снимке воспроизведен кадр из телевизионного фильма «Обезьяны Косимы». Этот старый, впавший в уныние самец, был отвергнут всеми самками стада, которые предпочли ему молодого и более сильного брата.

По следам человека?

Огромные достижения, которые продемонстрировали макаки Косимы, изобретая и осваивая новые формы поведения, являются настолько удивительными, что невольно возникает соблазн соотнести действия обезьян с действиями человека на ранних стадиях развития общества. Однако японские ученые, работающие на острове Косима вот уже почти четверть века, предостерегают от подобных легковесных обобщений. Макаки — это всего лишь обезьяны, и их деятельность в каждый данный момент обусловлена сочетанием инстинктивных и приобретенных на протяжении жизни форм поведения. Потребуется многие годы дальнейших наблюдений за обезьянами, прежде чем ученые смогут точно различать, что в их деятельности инстинктивно, а что является результатом научения. Поэтому исследователи предпочитают не называть новые формы деятельности обезьян термином «культура», а предлагает такие понятия, как «прекультура» или «обезьянья культура». А тем временем макаки Косимы научились плавать и нырять (слева), наслаждаться солнцем и песком, совершенно не сознавая того, что среди обезьян они — звезды первой величины.

Несмотря на то что эти подростки являются объектом серьезного научного исследования, выглядят они вполне счастливыми веселыми обезьянами. Детеныши постарше (вверху) воспроизводят в игре то положение, которое они занимают на спине матери во время передвижения (в центре). В более раннем возрасте детеныши висят у нее на животе (нижний снимок), сосут грудь или позволяют ей заняться чисткой их шерсти (слева).

Лев среди макаков

Эта робкая обезьяна на снимках слева и внизу — львинохвостый макак, обитатель лесов южной Индии. Свое название он получил из-за хвоста с кисточкой на конце. Чем-то напоминает львиную гриву и длинная серо-коричневая шелковистая шерсть, которая обрамляет морду и переходит в бороду. Эти макаки живут группами и любят гоняться друг за другом, как дети. Если поблизости есть водоем, львинохвостые макаки могут время от времени поплескаться в нем, чтобы смыть грязь или достать какой-нибудь предмет, который в данный момент привлекает их внимание.

Снежные обезьяны Японии

Это несчастное маленькое создание на верхнем снимке, застигнутое метелью, является представителем удивительной группы снежных обезьян, или японских макаков. Состоящая всего из 50 особей, группа эта живет в горах на севере Хонсю (справа), на самой северной границе распространения приматов, не считая человека. В этой неблагоприятной среде обитания макаки кормятся корой, семенами и иной пищей, к которой другие обезьяны даже не притронулись бы. Еще одна, более многочисленная группа снежных обезьян (см. фотографии на стр. 100—103) живет в менее суровых условиях в горных районах к западу от Токио.

Клубящийся пар поднимается с поверхности этого горячего источника даже в самый разгар снежных буранов. На снимке изображена группа самок с детенышами, с наслаждением нежащихся в целебных водах. Ученые сообщают, что этот источник обнаружила группа молодых обезьян, которые поначалу купались в нем одни. Но едва самки поняли, как великолепен водоем, открытый подростками, они изгнали их оттуда. Однако в жизни снежных обезьян мало идиллических моментов, подобных этому. Выжить в суровых условиях северного климата очень трудно; каждую зиму в стаде погибает несколько старых или ослабевших обезьян.

Во главе стада снежных обезьян стоит доминирующий самец, который пользуется некоторыми преимуществами — например, получает лучшую пищу. Наведение порядка в группе он возлагает на своего агрессивного помощника. Однако вождь вполне уверен, что сам способен выполнить эту роль.

Хотя мир, окружающий снежных обезьян, сильно отличается от того, в котором живут их экваториальные сородичи, привычки и характер организации сообщества у всех обезьян сходны. Например, взаимообъясывание у снежного макака имеет такое же большое значение для поддержания настроения и сохранения здоровья, как и у других обезьян. Именно это действие помогает объединить группу в ее непрерывающейся борьбе за существование. На этой фотографии мы видим мамашу, нежно сжимающую в объятиях своего детеныша, а в это время другая самка объясывает ее.

Одна группа японских макаков живет в холодной, покрытой снегом долине с очень подходящим названием Дзигакудани — Чертова долина. Ответить на вопрос, как обезьянам удастся выжить в таком месте, где зима длится 6 месяцев, помогают тщательные исследования, проводимые университетом Киото и Японским приматологическим центром. Ученые обнаружили, в частности, что снежные обезьяны могут переваривать замерзшую массу, которую они извлекают из-под коры деревьев. И хотя это в высшей степени необезьянья пища, животные довольствуются ею, так как поиски корма затруднительны и порой приводят к гибели. На снимке внизу самка с детенышем совершает точно рассчитанный акробатический прыжок через покрытую льдом реку.

Особенности поведения мангобеев

Представители пяти видов мангобеев очень различаются по окраске: от золотисто-бежевой у быстрого мангобея (поедающего фиги на левом снимке) до выразительно контрастной у беловоротничкового мангобея (вверху). У всех этих обезьян есть одна общая черта — светлоокрашенные веки, которые можно увидеть издали. Ученые полагают, что мангобеи общаются друг с другом, с той или иной скоростью моргая этими уникальными веками. Но, несмотря на подмигивания, поведение мангобеев отнюдь не отличается кокетством. Хотя они ведут, в основном древесный образ жизни, их часто можно видеть на земле, где они опустошают поля риса и плантации какао в районах с развитым земледелием.

Священные обезьяны

На протяжении многих столетий различные религиозные поверья и народные легенды способствовали тому, что некоторые животные были возведены в ранг священных. Среди них два вида макаков: магот (слева) и резус (внизу и справа). Магот, которого из-за отсутствия хвоста ошибочно относили к антропоидам, — единственная обезьяна, живущая в диком состоянии в Европе, на Гибралтарской скале. Согласно распространенному среди англичан поверью, Гибралтар останется под британским владычеством до тех пор, пока на этой территории будут жить маготы. Во время второй мировой войны, когда численность макаков на Гибралтарской скале уменьшилась, английский премьер-министр Уинстон Черчилль послал телеграмму британским войскам в Северной Африке с приказом «Немедленно отловить обезьян для Гибралтара!». С меньшим почтением относятся и к макакам резусам в тех странах, где распространен культ Ханумана, бога магии и врачевания, изображаемого в виде обезьяны. На западе резусы также связаны с искусством врачевания, будучи объектом тысяч медицинских экспериментов. Один из антигенов, содержащийся в эритроцитах крови, известен как резус-фактор.

Макаки резусы редко путешествуют в одиночку. Они предпочитают передвигаться группами, насчитывающими до 18—20 особей. В тех странах, где их почитают священными, обезьяны всюду бродят совершенно беспрепятственно. Они одинаково свободно чувствуют себя на деревьях, на земле и даже в воде (вверху), поскольку неплохо плавают. Приспособились они и к жизни в городах. Их можно встретить и в оживленном деловом квартале, и в священных храмах, подобных тому, который находится в столице Непала Катманду и изображен слева.

Обезьяны Нового Света

Дважды в год с приходом сезона дождей река Амазонка с неумолимой пунктуальностью выходит из берегов, заливая сотни тысяч акров земли, которые и образуют самый обширный на земном шаре пояс влажных тропических лесов. На вершинах древесных крон, там, где под сияющими лучами экваториального солнца произрастают сочные плоды, роскошные цветки и нежные листья, проводят свою жизнь южноамериканские обезьяны, даже не ведая о том, что внизу под ними, на расстоянии каких-нибудь 30 с лишним метров, мрачные болота и непроходимые заросли. В отличие от обезьян Старого Света, многие из которых ведут наземный образ жизни, все американские обезьяны — древесные жители.

Обезьян Старого и Нового Света отличают две характерные особенности. Во-первых — нос. У обезьян Нового Света он плоский с широко расставленными ноздрями, у обезьян Старого Света — узкий с близко посаженными ноздрями. Но поскольку нос у обезьян бывает самых разнообразных и порой весьма причудливых форм, различие это не всегда ясно выражено. Во-вторых — седалищные мозоли, которые присутствуют у многих, но не у всех обезьян Старого Света и никогда не встречаются у приматов Нового Света. Последние сидят на ветках, как кошки, скорчившись и поджав под себя все четыре конечности. Цепкохвостость свойственна лишь некоторым американским формам и никогда не встречается у обезьян Старого Света.

Одна из самых крупных в Новом Свете обезьян — паукообразная обезьяна — достигает более шестидесяти сантиметров в длину и обладает почти метровым хватательным хвостом. Если обезьяна не может вскарабкаться на ветки из-за того, что они слишком тонкие, она попросту соскальзывает с них и висит вниз головой, уцепившись хвостом и задними конечностями. Расслабившись, она лениво пережевывает пищу. На фоне неба паукообразная обезьяна с ее небольшим округлым телом и распростертыми длинными конечностями действительно напоминает гигантского паука.

У паукообразной обезьяны хвост достигает особого совершенства: нижняя поверхность его последних 25 сантиметров лишена волос и снабжена папиллярными (кожными) гребешками, благодаря чему он не только плотно охватывает предметы, но и обладает такой же чувствительностью, что и кончики пальцев. Хвост обезьяны, играющий роль добавочной, пятой конечности, достаточно силен и может один выдержать всю тяжесть тела животного. В то же время он довольно гибок и в состоянии выполнять движения, требующие точной координации. Просто удивительно, с какой ловкостью кончик хвоста обвивается вокруг протянутого обезьяне арахиса и схватывает его. Эти совершенные движения в какой-то мере компенсируют паукообразной обезьяне отсутствие большого пальца.

В противоположность проворной паукообразной обезьяне более крупный ревун передвигается медленно и неторопливо, сжимая ветви на манер хамелеона между вторым и третьим пальцем. Хвост этой обезьяны живет своей особой жизнью — подобно щупальцам осьминога, он делает независимые движения, охватывает ветви и листья, закручивается вокруг них, выполняя функцию дополнительного страховочного устройства.

Ревун одной из первых обезьян стал объектом научного исследования Кларенса Рея Карпентера. Американский психолог в 1932 году впервые организовал полевые исследования приматов, разработал методику наблюдений и тем самым положил начало изучению поведения обезьян в природных условиях. Карпентера особенно интересовали ежедневные «концерты», которыми славятся ревуны. Утренний хор начинается около 5 часов утра, через час достигает предельной мощи, а затем стихает. Сначала раздаются низкие гортанные завывания — это солирует один из взрослых самцов. Вскоре к запевале присоединяются другие самцы, а вступившие самки ведут вокальную партию, состоящую из отрывистых резких звуков, напоминающих лай терьера. Этой стае в ответ вторят соседние, обнаруживая свое местонахождение. Подобные концерты позволяют различным группам обезьян избежать встречи друг с другом.

В густых чащобах Амазонки обитает много менее крупных обезьян Нового Света, причем для большинства из них хвост имеет очень существенное значение. Так капуцина, ту самую обезьянку, которая в прошлом крутила ручку шарманки и выдавала билетки «на счастье», можно отнести к полупцепкохвостым — хвост у него играет роль якоря, но не обладает осязательной чувствительностью. Хвост маленьких беличьих саймири, хотя его и нельзя считать хватательным в истинном значении этого слова, тем не менее отличается необычайной гибкостью. В холодные ночи эти обезьянки устраиваются рядком на ветке, для тепла обернувшись, словно кашне, хвостом. У черных тити (справа) во время отдыха самец и самка часто сидят рядом, переплетя опущенные хвосты и как бы символизируя этим прочность супружеских уз.

Единственные короткохвостые обезьяны Нового Света — это удивительные уакари. Почти равные по величине капуцину — от 45 до 50 сантиметров в длину, — они имеют куцые пятнадцатисантиметровые хвостики, от которых, по существу, нет никакой пользы. Длинной косматой шерстью, согбенной спиной, лысой головой, красноватым цветом кожи и угрюмой внешностью уакари напоминают дряхлого старца. Однако впечатление это обманчиво: уакари — один из самых способных гимнастов Нового Света.

Обезьяны Нового Света распространены повсеместно во влажных тропических лесах Мексики, Центральной и Южной Америки.

Легковозбудимая паукообразная обезьяна

Худая мускулистая паукообразная обезьяна прекрасно приспособлена к жизни на вершинах деревьев во влажных тропических лесах Мексики, Центральной и Южной Америки. Ее замечательный хвост цепко охватывает предметы и позволяет обезьяне висеть на дереве в такой, например, позе, как это показано на снимке слева: все четыре конечности у обезьяны свободны и она может срывать фрукты и орехи, составляющие ее основную пищу. Когда на территории, занимаемую паукообразными обезьянами, случайно попадает человек, они приходят в страшное возбуждение и начинают раскачивать деревья, швырять на землю плоды и сломанные сучья, издавать угрожающие звуки и жесты. Но если встречи с людьми повторяются, обезьяны, постоянно чувствуя таящуюся в этих встречах угрозу, начинают вести себя более осторожно и, заметив приближение человека, ретируются в глубь леса.

Хрупкая на вид паукообразная обезьяна имеет железную хватку. На снимке слева обезьяна так крепко вцепилась в дерево своими пятью «конечностями», что оторвать ее было бы очень трудно. Даже смерть не властна над судорожно сжатыми пальцами обезьян, и мертвые тела остаются висеть на недосягаемой для охотников высоте.

С аппетитом надкусив сочный листик, черный ревуны готовятся начать дневную трапезу. Из-за специфической пищи — листья, почки и цветки деревьев некоторых видов в сочетании с фруктами и орехами, которые почти не растут за пределами тропиков, — ревуны в недалеком прошлом плохо выживали в неволе. Ныне положение несколько улучшилось — обезьяны живут и даже размножаются в зоопарках.

Обезьяны с выдающимся ГОЛОСОМ

Более неторопливые и осмотрительные, чем их паукообразные кузены, ревуны редко совершают воздушные прыжки. Обычно они сидят в характерной позе — ссутулившись и опустив плечи, подобно рыжему реву на левом снимке. Известно шесть видов этих обезьян, которые распространены от побережья Мексиканского залива до юга Бразилии. Одно время считали, что знаменитый рев самцов служит для привлечения самок. Это предположение впервые высказал Чарлз Дарвин, по мнению которого более громкие брачные крики способны привлечь большее число самок. Вероятнее, однако, что с помощью гулких завываний самцы утверждают свои права на занимаемую территорию. В связи с развитием гортанных мешков, играющих роль резонаторов, рев самца при благоприятном ветре можно услышать на расстоянии пяти километров.

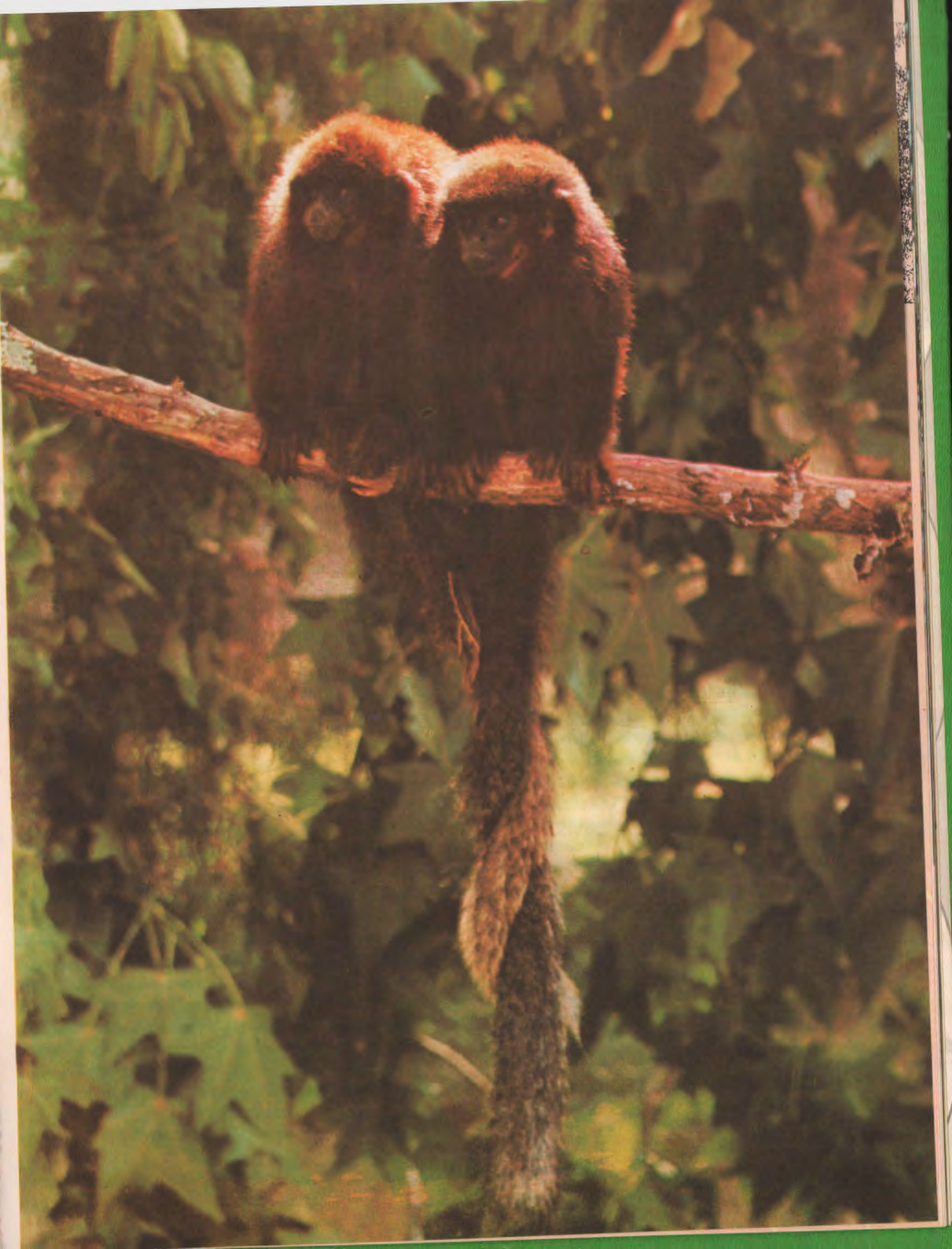

Два цепких и один прямой как стрела

Кажется, что тропические леса Центральной и Южной Америки тянутся бесконечной полосой, уходящей далеко за линию горизонта. В связи с этим легко понять, почему обезьяны Нового Света проводят всю свою жизнь в зеленом мире деревьев. Но передвигаться с ветки на ветку на высоте 30 метров над землей — опасное занятие. Падение неизбежно принесет ушибы, травмы, а может быть, и смерть. Поэтому обезьяны Нового Света владеют специальными приспособлениями, позволяющими им хвататься за ветви и поддерживать равновесие. Для капуцина и шерстистой обезьяны — это чрезвычайно цепкий хватательный хвост. У тити хвост прямой, не способный к цеплянию, зато у них мощные, цепкие лапы, которые обеспечивают дополнительную страховку.

Капуцины (вверху) получили свое название из-за хорошо выраженной «шапочки», напоминающей тонзуру францисканского монаха. Капуцины живут в густых лесах; в поисках пищи они передвигаются по деревьям группами, насчитывающими до 30 особей. Нередко можно увидеть, как обезьяна жует плод, который она ловко держит в хвосте. У шерстистой обезьяны (справа) хвост также очень подвижный. Он легко выдерживает вес животного, если конечности обезьяны в этот момент заняты кормежкой или обыскиванием. Шерстистые обезьяны страшные обжоры, из-за чего в Бразилии их называют «толстобрюхами». Переплетенные хвосты этих двух тити (крайний снимок справа) служат противовесом для отдыхающих обезьян, которые сидят сгорбившись и вцепившись в ветку всеми восемью лапами.

Территориальный императив

В 1961 году Роберт Ардри, драматург и сценарист, выпустил в свет довольно спорную книгу «Африканский генезис», которая произвела настоящую сенсацию среди читателей, далеких от науки. Свои «теории» он строил, исходя из собственных наблюдений за различными африканскими животными. В «Территориальном императиве», из которого взят приводимый ниже отрывок, Р. Ардри более подробно излагает один из аспектов своей теории. По его мнению, территориальное поведение — установление границ своей территории и их защита — одна из движущих сил в жизни всех существ и что человек в ходе эволюции унаследовал эту форму поведения*. В качестве примера автор рассматривает поведение южноамериканских каллицебусов, или тити.

В этих лесах вы не увидите внезапного, ослепительного тропического рассвета. Заря здесь подкрадывается медленно; ее приход подобен настойчивости нежных пальцев, осторожно поглаживающих затылок. Столь же неторопливо пробуждается семейство тити. Отец и мать спят бок о бок, их хвосты нередко переплетены. Он как хороший муж разделяет заботы о детенышах, и, если в семье есть малыши моложе четырех месяцев, он будет таскать его на своей спине. Члены семьи медленно движутся по своим угодьям, вокруг своего фамильного замка — дерева, на котором они ночевали. Обезьяны пьют росу, скопившуюся на листьях, мимоходом срывают фрукты, несколько ягод. Но вдруг около семи часов все семейство оживает и отправляется на окраины своего участка.

Я обнаружил, что наиболее трогательная особенность тити заключается в их готовности пожертвовать хорошим завтраком ради защиты своей территории. Сам я могу решиться на такую жертву

* Трактровка Р. Ардри эволюции поведения крайне упрощена, прямолинейна и научной ценности не имеет. Поведение животных — и тем более биологическая социальная организация — не может быть порождением одного какого-то фактора. Тенденция к защите своей территории сильно варьирует не только у разных видов животных, но и у одного и того же вида в зависимости от различных экологических условий. Поведение же человека определяется социальными факторами, и теория Р. Ардри к нему, естественно, неприменима. — Прим. перев.

только в случае крайней необходимости. Но маленькая семья не допускает никаких компромиссов, ее члены с раннего утра уже на страже своих границ. Толком не поев, сгорая от желания действовать, они дожидаются соседей, чтобы дать выход накопившейся ярости. Мать и отец сидят плечом к плечу с переплетенными хвостами и, лелея свои обиды и вскармливая свою злобу, с нетерпением ждут «возлюбленных» врагов. Никто не ступит на соседнюю территорию, пока не появятся, тоже наспех закусив и полакав росицы, сами соседи. И тогда лес превращается в сущий ад.

В Чикаго, где я жил в юности, было принято говорить, что знаменитая энергия чикагцев обязана своим происхождением газете «Чикаго трибюн». Мы читали ее за завтраком, потом не на жизнь, а на смерть спорили о том, что там было написано, без этого нам просто трудно было бы выжить. Обезьянам газету «Чикаго трибюн» заменяют распри за пограничную территорию. Все начинается с пронзительных воплей. Затем папаша вторгается на территорию соседа. Тот изгоняет его, и сам становится нарушителем границы. Теперь в боевые действия включаются уже все: семья идет на семью. Мамаши, забыв о своих манерах, начинают изливать давние обиды. Подростки на примере старших познают основы бытия. Бедлам и воинственные выпады продолжаются около получаса, пока кто-нибудь вдруг не вспомнит, что существует еще одна граница, которая тоже требует защиты и своей доли подвигов. Семейство удаляется... Его недавний противник также вспоминает; что есть другая граница и другие враги, которых не мешало бы утешить. Соперники не приносят друг другу извинений и не обмениваются визитными карточка-

ми — правила игры и без того прекрасно известны. Да будь на их месте средневековые рыцари, надменно кланяющиеся и простирающие закованные в броню руки в традиционном жесте примирения, они не смогли бы соблюсти рыцарский кодекс чести лучше, чем это делают тити.

На других границах — другие противники. Удовлетворение, которое получают обезьяны от таких стычек, должно быть очень велико. Поднимается кровавое давление, набухают ткани, мозг кипит от праведного гнева. Около девяти утра, после двухчасовой эмоциональной разминки, кому-нибудь наконец приходит в голову, что он проголодался. Тогда будет положен конец боевым действиям этого дня, и все поспешат за завтраком утолить свой разыгравшийся аппетит.

У большинства видов позвоночных животных, жизнь которых проходит в пределах территории семейной пары, самец утверждает свои исключительные права не только на участок, но и на самку. Поскольку это наиболее характерно для птиц, территориальная концепция долгое время была прерогативой орнитологов, и считалось, что территориальность является одним из необходимых аспектов сексуального поведения самца. До недавнего времени предполагалось также, что сексуальное влечение самца и самки составляет связующее звено сообщества приматов. Но тити — рыжеголовые и белорукие обезьяны — несколько покачнули эти гипотезы.

Самки тити в отличие от многих других видов приматов имеют, подобно низшим млекопитающим, лишь определенный период полового возбуждения, а на протяжении оставшейся части года сексуаль-

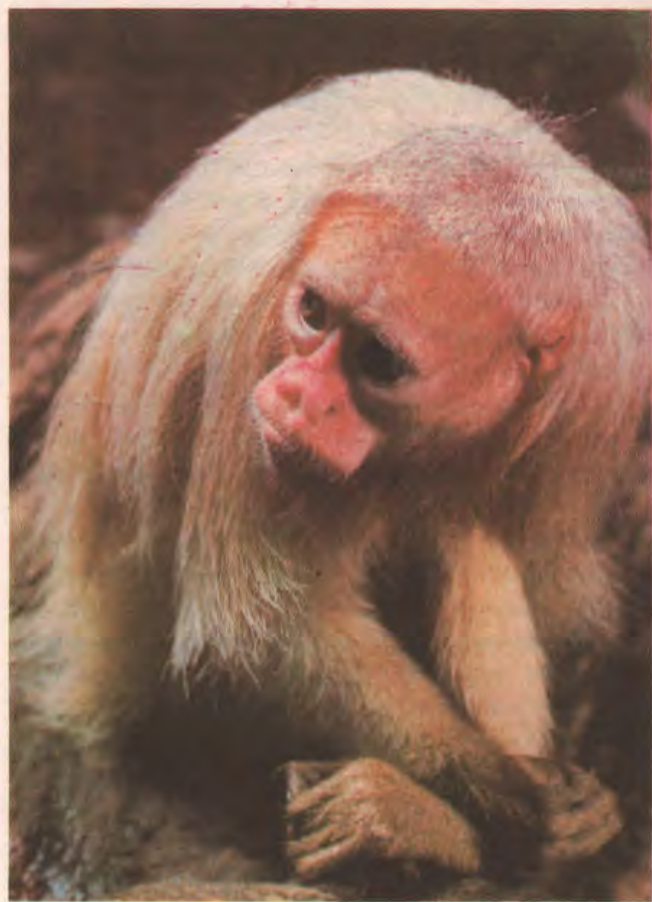
но невосприимчивы. Все это долгое время, когда секс не играет никакой роли в жизни тити, обезьяны заняты защитой территории. Охрана границ превосходна, для чужаков они закрыты самым строжайшим образом, супружеская лояльность не оставляет желать лучшего. По-видимому, верность у тити соблюдается во всем, кроме секса. Когда у самок наступает течка, жизнь обезьян превращается в настоящий карнавал. Система территориальных запретов рушится, изголодавшиеся самцы и изможденные долгим постом самки нарушают границы направо и налево, и на протяжении всего этого периода церемониал враждебных действий сменяется атмосферой нежных чувств и карнавальных приключений. Этот период кончается, и тити начинают выращивать отпрысков, зачатых в период действия генетического смесителя. И снова идеальные супружеские пары, переплетая хвосты, спят бок о бок на высоких ветках в глухом лесу. Плечом к плечу они каждое утро выходят на охрану границ, вновь сплетаются хвостами и пронзительно кричат на своих врагов, получая удовольствие от привычного хода жизненных событий.

Вонка, Винки и Мири

На языках различных племен индейцев Южной Америки слова *sakiwonka*, *sakiwinki* и *sakimiri* имеют одно значение — «маленькая обезьяна» и относятся к различным видам небольших обезьянок, известных под собирательным названием «саки». Уакари, изображенные на этих страницах, представляют короткохвостых саки. Уакари и истинные саки очень похожи друг на друга своими длинными стройными конечностями, уплощенными мордочками, боязливым, совсем не агрессивным характером. Однако окраска их шерсти обнаруживает бесконечное множество вариаций. Хотя уакари отважные прыгуны, они карабкаются по деревьям медленно и осторожно, тщательно проверяя прочность ветки, прежде чем перенести на нее свое тело. Путешествуя по жарким влажным лесам бассейна Амазонки, саки обычно передвигаются семьями, но когда обнаруживают обильный источник пищи, то собираются большими группами.

Розовое безволосое лицо рыжего уакари (вверху) выглядит как карнавальная маска, которую при желании можно сорвать. Уцепившись мощными нижними конечностями за ветку, эта обезьяна часто во время кормежки висит вниз головой, пытаясь дотянуться до пищи своими короткими, широкими передними конечностями. В роду уакари красивая внешность не в почете; этот лысый самец (справа), который отдыхает в согбенной позе, очень напоминает старого боксера с перебитым носом, вспоминающего о безвозвратно ушедших днях былой славы.

Саки лишены хватательного хвоста, придающего другим обезьянам Нового Света особую подвижность. В качестве компенсации природа одарила этих обезьян феноменальной прыгучестью, которой не обладает никакая другая обезьяна в южноамериканских лесах. Взираясь на высокую ветку и подняв вверх для равновесия передние конечности, обезьяна, оторвавшись от своей опоры (вверху), летит по направлению к стволу растущего поодаль дерева. Семейная группа состоит из самца, самки и детеныша (слева). Обычно самцу не свойственна агрессивность, но, если опасность угрожает его подруге или отпрыску, он может перейти к решительным действиям.

Саки м нее всего похожи на обезьян. Лицом они напоминают старика, издают звуки, подобные щебетанию птиц, зубами походят на кошку, а пушистым хвостом — на лисицу. Когда саки прыгают с дерева на дерево (вверх), их хвост развевается сзади, как боевой штандарт, и, вероятно, способствует устойчивости полета. Натуралисты мало знают о привычках и особенностях группового поведения этих обезьян в естественных условиях — саки очень пугливы, и это затрудняет организацию полевых исследований. Известно, однако, что они всеядны. На снимке слева обезьяна обрывает ягоды с тоненькой веточки, которую она держит во рту. Саки едят также орехи, листья, насекомых, небольших грызунов, дикорастущие злаки и даже птиц и летучих мышей.

Летающие обезьяны

Высоко задрав хвост и устремив голову вниз, к далекой земле, беличья обезьяна, или саймири, (вверху) повисла на тончайшей веточке, демонстрируя незаурядное гимнастическое мастерство. Эти небольшие хрупкие обезьянки живут высоко в кронах тропических деревьев на большей части Центральной и Южной Америки. Нередко они спускаются с вершин, чтобы подкормиться ягодами, орехами и фруктами, которыми изобилуют деревья,

растущие по краю леса или вдоль рек. Но совсем сойти на землю они осмеливаются, лишь когда собираются большими группами. Саймири очень опрятные животные; свой мех, и в особенности хвост, они натирают пахнущим секретом. Некоторые ученые полагают, что использование пахучей жидкости необходимо для того, чтобы пометить «тропу», которой следуют обезьяны, путешествуя в древесных кронах.

Ночная сова

На закате, когда все остальные обезьяны Нового Света устраиваются на ночлег, настает пора дурукули, светлоглазой и пышнохвостой обезьяны. Она просыпается и начинает рыскать по лесу в поисках плодов, насекомых, птичьих яиц и летучих мышей. Единственная обезьяна, ведущая истинно ночной образ жизни, она известна еще как ночная, или совиная (из-за огромных глаз), обезьяна. Дурукули путешествуют и охотятся парами, иногда небольшими семейными группами. Живут они, подобно совам, в дуплах деревьев. У них белые, как мел, мордочки и мысик темной шерсти на лбу.

По всему свету

Джеральд Даррелл родился в 1925 году в Индии. Большую часть своего детства он провел путешествуя с семьей по всему свету. Еще ребенком он проявлял необычайный интерес к животным и всюду, где бы ни находился, подбирал их и приносил в дом. Проработав несколько лет помощником служителя в зоопарке Уипснейд (Бедфордшир, Англия), он организовал ряд экспедиций по отлову диких животных. Во время одной из таких экспедиций в Гайане он познакомился с двумя видами обезьян Нового Света. Приводимое ниже описание дурукули, так же как и зарисовка из жизни игрунок (стр. 127), взято из книги Даррелла «По всему свету»*. Всего Дж. Дарреллом написано более десяти книг.

И еще одни пленительные существа посещали фруктовые деревья — речь идет о дурукули. Эти забавные обезьянки с длиннейшим хвостом, почти беличьим тельцем и огромными совиными глазами — единственные приматы, ведущие истинно ночной образ жизни. Дурукули прибывали стайками по семь-восемь особей, прибывали совершенно бесшумно, но длинные и замысловатые беседы, которые они вели во время трапезы, быстро их выдавали. Репертуар издаваемых дурукули звуков превосходит все, что я когда-либо слышал не только у обезьян, но и у любых животных таких размеров. Начну с громкого переливчатого тьяканья: этот мощный вибрирующий звук служит сигналом тревоги и, когда дурукали издают его, их горловые мешки раздуваются до размеров небольшого яблока. Разговаривая между собой, они пронзительно взвизгивают, похрюкивают, мяукают по-кошачьи; издают также булькающие трели — их мне просто не с чем сравнить. Иногда какая-нибудь из них в приливе чувств клала руку на плечо

товарки, они садились рядышком в обнимку и тараторили, не сводя друг с друга серьезного взгляда. Из всех виденных мной обезьян только дурукули без какого-либо видимого повода чуть что принимались обниматься и страстно целоваться, сплетаясь хвостами.

* Джеральд Даррелл. По всему свету. Пер. с англ. Л. Жданова. — В кн.: Даррелл Дж. По всему свету. Поймите мне колесу. — М.: Мысль, 1980.

Игрунки

Распространенные только в тропических лесах Западного полушария, игрункообразные обезьяны составляют самостоятельную ветвь генеалогического древа приматов и классифицируются отдельно от остальных обезьян Нового Света, образующих другое семейство — цебиды. Основанием для подобного выделения игрунок послужило то, что у них на всех пальцах, за исключением большого пальца стопы, не ногти, а когти. Кроме того, это самые маленькие обезьяны. Карликовая игрунка, например, не превышает по размерам мышшь.

Однако в большинстве своем игрунки по величине не меньше белок и не уступают им в подвижности и боязливости — также прячутся за стволами деревьев от глаз наблюдателя, а потом украдкой высовываются из убежища, чтобы удовлетворить свое любопытство. Длинные загнутые когти позволяют им отлично цепляться за шероховатость коры, когда они карабкаются по вертикальным стволам деревьев или бегают по веткам.

Игрунки распространены почти повсюду в лесных местностях Центральной и Южной Америки, от Панамы до юга Бразилии. Две основные группы игрунок — собственно игрунки, или мармозетки, и тамарины — при всей своей близости различаются разнообразием окраски и «украшений». У большинства мармозеток на ушах имеются забавные пучки длинных волос — беленькие кисточки, темные метелочки, коротенькая желтая поросль, но есть и такие, уши которых вовсе лишены волос и в момент возбуждения становятся из нежно-розовых густо-алыми. Для многих тамаринов характерным признаком являются усы, форма которых варьирует от аккуратно белого пушка на верхней губе до пышных, длинных, свисающих по обе стороны усов императорского тамарина, названного так в честь австрийского императора Франца-Иосифа I, о роскошных усах которого ходили легенды. Помимо усов, головы некоторых тамаринов украшены причудливыми хохолками, гривками, жабо; так, например, эдипов хохлатый тамарин, или пинче, отличается веером белых длинных волос на голове («хлопковая макушка»), напоминающим головной убор индейского вождя, вступившего на тропу войны.

Подобно гиббонам, мармозетки и тамарины живут семейными группами, состоящими из родительской пары и детенышей разных поколений. Беременность у самки длится около пяти месяцев, после чего рождается, как правило, двойня. Забота о малышах очень скоро переходит в руки самца: он постоянно носит их на спине, но на время кормежки подсаживается поближе к самке, чтобы детеныши могли вскарабкаться на нее и пососать молоко. В этом возрасте они еще малы и не доставляют много хлопот. Однако растут они быстро, и к тому моменту, когда им исполняется два месяца, отец оказывается черес-

чур обремененным своими обязанностями. Ему начинают помогать подрастающие члены семьи, которые время от времени носят малышей на себе и таким образом с раннего возраста постигают азы родительской науки. То, что все тяготы, связанные с заботой о детенышах, в особенности когда речь идет о близнецах, делятся между членами семьи, имеет, без сомнения, много преимуществ. Если бы самке одной пришлось выкармливать и носить их, это потребовало бы от нее слишком больших усилий. Достигнув шестимесячного возраста, детеныши становятся совершенно независимыми, и мамаша может произвести на свет парочку очередных отпрысков.

Самец и самка у игрунковых характеризуются не только одинаковыми размерами, но и одинаковым внутригрупповым статусом. Отец доминирует над детенышами мужского пола, мать — над детенышами женского. Как и у гиббонов, взрослеющие подростки сталкиваются со все увеличивающимся антагонизмом одного из родителей и в конце концов уходят, чтобы завести собственную семью.

По сравнению с другими обезьянами у игрунковых менее развита мимика. Однако для передачи информации и выражения ощущений они пользуются другими, достаточно эффективными способами. Протяжный заунывный свист помогает членам одной семьи поддерживать контакт, даже если они не видят друг друга. Чтобы поднять тревогу, когда сверху пролетают хищные птицы, используются высокие трели.

В целях устрашения мармозетка прижимает к голове кисточки ушей, опускает брови и поднимает дыбом шерсть. Все это придает ей необыкновенно грозный вид, — конечно, с точки зрения другой мармозетки. Сигналы, передаваемые с помощью запахов, не менее важны в жизни игрунок. Поза доминирования выражается следующим образом: выпрямив хвост и распушив шерсть, игрунка пятится по направлению к животному, занимающему подчиненное положение, и заставляет его таким образом почувствовать силу запаха, исходящего из желез генитальной области.

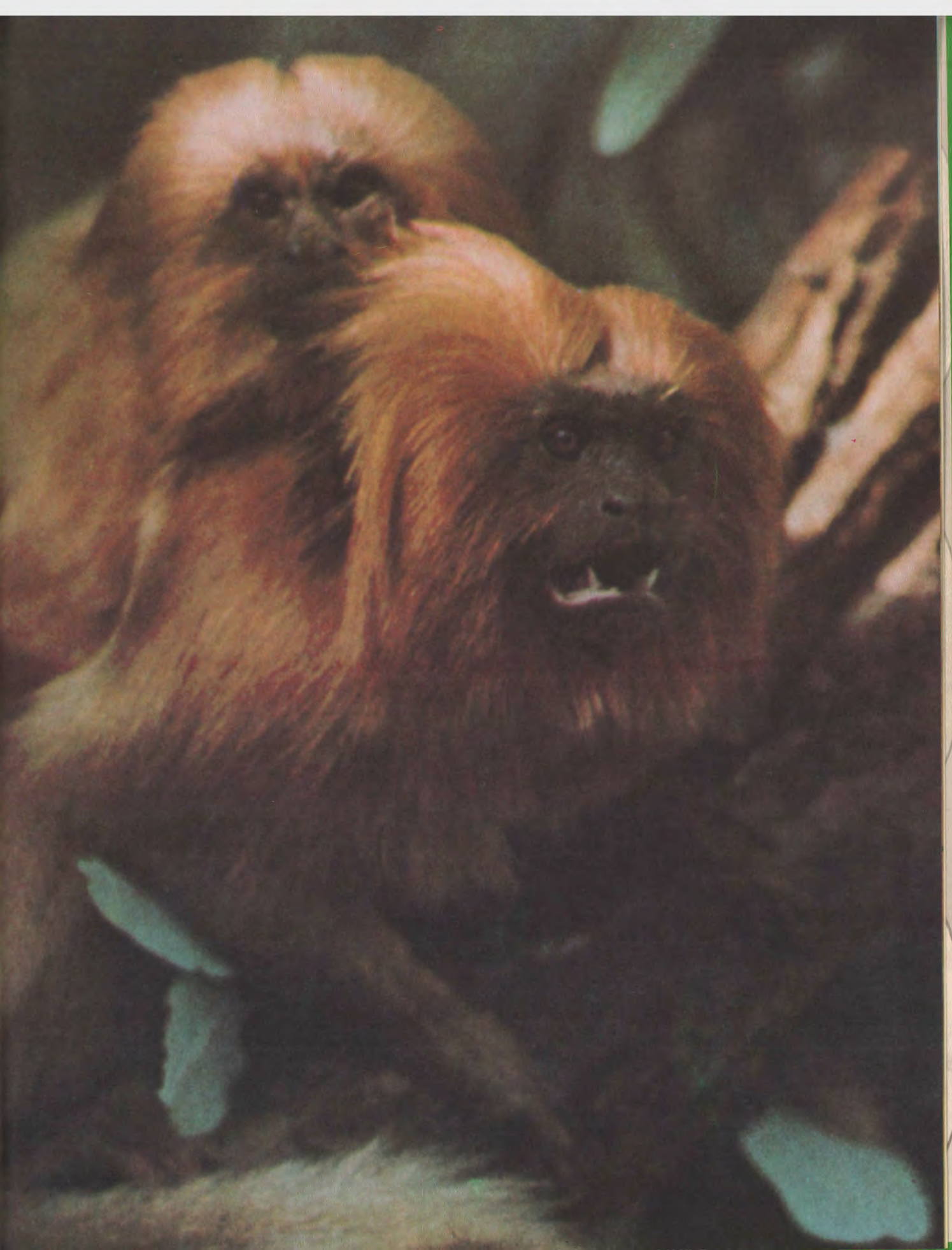
Интересно, что один из самых крупных приматов — человек — и самая маленькая из всех обезьян —

игрунка — по странной случайности, имеют три общие черты: сходный тип семейной группы, в которой доминирующую роль играет отец; одно и то же число зубов — 32 и одинаковое число хромосом — 46.

Конечно, это всего лишь совпадение. И все-таки, глядя в широко расставленные пытливые глаза игрунки и в ее сообразительную крошечную мордашку, нельзя не испытать теплых чувств по отношению к этому, самому маленькому из наших обезьяньих сородичей.

Игрунки живут в верхних ярусах влажных тропических лесов Центральной и Южной Америки.

В отличие от других обезьян у мармозеток и тамаринов сильно сжатые с боков заостренные и загнутые ногти на пальцах кисти (слева) и стопы (справа) весьма напоминают когти. Исключение составляет лишь большой палец стопы. Большие пальцы кисти не противопоставлены остальным, но для этих крохотных обезьянок когти служат отличным средством, позволяющим удержаться на ветвях деревьев.

Самые миниатюрные

Крохотные мармозетки и тамарины живут в верхнем ярусе влажных тропических лесов Центральной и Южной Америки. Эти всеядные обезьянки редко покидают свою древесную обитель, где много фруктов, орехов, почек, насекомых, птичьих яиц и небольших ящериц, служащих им пищей. Несмотря на свои короткие конечности, они отлично лазают по деревьям. Острые когти позволяют им цепко держаться за стволы и ветки, так что, даже в тех случаях, когда они высматривают потенциальную опасность, подобно двум пинче на верхнем снимке, или подвергаются тщательному осмотру со стороны назойливого родственника, как этот белолобый тамарин на левом снимке, у них практически нет шансов упасть вниз. Тамарины крупнее мармозеток и обладают более длинными конечностями. Подобно императорскому тамарину с роскошными усами (справа), они не только прекрасно лазают по деревьям, но и хорошо прыгают — дар, который позволяет им с большим успехом спасаться от орлов и человека.

По всему свету

Странное дело: когда держишь у себя ручных животных, появляется склонность смотреть на них как на маленьких человечков, притом настолько сильная склонность, что вы даже начинаете приписывать им какие-то свои черты. Избежать антропоморфического подхода чрезвычайно трудно. Допустим, вы держите золотистого хомячка, смотрите, как он сидя ест орех, как его розовые лапки дрожат от возбуждения и защечные мешки наполняются запасами, и в один прекрасный день вам приходит в голову, что он — вылитый ваш дядюшка Амос, который точно так же восседает в своем любимом клубе, наслаждаясь солеными орешками и портвейном. И все: с этого дня, пусть хомячок остается хомячком, для вас он всегда будет одетым в рыжую меховую куртку, миниатюрным дядюшкой Амосом с пухлыми щеками. Мало животных наделено достаточно сильным и самобытным характером, чтобы устоять против такого сравнения, мало среди них ярких индивидуальностей, которые заставляют вас воспринимать их как есть, а не как подобие крохотных человечков. Из сотен отловленных мной для зоопарков или для себя животных наберется не больше дюжины, заметно выделявшихся среди своих сородичей самобытной индивидуальностью и решительно не дававших мне повода принимать их за какое-нибудь другое существо.

К их числу я могу отнести черноухую мармозетку, малютку Пабло. Собственно, все началось во время зоологической экспедиции в Британской Гвиане. Однажды вечером я сидел, притаившись в зарослях по соседству с поляной, и внимательно наблюдал за норой, в которой, по всем данным, обитало некое интересующее меня животное. Заходящее солнце окрасило небо в изумительный нежно-розовый цвет; на этом фоне особенно четко проступали могучие деревья, оплетенные, словно исполинской паутиной, ползучими растениями. Ничто не действует на человека так умиротворяюще, как вечерний тропи-

ческий лес. Я упивался картинами и красками, и в душе моей царил отрешенно-чуткое состояние, которое буддисты почитают первой ступенью к нирване. Неожиданно мое полузабытие было нарушено протяжным писком такой силы; будто мне вонзили иголку в ухо. Осторожно поворачивая голову, я попытался рассмотреть, откуда исходит звук. Его не могли издать ни древесная лягушка, ни какое-либо насекомое, и на птичий голос непохоже: слишком резко и немелодично. Внезапно метрах в десяти над собой я увидел виновника. По толстому суку, как по шоссе, раздвигая прилепившиеся к коре орхидеи и другие паразитические растения, выступала крохотная мармозетка. Вот остановилась, присела на корточки и снова издала пронзительный писк. На этот раз ей кто-то отозвался, и через несколько секунд на том же суку появились еще две мармозетки. Переговариваясь чирикающими голосами, вся компания пробиралась через орхидеи, тщательно исследуя листья и время от времени издавая ликующий возглас при виде жука или таракана. Одна из охотниц, наметив себе жертву, долго преследовала ее в орхидейной чаще, раздвигая лепестки с напряженным вниманием на своем крохотном личике. Только вознамерится схватить добычу — непременно что-то помешает, и насекомое успевает спрятаться за стеблем. В конце концов мармозетке повезло, и выброшенная наугад рука извлекла из листы здорового таракана. Радостно чирикающая, охотница поспешно сунула в рот отбивающуюся добычу, чтобы, чего доброго, не вырвалась. С блаженной мордочкой мармозетка уплела таракана, после чего внимательно осмотрела свои руки с обеих сторон — не осталось ли еще кусочка?

Я был настолько увлечен картинами частной жизни мармозеток, что лишь после того, как маленький отряд скрылся в густеющих сумерках леса, почувствовал, что у меня онемела нога, а шейная мышца скована судорогой.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Альберт (Киву), национальный парк 19
Антилопа импала 76
Ардри Роберт 114

Беличья обезьяна (саймири) 108, 119
Берроуз Эдгар Райс 34—37
Болезни 15
Большой палец 11, 15, 108
Брахияция 54, 56

Варварийская обезьяна. См. также Макак магот
Верветки 70, 75
«В тени человека» (Лавик-Гудолл) 42—43
Высшие приматы (обезьяны) 10, 122

Газель 76
Гален из Пергама 15
Гверцы 11, 28, 62, 67
воздушные трюки 67
пища 11, 62
разновидности 67
среда обитания 67
характерные особенности 62

Гвиретки 70, 75
Гепард 76
«Гиббон в Китае» (Гулик) 58—59
Гиббоны 12, 15, 44, 53, 54—61, 122
воздушные трюки 54, 56—57
голосовые способности 54
забота о потомстве 54
пища 54, 60
размеры 54
распространение 54
ручные 58—59
седалищные мозоли 54, 61
социальная структура 54, 60
способы питания 54
среда обитания 54
территория
характерные особенности 54, 60
хищники и — 58—59
человек и — 58—59

Гиена 70, 76
Гиеновые собаки 76
Глаза 12, 14
Гну 76
«Год под знаком гориллы» (Шаллер) 26—27
Гориллы 12, 15, 16—27
альбинос 19
голосовые способности 25
забота о потомстве 19, 20
обыскивание 15
пища 16, 20, 21, 26
продолжительность беременности 19
продолжительность жизни 16
размеры 16
разновидности 19
распространение 16, 19
социальная структура 16, 19, 23, 27
спаривание 27
среда обитания 16, 19
угрожающее поведение 16, 23
характерные особенности 16, 19, 23, 26—27
человек и — 16
Гулик Р. Х., ван 58

Дарвин Чарлз 111
Даррелл Джеральд 121, 127
Двуногое хождение 15
Динозавры 10
Долгопяты
Дрилы 76, 80
Дурукули 12, 120

Зайцы 14, 76
Зебра 76
Зеленые мартышки 70, 75
Зрение 12, 14

Индризиды 10

Каван Масао 92
Каллицебусы, см. Тити
Капуцин 108, 112
Карпентер Кларенс Рей 108
Кахузи-Биега, национальный парк (Заир) 20
Кенгуру 15
Кисть 14, 15
«Ковчег переполнен» (Мурхед) 24—25

Когти 14, 122, 126
Косима, остров (Япония)
обезьяны 91—97

Лавик-Гудолл Джейн, ван 34, 42
Лангуры 11, 62
забота о потомстве 62
— в мифологии 62, 64, 65
пища 62, 64, 65
распространение 62, 64
социальная структура 62
среда обитания 62, 64
характерные особенности 64, 65
человек и — 64
Ларамийская складчатость 10
Лев 76
Лемуриды 10
Леопард 23, 38, 54, 70, 76
Листоядные обезьяны 11, 62
Лоризиды 10

Макак львинохвостый 98
— магот 88, 106
— резус 88, 106, 107
— японский 88, 99—103
Макаки 11, 15, 70, 88—103, 106—107
— Косими 91—97
распространение, среда обитания 88
связанные животные 88, 106, 107

Мангобей 11, 88
— быстрый 105
— беловоротничковый 105
Мандрил 76, 87

Мармозетки (игрунки) 122—126
голосовые способности 122, 127
забота о потомстве 122
карликовая игрунка 122
пища 10, 11, 124, 127
продолжительность беременности 122
размеры 122
распространение 122
социальная структура 122
среда обитания 122
характерные особенности 122, 124

Мартышка Брасса 70
— диана 70, 72
— талапойн 70
— зеленая 70, 75

Мартышки 11, 70—75
голосовые особенности 72
обыскивание 70
пища 70
размеры 70
размножение 70
разновидности 72
социальная структура 70, 75
среда обитания 70, 75
характерные особенности 70
хищники и — 70

Медведь 15
Млекопитающие 10
характерные особенности 12
эволюция 10, 13
Мурхед Алан 24

Насекомоядные 10, 13
Насекомые 10
Низшие приматы (полуобезьяны) 10—11, 13
Ногти 14, 122, 124
Нос 11, 12, 14, 62, 69, 108
Носачи 69
Ночная обезьяна. См. также Дурукули

Обезьяны Нового Света 11, 13, 15, 108—125
— Старого Света 11, 13, 15, 62, 70, 76, 87, 108
— человекообразные 11, 13, 14—59

Обоняние 12, 14
Обыскивание (груминг) 15, 16, 31, 33, 42, 70, 76, 79, 85, 92, 112
Орангутаны 12, 44—53
воздушные трюки 53
голосовые способности 44
забота о потомстве 48
пища 44
размеры 44
распространение 44
способы питания 44
среда обитания 44, 46
территория 44

характерные особенности 44, 47, 53
численность 44
Орел 124
Осязание 14

Павианы 11, 28, 76—87
забота о потомстве 82
обыскивание 76, 79, 85
пища 76, 79
размеры 76
распространение 76
седалищные мозоли 76
социальная структура 76, 78, 84
способы питания 76
среда обитания 76, 82
характерные особенности 76
хищники и — 76, 84
человек и — 76

Пальцы 13
Потасы (красные гусары) 70, 72
Паукообразная обезьяна 15, 108, 110
«По всему свету» (Даррелл) 121, 127
По Эдгар Аллан 50
Птицы 10
территориальное поведение 15

Распространение приматов 11
Ревун 108, 111
Рокселланов ринопитек 62
Руконожковые 10

Саки 116, 117, 118
Седалищные мозоли 11, 54, 61, 76, 108
Сиамаг 12, 54, 60, 61
Слух 14
Снежные обезьяны 99—103
Совиная обезьяна. См. также Дирукули
«Сокровищница животных» (Сэндерсон) 80—81
Стопа 14, 112
Сэндерсон Айван Т. 80—81

Тамарины 122, 124
«Тарзан — приемный обезьяна» (Берроуз) 34—37
Территориальное поведение 44, 54, 114—115
«Территориальный империтив» (Ардри) 114—115
Тити 108, 112

Уакари 108, 116, 117
«Убийства на улице Морг» (По) 50—51
Уши 14

Хватание 15, 108, 110, 112
Хвосты 9, 108
— хватательные 108, 110, 112, 117
Хомячок 127

Чебиды 11, 122

Человек 10, 15, 27, 122, 126
Человекообразные обезьяны 13, 15, 27. См. также Гиббоны, Гориллы, Орангутаны, Шимпанзе
Черчилль Уинстон 106

Шакал 76
Шаллер Джордж 26
Шаллер Кей 26
Шерстистая обезьяна 112
Шимпанзе 12, 15, 28—43
голосовые способности 28
забота о потомстве 28, 32, 33, 42—43
использование орудий 28
обыскивание 33, 42
охота 28
пища 28, 30, 38, 39, 41
размеры 28
размножение 28
распространение 28, 30
социальная структура 28
способы питания 28, 30, 38, 39, 41
среда обитания 28
характерные особенности 28
человек и — 28, 38
эволюция 28

Эволюция 10—15, 27, 28, 114

Южноамериканские обезьяны 108—125

Ящерицы 76

Литература

- Amon A. Reading, Writing, Chattering Chimps. Atheneum, 1973.
- Bourne G. H. Primate Odyssey. G. P. Putnam's Sons, 1974.
- Chance M. R., Jolly C. Social Groups of Monkeys, Apes and Men. E. P. Dutton, 1971.
- DeVore I., ed., Primate Behavior: Field Studies of Monkeys and Apes. Holt, Rinehart and Winston, 1965.
- Elmerl S., DeVore I. The Primates. Time-Life Books, 1965.
- Grzimek B. Grzimek's Animal Life Encyclopedia. Vol. 10, Mammals I. Van Nostrand Reinhold, 1972.
- Харрисон Б. Орангутан. — М.: Знание, 1969.
- Hill W. C. Primates: Comparative Anatomy and Taxonomy John Wiley and Sons, 1955.
- Jolly A. The Evolution of Primate Behavior. Macmillan, 1972.
- Лавик-Гудолл Дж., ван. В тени человека. — М.: Мир, 1974.
- Mackinnon J. In Search of the Red Ape. Holt, Rinehart and Winston, 1974.
- Morris D., ed., Primate Ethology. Anchor Books, 1967.
- Morris D. The Naked Ape: A Zoologist's Study of the Human Animal. McGraw-Hill, 1968.
- Napier J., Napier P. Old World Monkeys: Evolution, Systematics and Behaviour. Academic Press, 1970.
- Napier J., Napier P. A Handbook of Living Primates. Academic Press, 1967.
- Napier P. Monkeys and Apes. Bantam Books, 1973.
- Reynolds V. The Apes: Gorilla, Chimpanzee, Orangutan and Gibbon. E. P. Dutton, 1967.
- Rowell Th. The Social Behavior of Monkeys. Penguin Books, 1973.
- Schaller G. B. Mountain Gorilla: Ecology and Behavior. University of Chicago Press, 1963.
- Шатер Дж. Б. Год под знаком гориллы. — М.: Мысль, 1968.
- Schultz A. H. The Life of Primates. Universe Books, 1969.
- Walker E. P. Mammals of the World. 3 vols. Johns Hopkins University Press, 1975.
- Williams L. Samba and the Monkey Mind. W. W. Norton and Co., 1965.

Пру Нейпье, Джон Нейпье

ОБЕЗЬЯНЫ

Научный редактор Р. В. Дубровская
Младший научный редактор М. В. Суrowова
Художник А. В. Шипов
Художественный редактор В. Б. Прищепа
Технический редактор В. П. Ситова
Корректоры В. И. Пастнова, Е. В. Жевракова

ИБ № 3585

Сдано в набор 12.09.83. Подписано к печати 18.06.84. Формат 84 × 108/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс, плентин. Печать офсетная. Объем 4 бум. л. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 56,29. Уч.-изд. л. 18,42. Изд. № 12/2504. Тираж 75 000 экз. Заказ 624. Цена 3 р. 50 к.

129820, Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., 2, ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 150014, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

